

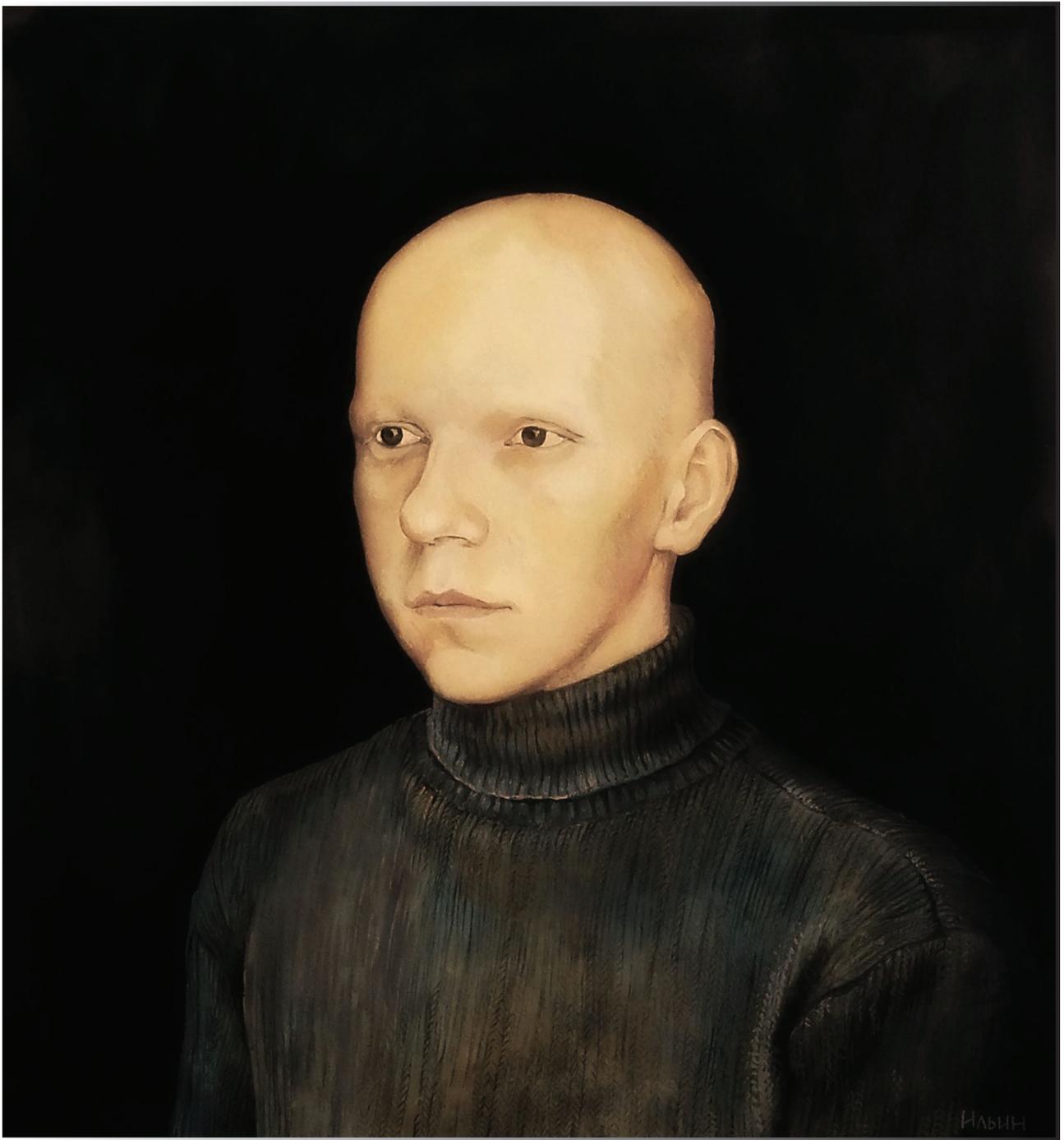
Штаблас



Литературно-художественный
и публицистический журнал

№ 6 (20) 2012

12+



Автопортрет. Оргалит, темпера. 2011 год. Художник Алексей Ильин.

ИТАЛМАС

Литературно-художественный и публицистический журнал

№ 6 (20) 2012

Выходит 6 раз в год

Журнал основан в 2007 году

Учредители-издатели:

НОУ ВПО «Камский институт гуманитарных и инженерных технологий»
Благотворительный фонд имени писателя Михаила Петровича Петрова

Редакционный совет:

Валерий Александрович Никулин – председатель
Ольга Александровна Дегтева
Сергей Максимович Решетников
Егор Егорович Загребин
Александр Михайлович Ермаков
Олег Никитич Хлебников
Наталья Алексеевна Сударикова
Анна Сергеевна Зуева-Измайлова
Анатолий Андреевич Строкин
Михаил Николаевич Юхма

Редакционная коллегия:

Валерий Александрович Никулин – главный редактор
Наталья Викторовна Варламова – заместитель главного редактора, выпускающий редактор
Елена Валериевна Никулина – главный художник-дизайнер
Фаина Александровна Бушмакина
Наталья Андреевна Атнабаева
Дмитрий Валерьевич Стрелков

Адрес редакции:

426003, г. Ижевск, ул. В. Сивкова, 12а.
Тел./факс (3412) 501-751, 501-761. E-mail: kigit@bk.ru.
Подписано в печать 27.12.2012. Формат 60x84 1/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Century Schoolbook.
Уч.-изд. л. 15,07. Усл. печ. л. 15,29.
Тираж 500 экз. Заказ №.
Отпечатано в МУП «Сарапульская типография».
427900, г. Сарапул, ул. Раскольников, 152.
Тел./факс (34147) 4-12-83, 4-12-85.

© Камский институт гуманитарных и инженерных технологий, 2012
© Благотворительный фонд имени писателя Михаила Петровича Петрова, 2012
© Авторы, постатейно, 2012

СОДЕРЖАНИЕ



ПРОЗА

Илларион СОРОКИН Гремучий век <i>Роман (отрывок)</i>	4
Олег СОВИН Портрет Босха <i>Повесть (отрывок)</i>	25
Галина ПРОНИНА Букет <i>Рассказ</i>	34
Тони РОНБЕРГ Короткие рассказы	42
Ася ВАРЛАМОВА «Среди белых облаков» <i>Рассказ</i>	47



ПОЭЗИЯ

Алексей СОМОВ «Мы друг друга найдем по зеленой звезде...» <i>Стихотворения</i>	51
«Эй, в перелицованном хитоне...»	51
Invaders must die	51
«Мой милый, поздно брать уроки бокса...»	51
Памяти Дениса Бесогонова	52
«Межсезонье, пятое время года, в школах...»	52
«Собирая кристаллы соли на развалинах Вавилона...»	52
«Последний снег чуть-чуть похож на первый...»	52
«Как темна и чудесна звериная смерть...»	53
«О, расскажи мне эту новость...»	53
«Передушить звонки и перерезать ток...»	53
«...и вдруг прольется, как из чаши...»	53
«Запоздалый март, волчий ветерок...»	53
Ножевая	53
Александр КОРАМЫСЛОВ «И надцелуи ангелов ловить...» <i>Стихотворения</i>	54
«Ей-богу – а, вернее, Ей-Богине...»	54
Элементарные хайку	54
«Нам остаются только подцелуи...»	54
«Брат, окруженный сестрами...»	55
«Каждое Божье утро...»	55
«Покажите мне палец – и я загрущу...»	55
«Мои гулливеры, я ваш лилипут...»	55
«В моем холодильнике...»	55
«Предъявите штраф миру еще...»	56
«Пусть вам расскажет правду кто-нибудь поглупее...»	56
«Такая боль уже не помещалась...»	56
«В доме повешенного не говорят о веревке...»	56
«глупый пишет, как он провел лето...»	56
«сегодня умрешь – завтра скажут поэт...»	56
«Историки закатывают истерики...»	56
«Все дети по-своему исключительны...»	56
«вот так живешь-живешь в местном содоме...»	57
«Пряники «Славянские»...»	57
«детство время разбрасывать камни...»	57
«Дали не знал ничего вкуснее морских ежей...»	57
«моя пожилая мама поступает точно так...»	57
«Солдатушки, бравы ребятушки...»	57
«...представить себе, что я лабух...»	57
«Мы говорливы по привычке...»	57



ДЕБЮТ

Мария АБИХ «В наших снах столько млечных путей...» <i>Стихотворения</i>	58
«жги дни. забивай под кожу рассветы...»	58
«Самолеты в синем небе...»	58
«Безумство замыкается в точках...»	58

«Господи, сбрось меня камнем вниз с неба...»	59
«Мы же нью-йоркские хулиганы...»	59
«девочка, надевай потеплее шарф...»	59
«солнечные системы пеленают своих детей...»	59
«я понимаю, что мне никого из вас не стоило знать...»	59
Наташа МОСКАЛЕНКО «И я лету кричу: «Постой!..» <i>Стихотворения</i>	61
«Ты для меня – светящийся огонек в темную ночь...»	61
«Ну, здравствуй, мой любимый кот...»	61
«Так по-зимнему ветер веет...»	61
«Люди теряют людей...»	61
«нежно за руки взяв – «прости...»	61
Дмитрий СТРЕЛКОВ Первая Публичная читка журнала «Италмас» <i>Фоторепортаж</i>	107



ДРАМАТУРГИЯ

Татьяна НАБРОДОВА Несколько сцен у двери кабинета № 212 <i>Пьеса</i>	62
---	----



ПЕРЕВОДЫ

Анатолий ПЕТРОВ «Отцовский дом. Любимый край...» <i>Стихотворения</i>	65
«Знать хотите о Каме? Советую вам...» <i>Перевод В. Игошкина</i>	65
«Нет тебя сейчас со мною...» <i>Перевод Г. Иванцова</i>	65
«Коль не бывал в чужих краях...» <i>Перевод В. Шленского</i>	66
«Секыт куректон но...»	66
«Тяжкое горе...» <i>Подстрочный перевод В. Ар-Серги</i>	66
Вячеслав АР-СЕРГИ Про Анатолия Петрова	66



ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Наталья ТУЛЯКОВА Жанр легенды в творчестве Натаниэля Готорна	68
---	----



ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

Алексей ЕРМОЛАЕВ Из записных книжек <i>О Флоре Васильеве</i>	74
---	----



ЭТНОГРАФИЯ, КРАЕВЕДЕНИЕ

Владимир РОГАЧЕВ Мордовская свадьба	79
Сергей РЕШЕТНИКОВ Отец великого композитора <i>Илья Петрович Чайковский</i>	84



ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Наталья ЗАКИРОВА-ГУЩИНА «Я остаюсь навек с тобой, родившая меня эпоха!..» <i>Александр Зиновьев</i>	91
---	----



ПУБЛИЦИСТИКА

Нина ЕРМОЛАЕВА Ларец с драгоценностями <i>Татьяна Зайцева</i>	94
--	----



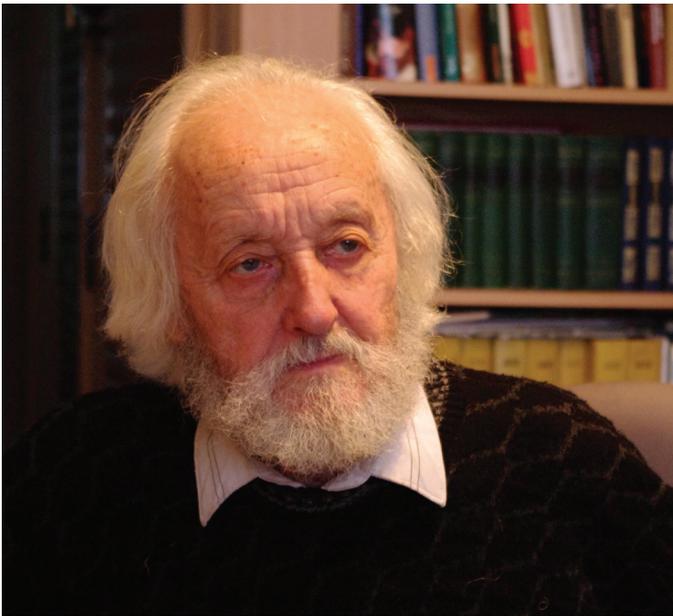
РЕЦЕНЗИИ

Наталья СУРНИНА «В кругу времен» <i>О сборнике Николая Мальшева</i>	99
Татьяна ДУШЕНКОВА Жизнь и творчество нашего современника <i>О справочнике Е.А. Булычевой «М.Г. Атаманов – ученый, проповедник, писатель»</i>	104



ИСКУССТВО ФОТОГРАФИИ

Елена НОВИКОВА «Светописание» <i>Фотограф Роман Рябов</i>	105
--	-----



Илларион СОРОКИН

ветеран труда,
бывший заместитель редактора
газеты «Ленинский путь»,
г. Воткинск

ГРЕМУЧИЙ ВЕК

Роман
(отрывок)

ДОЛГ И УЧАСТЬ

1

Существует мнение, что потомственные дворянки неопишимо красивы. Анастасия же при своем небольшом росте и светлых кудряшках вокруг лба внешностью не ослепляла. Она и в самом деле была княжна. Только, по понятным причинам, о своем происхождении умалчивала. Она из демократических убеждений и двойную свою фамилию Кириллова-Белозерская сократила, оставив только вторую ее половину.

Девочка росла в Ленинграде без родителей на попечении деда в просторной и холодной квартире столетнего дома с такими пологими и частыми ступеньками, что отчаянный мальчишка с верхнего этажа – предмет ее первой восхищенной любви – скатывался по ним на велосипеде. Девочка ни одного дня не ходила в школу, но щебетала на трех европейских языках, не считая родного, постигая основы наук под руководством домашних учителей, придирчиво отобранных дедом. Рано обнаружила серьезные математические способности, блестяще выдержала вступительные экзамены и была в шестнадцать лет зачислена сразу на второй курс института, в который принимали далеко не всякого: ворох анкет заполняли для комиссии, чтобы доказать свое рабоче-крестьянское происхождение.

Классово-чуждому элементу проникнуть в цитадель пролетарской науки при известном всему Питеру старорежимном деду удалось как раз-таки благодаря ему. Был он ученый генерал, до революции служил

в Главном артиллерийском управлении, в числе нескольких крупных военных специалистов Кириллов-Белозерский остался на службе и при советской власти. Благодаря поддержке своего давнего друга генерала Бонч-Бруевича, пользовавшегося доверием большевиков, основал этот самый институт, чтобы готовить военных инженеров. Так что в институте его на крыльце встречали.

Крутой характером дед звал Анастасию Анастасом, возил ее повсюду с собою, обучал стрельбе из всех видов стрелкового оружия и приемам рукопашного боя. Артиллерийские системы она изучала на полигонах, научившись напрягать мышцы гортани, чтобы не оглохнуть от пушечной пальбы.

Сначала Анастасии нравилось носить на себе отблеск дедовской славы, но, взрослея, она стала чувствовать себя стесненно в тени могучего предка: захотелось пожить без вечной оглядки, не опасаясь совершить какую-нибудь глупость.

2

В институте княжна вступила в комсомол, надела синюю юнгштурмовку и была готова бороться за победу мировой революции. Темой дипломного проекта она избрала «Проектирование артиллерийских систем малого калибра».

Выпуск военных инженеров 1941 года был досрочным. Анастасия по унаследованной строптивости характера настояла на том, чтобы ее распределили «на Урал» –

более точного адреса она не знала. Но слышала от сердитых стариков, приходивших в гости, что там, «на Урале», – главная военная кузница державы.

Ехали весело: песни под гитару, незамысловатые шутки. Неуклюжие попытки ухаживать за нею забавляли и умиляли. Восхитительное ощущение свободы было сродни паровозному дымку, чья тень бежала по траве рядом с поездом. «Если это не счастье, то что тогда такое счастье?» – думала Анастасия, принимая букетик полевых цветов, собранных на минутной остановке случайным спутником. «Дальняя дорожка, поезд – лети!» – пела молодежь под гитару, и поезд летел, временами оглашая окрестности протяжным торжествующим гудком.

Невнятно дребезжавшее радио вдруг замолчало. После длительного шипения, похожего на затрудненное дыхание, отчетливый голос диктора произнес: «Говорит Москва. Слушайте важное сообщение...». И снова надсадное шипение репродуктора, вселяющее тревогу. В притихшем купе раздался негромкий, медлительный голос наркома Молотова: «Граждане и гражданки Советского Союза! Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление: сегодня в четыре часа утра без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города...».

По вагону бежали солнечные зайчики. Весело, в такт перестуку вагонных колес звенела в пустом стакане чайная ложечка. Слегка искаженная жестяным репродуктором речь усталого, слегка заикающегося человека навсегда разделила время на двое: «до войны» и «после войны».

3

В Казани громадный огнедышащий ИС («Иосиф Сталин») заменили более скромным паровозом. Попутчики сошли. Анастасия осталась в раскаленном, пахнущем резиною купе совсем одна. Ей стало казаться, что опустело не только купе, но и вагон. Пуст весь поезд. И она одна, совершенно одна на сотнях колес с ребордами катится по бесконечным рельсам неведь куда, возможно, на край земли. Война кончится, пройдут годы, а она так и будет, подрагивая на стыках рельс, катиться, катиться...

Так и не решившись прилечь, Анастасия втиснулась в угол, готовая расплакаться. Вспомнила учебную мобилизацию, которую проводил в январе Ленком комсомола – повестку ей принесли в два часа ночи.

Кто-то и сейчас бежит по ночному городу на сборный пункт, кто-то, разбуженный, вскакивает с постели... Только теперь, наверное, мечутся по небу лучи прожекторов, высвечивая низкие облака, на кораблях слышны колокола громкого боя. Подремать бы теперь под пледом на дедовом широком диване, пахнущем дорогим табаком, послушать, как ссорятся сердитые старики. Уж им-то давно было известно, что войны «с немцем» не избежать. Понизив голоса, возмущались союзом с Гитлером, вспоминали об эшелонах с хлебом, рудой и лесом, которые гнали в Германию день и ночь. Седоусый старик Бонч-Бруевич горячился сильнее всех, стучал кулаком по столу. Он узнал, что немцам передали с артиллерийских складов четыреста тысяч снарядов:

– Это головотяпство равно государственной измене! – кричал он, задыхаясь. – В нас и полетят эти подаренные врагу «чемоданы»!

Под старым пледом было уютно. Спор прерывался звоном хрустальных рюмок. И опять взрывался неугомонный Бонч, белые усы на покрасневшем лице воинственно топорщились:

– Я говорил брату, чтобы передал правительству: допущен стратегический просчет, мы вскармливаем зверя, который, того и гляди, бросится на нас! Что бы делал немец без нашего сырья? Германия руду из Швеции возила, даже песок для литейных форм – и тот с Цейлона! А тут мы – всё, как на тарелочке: извольте кушать! Да знаете ли вы, что произошло в Брест-Литовске 22 сентября 1939 года? Совместный парад наших и германских войск в честь общей победы! Братьями по оружию стали! Комбриг Кривошеин с генералом Гудерианом парад принимали. Мальчишки!».

Под стариковский приглушенный ропот Анастасия, случалось, и засыпала.

...В вагонной полудремоте вспоминалась ей практика на учебном корабле «Комсомолец». Как здорово командовала она расчетом зенитного орудия, как звонко кричала «Торпедоносцы справа!» и, глядя на секундомер, сильнее, чем следовало, вдавливала пальцем кнопку ревуна. Но тогда это была только игра. Азартная, не лишенная опасности, но игра.

«Где же вы теперь, мои мальчишки-зенитчики? В бою, в настоящем бою...».

4

Володя Селезнев летом 1941 года научился завязывать мужской галстук, впервые был пьян, и его впервые и впредь стали называть по имени и отчеству: Владимир Иванович. До этой поры он был

средне-успешным студентом машиностроительного техникума и – ни шатко, ни валко – доучился до дипломного проекта. Производственным консультантом ему назначили молодого инженера, обладавшего авантюрным складом ума. Он-то и внес смятение в юную душу:

– Послушайте, коллега, зачем нам с вами гнать заведомую рутину? Давайте устроим маленький технический переворот в рамках вашего задания. Согласны?

Володя не знал, что такое рутина, смутно представлял себе, какие бывают технические перевороты, но тотчас согласился. Еще бы не согласиться: у консультанта было узкое, схваченное поясом синее пальто с закругленными плечами, белое шелковое кашне на шее, шляпа с широкими полями, узконосые лакированные штиблеты, а в руках – тоненькая суставчатая тросточка из бамбука. Такую роскошь можно было купить только в Москве, а, может быть, даже за границей!

Дипломный проект Селезнева уцелел в первозданном виде. Руководитель дипломных проектов не заметил столь явной крамолы только потому, что «злоупотреблял» и студенты прятали его от начальственного ока в металлографической лаборатории.

Защита дипломных проектов тянулась скучно, пока к своим чертежам не вышел Селезнев. Когда он стал читать пояснительную записку, в которую вошел перевод статьи из американского технического журнала компании «Дженерал Моторс», среди преподавателей случилось замешательство. Володя закончил, свернул тетрадь, затолкал в карман брюк, не зная, куда ее деть, и вытер вспотевший лоб рукавом, хотя и держал в той же руке носовой платок.

В неприятной тишине раздался удивленный голос директора техникума:

– Виктор Петрович, тему задания Селезневу вы утверждали?

На лысине руководителя дипломного проектирования образовалось красное пятно размером в медный пятак.

– Надо было еще раз посмотреть, – продолжал директор, – прежде чем допускать студента к защите. Это же из области научной фантастики! Фордизм какой-то... Нерядно это! Предлагаю защиту Селезневу перенести на осень, назначив ему толкового консультанта. А вам, Виктор Петрович, придется повременить с отпуском. Сначала доведите селезневский проект до ума...

5

– Стоп! – подал голос главный специалист завода. – Вопрос стоит в такой плоскости: способен ли выпускник мыслить

технически грамотно и выражать свою мысль в чертеже? Если здесь есть ошибки, покажите их мне. Лично я ошибок не вижу. Проектант мыслит масштабно и далеко не на уровне «болт-гайка», проект нацелен на перспективу. И, что важно, – в условиях конкретного производства в цехе, возникни такая необходимость. Предлагаю защиту товарища Селезнева оценить на «отлично». У меня всё.

На скромном банкете в техникумовской столовой под циклопическими сводами подвала бывшего купеческого дома слышались возбужденные голоса и нервные смешки еще не оправившихся от экзаменационных треволнений выпускников. Володя Селезнев беспокойно ерзал на стуле, зябко поеживался и сдерживал нервную зевоту, все еще – в который раз! – переживая перипетии своей скандальной защиты. Он знал, что споры вокруг его проекта еще не утихли: были серьезные сомнения в том, что когда-нибудь может понадобиться увеличить производство какой-то группы деталей в десятки раз! Это в Америке с ее промышленным размахом... Кроме того, защита стоила Володе прозвища, мигом подхваченного завистниками: «масштабно мыслящая личность». Впрочем, в насмешке сквозило уважение – еще никто не удостоивался такой похвалы от главного специалиста, слывшего начальником свирепым и кровожадным, известным не только на заводе под кличку «Тигра» (именно так: Тигра, а не Тигр).

За окном столовой, расположенном вровень с землей снаружи и под потолком изнутри, на клумбе душистого табака, скрывавшего сидящего человека целиком, пряталась толстая девочка старшего школьного возраста, разложив перед собою толстые светлые косы. Банкет перед нею – как в аквариуме. Толстую девочку звали Верочка Колупаева. Она была уверена, что ей в жизни не везет. Влюблялась с четвертого класса, а с шестого плакала от неразделенной любви. Весною прошлого года ее угораздило сорваться с березы, когда она полезла на дерево спасать оравшего дурным голосом котенка. Перелом ноги. Незнакомый парнишка, проходивший мимо, обругал ее коровой, взял на руки и отнес в больницу. Переживаний от этого путешествия у Верочки осталось с избытком – иным из них и названия не подобрать. Позднее она выследила своего благодетеля и стала стараться попасть ему на глаза. Тщетно. Ее не хотели замечать. И теперь через пыльное стекло Верочка с тоской наблюдала, как Володя Селезнев пьет водку и закусывает вишневым.



Ижевские оружейники. Сводка Совинформбюро. Художник Георгий Репин.
Удмуртский республиканский музей изобразительных искусств.

6

Утро начиналось птичьим гомоном, стрекотаньем кузнечиков и маршами Иванова-Радкевича, гремевшими медью из радиоприемника. Володя вылил на себя бадью ледяной колодезной воды и, приплясывая босыми ногами на мокрой траве, растирался суровым полотенцем. Героическая музыка оборвалась, и через распахнутое окно донесся раскатистый голос московского диктора Юрия Левитана: «От советского информбюро. С рассветом 22 июня регулярные войска германской армии атаковали наши пограничные части... После ожесточенных боев противник был отброшен с большими потерями...».

«То ли еще будет!» – зло подумал Володя. Он не сомневался, что после «ворошиловских килограммов», которые навешают фашистам наши славные артиллеристы, Гитлер и его приспешники зарекутся совать

к нам рыло. На заводской практике он с гордым волнением осматривал громадные стопятидесятидвухмиллиметровые пушки на сдвоенных автомобильных колесах и литые снаряды к ним – по сорок четыре «ворошиловских килограмма» в каждом!

После военной сводки выступали с куплетами артисты Мирон и Новицкий: «Им покажут Коккинаки, где и как зимуют раки...». Мальчишки на улице кричали: «Внимание, внимание! На нас идет Германия, а мы-то ни при чем, деремся кирпичом!».

Володя предполагал перед устройством на завод пару деньков полениться и собирался на речку Сиву купаться и загорать. Присел на корточки над грядкой, нашарил под ворохом шершавой листвы огурец – захватить с собою парочку да молодого луку пучок: с краюхой ржаного хлеба любо-дорого... Но купанье пришлось отменить.

Неожиданно вернулся с автобазы отец и с наигранной беспечностью распорядился:

– Мать, собери-ка мне котомку...

Мать побледнела, села на лавку, но тут же вскочила:

– Ой, десятка два яичек собрать надо!

И с этими словами выбежала из избы. Отец в раздумье остался стоять как вошел – высокий, касающийся сидящей головой потолка.

– Сбегай, Володя, в магазин, купи десять пачек махорки. Кременчугской фабрики бери.

Так и запомнился: высокий, прямой, с темнеющими запавшими щеками и глазами, глядящими сквозь стену.

Пришел товарищ отца Саша Колупаев, живший вдовцом. Их обоих, шоферов заводской автобазы, мобилизовали на укомплектование войск машинами. Пили водку, пели: «Есть по Чуйскому тракту дорога, много ездит по ней шоферов...».

Провожали с автобазы. Пришла дочь Колупаева – пухлая крупная девица с длинными светлыми косами. Она показалась Володе знакомой, но он никак не мог вспомнить, где же он ее видел. А она уставилась на Володю серыми глазами – каждый со столовую ложку – и стояла краснела.

– Вот, оставляю одну в доме. Вымахала большая, а ум-то детский! – сокрушался дядя Саша Колупаев.

– Мать, – обернулся отец Володи к жене – пусть барышня у нас поживет. Война же, в конце концов, ненадолго, а Сашке спокойней будет!

7

Очнулась Анастасия от того, что поезд пошел рывками, как будто спотыкаясь. Затекшую от неудобного лежания руку топтали мурашки. Окна вагона затеняла густая листва, порою было слышно, как по крыше царапают ветки. Вдруг в вагоне стало светло, и поезд остановился в косых утренних тенях. Проводница заглянула в купе и, зевая как львица, сказала:

– Станция Воткинск. Поезд дальше не идет.

«Вот тебе и край света – «поезд дальше не идет», – усмехнулась про себя Анастасия, подхватила свой баул и вышла на площадку. На подножке задержалась: высоко! Но подать ей руку было некому, пришлось прыгать прямо в туфлях на венском каблучке. Едва на ногах устояла.

Толпа пассажиров, нагруженных поклажею, шла вдоль железнодорожного пути, тянулась вереницею, а куда – не видно: слева поезд, справа пустой косогор. Почти сразу начались дощатые ограды, бревен-

чатые избы. Из подворотен лаяли собаки, почти под ногами бродили куры. Когда показалось стадо коров – мычанье, бряцанье жестяных колоколец на шеях, угрожающее покачивание рогами, – лейтенант запаса военно-морского флота пугливо прижалась к ограде и загородилась баулом, пока опасность не миновала. И только тогда Анастасия поняла, что уже давно слышит шум: приглушенный, но мощный и никак не присущий деревне, а присущий серьезному промышленному производству. Мелькнула шальная мысль: «Воткинский завод – подземный! Вот она, защита от налетов вражеской авиации! Сверху – деревня, коровы пасутся, а под землю, в катакомбах – цеха...».

Деревенская улица круто повернула в гору, и будто занавес театральный раздвинулся. Девушка остановилась – настолько внезапным оказался переход от бревенчатых изб к каменным зданиям, от грунтовой дороги – к торцовой мостовой, от одуванчиков и крапивы – к ухоженным клумбам, от тесноты – к простору! Цеха оказались и впрямь внизу, но не под землей, а в глубокой речной долине – стеклянные крыши, дымящиеся трубы. Обширная водная гладь была выше заводских крыш. В утреннем тумане, стоявшем над водой, Анастасии почудились силуэты военных кораблей. Откуда тут взяться морскому заливу?..

Собрание сотрудников технического отдела проходило в старинном корпусе, отличавшемся от крепостного бастиона только огромными полукруглыми окнами, напоминавшими ворота. Чтобы не привлекать к себе любопытных взглядов, девушка села в углу и стала перелистывать захваченный с собою технический справочник «Hütte» на немецком языке, украдкой оглядывая аудиторию. Вдоль стены – сдвинутые в кучу чертежные столы, обширная комната уставлена разнотильными стульями. Их занимают, протискиваясь в тесноте, люди обычного, ничем не отличающегося от ленинградцев облика: пожилые в пиджаках и галстуках, женщины в летних открытых платьях, у мужчин – стрижки «под бокс», у женщин – шестимесячные завивки. Все как в Ленинграде! «А тебе хотелось, – фыркнула себе под нос Анастасия, – увидеть сафраны, косоворотки и лапти?!».

8

Почтенные лысины и внушительные бюсты разместились за красной скатертью, покрывавшей два письменных стола, сомкнутых вместе. Председательствующая – дородная брюнетка в пышном кружевном жабо («Такую и в Смольном встретишь», – заметила про себя Анастасия) – требова-

тельно постукала карандашом по графину с водой, и заседание началось. На повестке дня был режим рабочего времени в военное время. Вспомнив прочитанную у Луначарского цитату об учении Маркса как о пятой религии, Анастасия смирилась: отсидеть очередную мессу!

Обсуждение доклада сановной дамы в белых кружевах превратилось в пространные разглагольствования по поводу укрепления трудовой дисциплины в военное время. Они раздражали Анастасию: разве здесь собрались злостные прогульщики и нерадивые работники?! В конце-концов, такая говорильня попросту оскорбительна. Неужели этого не понимают сидящие в президиуме да и сама аудитория? Лично она манкировать своими обязанностями не собиралась. Однако сообщение о том, что опоздание на работу на двадцать минут считается прогулом и карается исправительными работами сроком на шесть месяцев с удержанием четверти заработной платы, приняла к сведению.

Война уже стала фактом истории, но еще не стала фактом сознания. О войне на собраниях говорили не как о тяжелом, угрожающем каждому событии, а отвлеченно, как об очередной политической кампании вроде обязательной подписки на государственный заем. Гладкие, обкатанные слова штатных ораторов не задевали ни ума, ни сердца. Уставшая от дежурных речей аудитория нетерпеливо завозилась на скрипучих стульях. И вдруг – как сквозняком ледяным потянуло: с трибуны – этого деревянного ящичка-пюпитра на столе – объявили о введении с сегодняшнего вечера в городе и на заводе полной светомаскировки подручными средствами: фанерными щитами, плотными шторами; сообщили о назначении штабом противовоздушной обороны учений по отражению атаки с воздуха и ответственных за оборудование бомбоубежищ.

Эта деловитая, лишенная политического пафоса информация проняла даже самых легкомысленных. Наступила напряженная, тревожная тишина.

«Неужели все так серьезно? Даже здесь, за тысячу верст от фронта?!» – ужаснулась про себя Анастасия.

Самое последнее объявление окончательно сбilo ее с толку: завтра предстоял массовый выход на прополку овощей.

9

Заводское общежитие напугало Анастасию убожеством и громадными мухами. Они были синими, как перекаленная стальная стружка, и носились по комнатам

с пугающей скоростью, громко ударяясь в оконные стекла. Как заниматься в таких условиях, особенно чертить? А ведь она рассчитывала в свободное время взяться за эскизный проект своей пушки, одобренной самим Василием Гавриловичем Грабиным, преподававшим на курсах усовершенствования специалистов в Ленинграде. Впрочем, он указал на спорный момент – ее необыкновенную скорострельность, присущую скорее пулемету, чем пушке. Но, кажется, Анастасия нашла удачное решение: применить забытую схему многоствольной митральезы (поворачивающиеся при стрельбе стволы сменяют друг друга: когда один в действии, другие охлаждаются, в этом случае нагрузка на ствол снижается).

Смущала нетрадиционность схемы. Следовало еще доказать ее преимущества. «Надо искать съемную квартиру», – решила Анастасия и немного успокоилась.

Усталость, накопившаяся в дороге, навалилась на плечи мягким грузом. «Бог с ними, с синими мухами и кухонной вонью – бывает и хуже», – храбро подумала Анастасия и стала разбирать постельное белье, оказавшееся не только чистым, но и совершенно новым. Укладываясь в постель в пустом общежитии, Анастасия ощутила слабый ожог в области локтя. Приглядевшись, она обнаружила там прилипшее к коже зернышко красного перца. Откуда?! А «зернышко» побежало. Анастасия никогда не видела клопов, но сразу догадалась, с кем имеет дело. Надо было бежать отсюда. Но бежать было некуда.

...Тропа, петлявшая среди низких сосен и высоких папоротников, вывела заводчан, а вместе с ними и невыспавшуюся, разбитую Анастасию на простор. Поле зачаровывало взор своими размерами. По пологим склонам холмов оно простиралось от горизонта до горизонта, заштрихованное бороздами, будто причесанное гребенкой. Смех смолк. Раздался чей-то возглас:

– С ума сойти! Да нам тут все лето ползать!

Анастасия, конечно же, не думала, что булки на деревьях растут. Но различать розовые стебельки свеклы среди безымянных сорняков было куда-как непросто. Проголодавшись, она стала отщипывать и украдкой отправлять в рот кусочки еще в Ленинграде купленной галеты, оказавшейся в кармане. Немытыми руками! Солнце припекало плечи, в глазах рябило. Борозда плавилась в солнечных лучах, текла в знойном мареве мимо, и было уже не разобрать, где свекла – где сорная трава. В поле вышел мальчишка в белой форменке и бескозырке. Он был сигнальщиком, судя по флажкам в его

руках. Став по стойке «смирно», он принялся махать флажками. Сообщение читалось привычно и легко: «покой-он-люди-ум-наш-добро-рцы-аз...» – «полундра...». Анастасия потрясла головой, и сигнальщик постепенно растворился в мучительном мареве.

Состояние между сном и явью было невыносимым.

«Полундра...».

– Это выше моих сил. Я больше не могу... – сказал то ли свой, то ли чужой голос.

Анастасия поднялась на ноги и, ощущая странную легкость, пошла вдоль борозды к маячившему в ее конце, на краю света, лесочку.

«Полундра...».

У опушки леса под рябинами Анастасия наткнулась на бочку, стоящую на телеге без лошади, напилась теплой воды из жестяной кружки, прикованной к бочке собачьей цепью, и в изнеможении шагнула в тень.

10

Буня был мужичком до предела высохшим, но жилистым и ширококостым. Грубое лицо его ссохлось глубокими морщинами, остриженные «под машинку» волосы были непонятного цвета. На глаз определить его возраст было трудно. Над ним посмеивались: «Буня и на собственном дворе от крыльца до сортира на лошади ездит». В этом утверждении была доля правды.

Буня служил старшиной стрелковой роты, когда началась финская война. Случился огневой налет, ездовой – необстрелянный молодой парень – струсил и бросил старшину в снег. Буня обморозился. Ему ампутировали кисть правой руки, но ноги удалось сохранить. С тех пор он ковылял, а не ходил, и лошадь стала частью его двухильного организма.

Несмотря на инвалидность Буня обладал нечеловеческой работоспособностью – спал в страду по четыре часа в сутки, совмещал должности агронома-полевода, заведующего молочно-товарной фермой, зоотехника и ветеринара, числясь при этом начальником подсобного хозяйства завода.

День начинал с утренней дойки, успевал до разнарядки объехать поля. Свою подпись выводил криво левой рукой, больше никогда ничего не записывал. Недоброжелатели уличали его в неграмотности, а он удерживал в памяти уйму необходимого: цифры, имена, клички животных. Более того, Буня умел угадывать время без часов!

Тяга к сельскому труду сидела в Буне глубоко, будучи вколоченной поколениями украинских хлеборобов. Обладатели дипломов сельскохозяйственных институтов издевательски посмеивались, рассказывая,

как весной Буня в поле сползает с лошади, спускает штаны, голою задницей садится на пашню и определяет температуру земли: не пора ли сеять? Причины для смеха были, но зря ехидничали ученые люди. Урожаи в заводском сельхозцехе всегда оказывались выше, чем в сопредельных колхозах и совхозах.

К полудню Буня превращался во взмыленного кентавра, соль белыми узорами выступала на его солдатской гимнастике. Сутулясь в седле, он удрученно думал о том, где взять хоть бы десяток-другой настоящих крестьян. Пусть даже стариков и баб. А то нагонят целый табун бестолкового городского народа, среди которого из сотни одна знает, в которой руке серп держат. Косить примутся – глаза завязывай: изпод литовок земля летит ошметками. Но больше всего бесила Буню страсть городской публики к загару. Разве правильная баба пойдет в поле растелешась? Это же неуважение к земле! Откуда теперь ждать доброго-то урожая? Сначала голое, барски гладкое тело горожанок возбуждало его чувственность, но холеного мяса было слишком много. К обилию наготы в поле у Буни появилась брезгливая неприязнь: «Дикари. Что с них возьмешь?..». Но плеть, предназначенная для лошади да скота, забредшего на делянки, так и жгла ладонь.

Лошади требовался отдых. Буня пустил ее на полянку, стреножив поясным ремнем. Нащупал в кармане теплый ломтик свиного сала: для поддержания сил он проглатывал, не жуя, несколько заранее нарезанных долек шпика. Одной рукой привычно и ловко развернул пропитавшийся жиром бумажный пакетик.

11

Анастасии было приятно лежать в траве, если бы не мухи, закованные в стальные, отсвечивающие синевую латы средневековых рыцарей. Девушка лениво отмахивалась от одной особенно надоедливой. Муха не отставала. Разлепив глаза, Анастасия увидела великана – его голова была выше елок, а спина загораживала солнце. От его руки к ней тянулась черная змея.

...Наткнувшись на спящую Анастасию, Буня рассвирепел: городская шоколадница. «Одежа недешевая... Вишь ты – полоть на высоких каблуках пришла». Вековая ненависть деревенских к городским бездельникам лишила Буню способности рассуждать. Тем более, что вчера он получил прямые указания. Сердитый капитан НКВД ругался на оперативке в заведоуправлении:

– Прекратите буржуазный либерализм!

Давайте избавляться от балласта, чуждых элементов и разгильдяев! Вам для этого и власть дадена – как говорится, дурную траву с поля вон. Только телефонную трубку снять, а формулировку мы подскажем.

«Вот и погонят тебя на высоких каблуках в Балезино железную дорогу строить!» – мстительно подумал Буня.

...Страшный великан был нисколько не меньше эрмитажного атланта. Но сонный туман, застилавший глаза, рассеялся, и Анастасия убедилась, что стоящий над нею мужчина – обыкновенного и даже не очень высокого роста, и в руке у него не змея, а плеть, в кожаную косичку заплетенная, на кончике которой твердый узелок: скользит по оголившемуся плечу, щекочет кожу как муха. Буне так и не удалось сдержать руку. Непроизвольного, несильного движения руки оказалось достаточно, чтобы на плече Анастасии вспухла и забагровела болезненная полоса. Вскрикнуть девушка себе не позволила.

Широкое лицо бригадирши – председателя профкома технического отдела – разом переменялось: глаза стали круглыми, рот приоткрылся.

– Почему не знаете, где находится ваша работница? – устало спросил Буня и, не дожидаясь ответа, объявил: – Будем оформлять материал на прогул.

Начальник подсобного хозяйства завода покачивался в седле, прикрыв глаза набрякшими веками. Он уже видел арестованных «указников» – так называли осужденных по правительственному указу об усилении ответственности за нарушение трудовой дисциплины. Большинство – полуграмотная деревенская молодежь. И уже без раздражения, отрешенно подумал: «Погонят с ними тебя, образованную да ученую, блатарям на забаву. Хорошо еще, если какой-нибудь начальник подберет».

Анастасия стояла молча с закаменевшим лицом. Катастрофа заключалась не в отправке на исправительные работы. Она скрыла свою принадлежность к «членам семьи изменников Родины»: и отец, и мать ее находились в известном многим Соловецком лагере особого назначения. Органы быстро разберутся в том, кто им попался в качестве прогульщицы. Что в этом случае ей грозило, лучше было не думать. И знаменитый дед тут не поможет. А лгать и изворачиваться она не станет: «Да, я княжна Кириллова-Белозерская, обманным путем проникшая на оборонный завод».

– Товарищ Буня, – бригадирша подслатила голос, – она молодой специалист, вчера только приехала, еще не устроилась. Я даже фамилию ее не запомнила! Она и

приказом-то не оформлена... Могла бы и на работу не ходить, да вот – пошла за компанию. Конечно, некрасиво она поступила, но поймите: она же нигде у нас не числится!

Буня помолчал, покачиваясь в седле, тронул лошадь и отъехал со словами:

– Разбирайтесь сами.

Лицо бригадирши, обращенное к Анастасии, выражало неприязнь:

– Как вы нас подвели! Такое пятно на коллективе... До конца войны пинать станут, квартальной премии лишат. Соврала я ему. Приказом тебя уже провели. Соврала только ради людей. А иначе из-за одной дряни столько народу наказали бы!

12

Володя Селезнев поправил неумело завязанный галстук, пригладил ладонью хохолок на макушке – впрочем, безуспешно – и бочком пробрался на свое место, надеясь, что не привлечет к себе излишнего внимания. Он еще не освоился в отделе и немного дичился. Но его заметили.

– Владимир Иванович, здравствуйте, – донеслось из-за соседней чертежной доски. Голос вкрадчивый, нарочитый – через вытянутые в трубочку губы. Ох, уж эта Варвара Николаевна... Володя, не поворачивая головы, издал вежливое шипение:

– Ассь...

Он знал, что сейчас начнется игра, которой забавлялась между делом озорная соседка, и, конечно же, заметил, что пюпитр с чертежной доской Варвары Николаевны оказался чуточку ближе к нему, чем прежде. Совсем рядом он услышал томный вздох и пение в четверть голоса:

Володенька-Володенька,
Ходи ко мне зимой,
Ходи, пока молоденька,
Хороший, милый мой...

«Володенька» затравлено оглянулся. Что еще придумала мучительница? В прошлый раз подошла и невинным голоском попросила очинить карандаш. А от нее жар как от печки. Володя выполнил просьбу, а «печка» уже у него за спиной как бы ненароком навалилась на спинку стула, дышит за ухом, на проклятый непокорный хохолок, гребешком торчащий на макушке, дует. В довершение ко всему Володя обнаружил в кармане пиджака конфету, что привело его в состояние бессильного бешенства: что он, маленький ребенок, что ли?!

На этот раз от козней Варвары Николаевны Владимира Ивановича спас тревожный сквозняк, пронесшийся по конструкторскому бюро. Варвара Николаевна, округлив глаза, приложила палец к губам и прошептала:

– Атас... Тигра пришла...

Над чертежными пюпитрами появилась красивая мужская голова с седую прядью в черных волосах и знакомым взглядом голодного удава. Главный! Он теперь не в рубашке «апаш» – на нем комсоставовская гимнастерка салатного цвета без петлиц. Тигра не один. С ним – миниатюрная кудрявая блондинка в строгом костюме. Лицо худощавое, четко очерченное, с твердой складкой губ. «Скорее гравюра, чем живопись», – отметила про себя Варвара Николаевна, считавшая, что она сама – несомненно живопись.

Тигра был благодушен:

– Я не знаю, что решит главный инженер, товарищ Белозерская, но рассчитываю на вас. Планируется новое конструкторское бюро по прогрессивным технологиям. Кстати, вон сидит молодой товарищ, – Тигра кивнул на Володю, – он тоже будет заниматься этим.

Володя встретился взглядом со спокойными глазами Белозерской, и ему показалось, что в них затеплился живой интерес.

– Не смею задерживать. Главного инженера зовут Еновк Айрапетович Гульянц.

– Вы очень любезны, – сказала Белозерская. – Надеюсь, что буду работать у вас.

Ее резковатый голос был того особенного тембра, который Варвара Николаевна определила как матовый. Володя не удержался, выглянул из-за чертежной доски вслед Белозерской и подумал: «Ишь ты, как плавно идет. Не пролей масличка...».

В интонациях Тигры был металл:

– Внимание! Комсостав завода переводится на казарменное положение. Для остальных – ненормированный рабочий день. У меня все. Подробности – на доске приказов.

И уже обычным голосом:

– Варвара Николаевна, зайдите ко мне.

– Прямо сейчас? – Варвара Николаевна не могла скрыть досады.

– Прямо сейчас, – подтвердил Тигра и ушел.

«Сейчас встанет, потянется как кошка, одернет платье и пойдет», – загадал не без ехидства Володя. Варвара Николаевна встала, потянулась как кошка, одернула пестрое платье и пошла.

13

Время до назначенного главным инженером часа Анастасия употребила на знакомство с заводом. Ее ждали сюрпризы. Сначала девушку ностальгически растрогала архитектура старинных фабричных корпусов, узорчатая кирпичная кладка фасадов – совсем как на питерском заводе

«Русский дизель». На пороге одного из таких цехов ее как подушкой ударило горячим ветром, и открылось фантастическое зрелище: ветер нагнетался колоссальным – под крышу! – маховиком от блестящей маслом и медью паровой компаунд-машины. Это было сродни мамонту на Невском проспекте. В другом месте Анастасия наблюдала не менее экзотическое мелькание приводных ремней и гроздь шкивов средневековой трансмиссии. Увиденное не воодушевило ее.

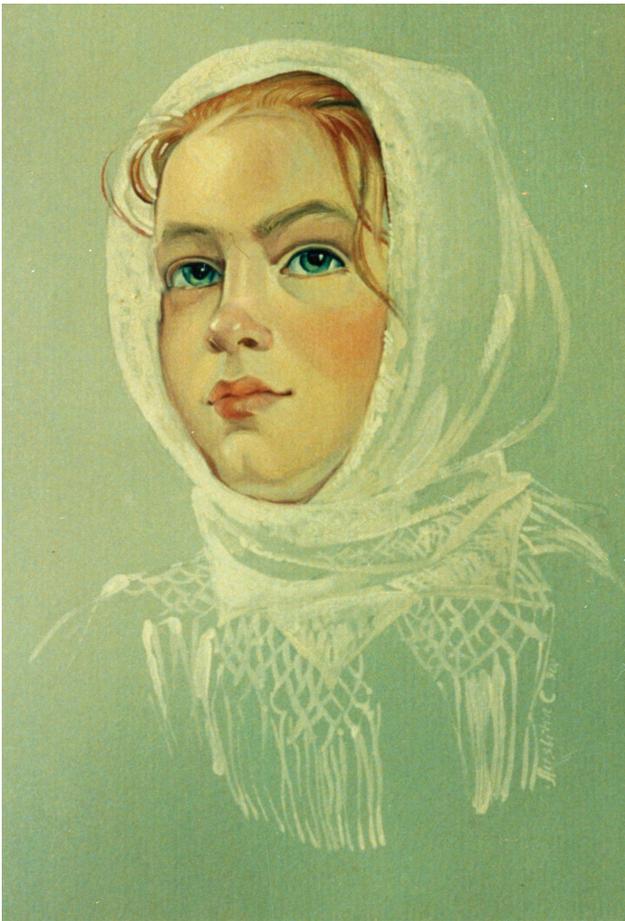
Из-за стола навстречу Анастасии поднялся плотный мужчина почти одного с нею роста. Лицо смугло-бледное, на висках – седые курчавые волосы. Пригласил садиться и учтиво ждал на ногах, пока она не сядет первой. Сел, переложил потертую кожаную папку на угол стола, сплел перед собою смуглые пальцы. Сдержанно улыбнулся:

– Устроились?

Анастасия ответила утвердительно, жаловаться на мух и клопов не стала. Главный инженер озабоченно свел густые брови:

– Я, Анастасия Сергеевна, бегло ознакомился с вашим проектом, на детальное изучение времени нет. Предварительное заключение: идея интересная, техническое обоснование убедительно. Но в условиях военного времени мы заниматься опытным производством не можем. Нам приказано за три месяца запустить в производство давно принятую на вооружение пушку. Задача – на пределе возможностей завода. Но к нам прибывает оборудование эвакуированных заводов. Скоро осень, дожди, непогода. Нужна крыша над головой. Будем строить новый корпус вокруг работающих станков, производство начнем в поле, под открытым небом. Стены и перекрытия будем возводить над работающими станками. Понимаете необычность и сложность задачи? Я намерен поручить вам, Анастасия Сергеевна, обеспечить размещение оборудования на площади цеха в строгом соответствии с технологическими потоками. Делать это нужно как можно скорее: эшелоны с оборудованием на подходе. Но согласитесь: не каждому молодому инженеру так везет – начинать производство с березового колышка!

«Повезло, называется. Еще как повезло, – невесело думала Анастасия. – Начнись война хотя бы на полгода позже, наверняка бы удалось доказать преимущество сверхскорострельной пушки и возможность ее установки хоть на танки, хоть на самолеты. Короткоствольная... Так ее преимущество не в дальнобойности, а в небывалой плотности огня! Будут, конечно, напирать на расход боеприпасов, но дед убедительно доказывал, что будущее – за «прожорливым»



Девушка в платке. Художник Светлана Лузина.
г. Глазов

автоматическим оружием».

Но Гульянц был прав: наивно было полагать, что за твое полуфантастическое изобретение сразу ухватятся обеими руками! Анастасия запретила себе думать о пушке, но только о ней и думала, просчитывая в уме варианты деталей конструкции и приближаясь к границе, за которой начинается психическое расстройство.

Обливаясь потом на солнцепеке, обвязав вокруг головы белую косынку до бровей, она сама забивала в луг березовые колья, натягивала мерный шнур, сверяясь с калькой, рулеткой проверяла точность размещения бетонных фундаментов под станки.

14

Среди желтых лютиков неистово стрекотали кузнечики, в канавах прыгали лягушки. Анастасия вообразила себе станки, работающие на лугу среди травы и цветов, – картина получалась диковатая...

Проект «полевого» цеха оказался не времянкой под рубероидом. Чертеж давал представление о современном ажурном оружии на каркасе из стальных труб – образце промышленной архитектуры.

Анастасия перестала заботиться о нормах приличия. По примеру многих изба-

вилась от избытков одежды и перестала обращать внимание на нескромные взгляды мужчин. Великолепный загар стал ее одеждой. До темноты ей не удавалось поднять головы – перепроверяла по чертежам расстояния между анкерными болтами.

Тем временем по только что проложенной железнодорожной ветке подошли эшелон киевского завода «Арсенал». Рельсы заметно для глаз вдавливались под избыточным грузом. Тут уж не только пасторальных кузнечиков, а собственного голоса не услышишь: шум, гром, лязг, крики. Анастасия подняла голову только тогда, когда рев моторов и стальной скрежет стали невыносимыми. Стреляющий из выхлопной трубы в небо гусеничный трактор «Сталинец» тащил за собою по кочкам сколоченные из бревен сани. На них, закрепленный расчалками, громоздился неправдоподобный на лугу формой и размерами, похожий на горячий бред станок «Цинцинати».

Заселение призрачного цеха началось.

Только теперь Анастасия оценила перемены, происшедшие на лугу. Площадь размером с футбольное поле была уставлена ровными рядами бетонных плит, железными кустами торчали прутья арматуры, в траве краснели островки свежей кирпичной кладки. Но – самое главное! – по периметру стройплощадки сколачивали высоченный дощатый забор, тянули по его гребню колючую проволоку. Глаз, отдохавший на живописной панораме леса, теперь упирался в сплошную грубо сколоченную стену. Вдоль оскорбляющей зрение ограды потянулась длинная вереница одинаково сутулящихся людей. Они шли, одинаково заложив руки за спину. Анастасии понадобилось увидеть широко шагавшего и топчущего сапогами ромашки и лютики конвоира, несущего наперевес винтовку с примкнутым штыком, чтобы понять причину синхронного движения людей. Где-то злобным хором лаяли сторожевые собаки.

Уронив руки, полуголая, дочерна загоревшая Анастасия широко открытыми непонимающими глазами глядела на заключенных. Стояла в оцепенении без мыслей, без чувств. Конвоир прошел мимо, едва не задев ее прикладом винтовки, обдавая запахом солдатского пота. Он скользнул по ней оценивающим взглядом. А понурые женщины, одетые в серые робы («Женщины!» – вдруг осознала Анастасия), шли мимо нее. На миг ей показалось, что этот нескончаемый поток подхватит и понесет ее. Была пересменка, шум работ затих на время. Уже смеркалось, и заключенные казались тенями, скользящими вдоль высокого забора.

У девушки появилось ощущение кошмарного сна, перед нею возникло видение знакомого лица, которое полыхнуло таким ненавидящим взглядом, что Анастасия отшатнулась как от пощечины и словно проснулась. Прежде всего, ей захотелось поскорее одеться. Ее пляжная нагота теперь была неуместной и даже оскорбительной. А, может быть, без верхней одежды она просто чувствовала себя незащищенной. Застегивая последние пуговицы, она окончательно осознала, чьи глаза обожгли ее столь лютой ненавистью.

15

Любимые словечки Маши Солдатенковой знали все. А любили ее за постоянную готовность угодить. Молодая женщина безропотно бралась за так называемые «общественные поручения» и успела «нагрузиться» десятком никому не нужных обязанностей. Наконец по рекомендации партбюро ее избрали председателем цехового комитета профсоюза (отдел был приравнен к цеху). Но, как и прежде, Маша числилась в светокопировальной мастерской отдела и получала зарплату именно за эту работу. Толстушка-хохотушка, она мячиком скакала по лестницам, катилась по коридорам, неся с собой непринужденное веселье. Ее появление сопровождалось звонким, как птичья трель, возгласом:

– Ой-так-ведь-уж!..

Как часто случается с признанными активистками, Маше «не повезло» с мужем: осталась она вдвоем с пятилетней дочкой.

Когда началась война, Маша решила отправить девочку на лето в деревню к бабушке на парное молочко, предполагая, как и многие другие, что к осени война закончится и ребенок вернется в детский сад. Отпросившись на день с работы, Маша увезла дочь в Пермскую область в деревню Мостовую, будучи в полной уверенности, что за сутки успеет в оба конца.

Повидаться с гостьей собралась вся деревня. Половина – родня, половина – старинные соседи. Вытащили из погреба флягу с «подмолоченной» брагой – и пошел дым коромыслом! Маша отвыкла от такой гульбы. Сначала радовалась как ребенок, но вскоре встревожилась и даже испугалась: время шло, а никто везти ее в Воткинск не собирался. А она так надеялась на лошадь! Конюшни находились на центральной усадьбе колхоза, а там – свое начальство: раздосадованное внезапной гулянкой, которая сродни пожару, оно грубо отказало Маше. Мечущуюся по деревне Машу никто не хотел понять:

– Чего так загорелось-то – домой да до-

мой? В кои веки приехала, кто тебя отпустит? Вот погоди-ко, замуж тебя выдадим!..

– Что? Посадят?! Не смей! Давно бы всех пересажали. Ну, прогул запишут, поругают маленько, да ведь брань не чад, глаза не ест...

– Заладила тоже: посадят, посадят!..

И никто не заметил, как Маша на ночь глядя ушла домой пешком. Торопилась, ноги в кровь стерла, да только все равно опоздала на два часа с минутами. Но знаменитый «Указ...», рассчитанный на увеличение дешевой рабочей силы, действовал с механической неотвратимостью, штампуя бесправную армию осужденных.

Марью Михайловну Солдатенкову – 1911 года рождения, русскую, образование незаконченное среднее, служащую, семейное положение «разведена» – судья приговорил к шести месяцам исправительных работ с удержанием двадцати пяти процентов заработной платы, лишением выплат по временной нетрудоспособности и прерыванием трудового стажа. На юридическом языке звучало хоть и жестко, но пристойно. Действительность оказалась тяжелее формулировок. Отбывать наказание определили на строительстве новых заводских корпусов и подъездных железнодорожных путей. Маша была в отчаянии: лучше уж Колыма – только бы скрыться от глаз знакомых людей.

«Указников», которых оказалась не одна сотня, а через год счет пошел уже на тысячи, согнали в наспех сколоченные бараки за скотомогильником, опутали со всех сторон колючей проволокой. Охрана свирепствовала – в женских бараках творились такие безобразия, что Маша чуть с ума не сходила от безысходности и обиды.

Однажды она лицом к лицу столкнулась с ленинградской кралей – благополучной физкультурницей, кудрявой, с карандашиком в руках. Если бы не Маша, ей, крале, тоже пришлось бы гнить в бараке.

16

Вместе с киевскими арсенальцами на заводе появился рослый молодой человек в матросских клешах и тельняшке. Он и лицом – крупным, плакатным – походил на моряка. От него так и веяло океанами, штормами, дальними странами. Только вблизи первоначальное впечатление суровой мужественности пропадало: слишком нежен был овал его лица, влажны и ярко губы, масляным был блеск немного косящих глаз. Звали его Фелик. Внешность Фелика вызывала у мужчин двусмысленную ухмылку, а женщинам морячок нравился. Но на флоте Фелик не служил, он выбрал

тельняшку и клещи потому, что знал: морская форма действует на женщин завораживающе.

В армии Фелик все же служил и даже участвовал в военных действиях в Финляндии, но об этой странице своей биографии никогда не упоминал. Были причины.

До лета 1941 года он работал на одном из киевских мясокомбинатов, забивая скот. И продолжал бы заниматься этим ремеслом, не требовавшим умственных усилий, если бы не Гитлер. Война снова настигла Фелика. В беспамятстве от смертного страха он опять бежал, ничего не видя перед собою, а вокруг него рушились дома, лопался от взрывов воздух, до неба вставали багровые горы дыма, и земля уходила из-под ног!

Тем утром Фелик рассовал по карманам документы и деньги, не заботясь о багаже, и бросился на вокзал. Там творилась полная неразбериха – народ штурмовал вагоны. Издали Фелик вовремя заметил, как воинский патруль выдирает из толпы мужчин призывного возраста, и поспешил скрыться. Он успел на погрузку эшелона завода «Арсенал» – охрану у ворот почему-то сняли, – подсознательным чутьем избрав безошибочную тактику: не проскользнуть и затаиться в вагоне, а, напротив, быть у всех на виду, чтобы приняли за своего. Он усердно ворочал станки, подставлял спину под ящики, первым бросался на помощь. Его тельняшка никого не удивляла – среди молодых рабочих было немало демобилизованных краснофлотцев-черноморцев. В пути Фелика поставили на довольствие и даже зачислили в отряд самообороны эшелона.

На Воткинском заводе дела у Фелика пошли не так гладко. У него не было рабочей профессии, а без нее оставалась одна дорога – на фронт. И он избрал проверенную тактику: не прятаться, быть на виду, стать нужным, стать незаменимым. Фелик за троих ворочал тяжести на комсомольских субботниках, страстно, с присущей ему простонародностью речи выступал на митингах, ночевал в завкоме комсомола на составленных стульях, чтобы всегда оказываться под рукою для выполнения любого поручения. Когда стало известно, что «товарищ Фелик» обладает боевым опытом, ему поручили организацию дружин противовоздушной обороны, привлекли к участию в облавах на «уклонистов» и дезертиров.

Несмотря на всю свою изворотливость, «морячок» не предугадал опасности тактики стать незаменимым. Он так стремительно набирал политический вес молодежного вожака, что в секретариате завкома комсомола всерьез забеспокоились: этот выскочка мог на первой же отчетно-выбор-

ной конференции сменить любого из них!

На заводе формировали добровольческий артиллерийский дивизион. Это был прекрасный повод избавиться от настырного Фелика, и его рекомендовали на должность комсорга дивизиона. Узнав о том, что ему грозит отъезд на фронт, Фелик с перепугу дал согласие сотрудничать с органами, о которых вслух говорить боялись все. И благополучно остался на заводе.

17

Дело оказалось под угрозой срыва. В литейном цехе отказались принять заказ на отливку третьестепенных, но тоже очень необходимых деталей: кронштейнов, крышек, заглушек – потоком шло литье для противотанковых орудий.

Анастасия растерялась. Она не знала, что нужно делать в таких условиях. Положение спас старичок-мастер из ремесленного училища. Было мастеру далеко за семьдесят. Щуплый как подросток, весь в седых волосиках, он командовал бригадой учеников, занятых на подсобных работах. Под его руководством мальчишки вырыли на берегу речки яму, провели к ней от обрыва крутого берега нору-поддувало, выложили яму огнеупорным камнем, приготовили формовочную землю. Анастасия наблюдала за всем этим, приоткрыв рот и вспоминая первую главу учебника по технологии металлов, посвященную истории металлургии: мальчишки сооружали первобытную плавильную печь. Неужели получится?! Мастер, обтаптывавший землю вокруг жерла печи, обнадеживал:

– Как не получится? Получится. Это волчок называется. В таком волчке в двадцатые годы еще и не такое отливали. Всё получится...

Первую плавку мальчишки отпраздновали пляской диких племен – полуголые и чумазы, они скакали в дыму среди летавших в воздухе хлопьев копоти. На берегу светились, остывая, готовые отливки. Анастасии оставалось только хлопать глазами от рези. «Показать бы «волчок» в институте! Или в Руре, на крупновском заводе...».

Инженерное высокомерие Анастасии сильно пострадало от столкновений с действительностью. Сначала ей показалось, что на Воткинском заводе традиционно придерживаются стиля ретро: директор завода ездит по территории и даже по городу в дрожках, в них запряжена большая белая лошадь, она бежит, как балерина на пуантах. Кучер Тихон Иванович – огромный старик с белой бородой до пояса. Кроме дрожек по заводу бегают забавный паровозик «ку-

кушка» с высокою дымовою трубой, будто сошедший со страниц учебника по истории техники, он таскает вагон с дровами. В литейном цехе расплавленную медь обогащают углеродом, перемешивая ее с березовыми «дрючками». Эта операция называется «дразнить медь». От такого средневековья можно было прийти в отчаяние, если бы в соседнем корпусе не гремела трескучими громовыми раскатами электропечь «Геру».

Цех был пущен при свете прожекторов, установленных на вышках охраны благодаря старичку-мастеру, смешно топорщившему седые усы, и его чумазым мальчикам. Как и планировалось, среди луга под открытым небом рядами стояли станки, обнесенные высоким дощатым забором с колючей проволокой по верху. Снаружи был слышен только слитный гул серьезно производства.

Анастасия вернулась в технический отдел, ощущая в себе туго натянутую, перенапряженную струну. Неосторожное движение, и...

18

Из клумбы подле корпуса технического отдела навстречу ей вышел маленький сморщенный гном в расшитой тюбетейке на седенькой голове. В крошечной ручонке гном держал бумажный фунтик с семенами цветов. Свободною рукою он сдернул с головы бархатную шапочку и поклонился Анастасии:

– Здравствуйте, Анастасия Сергеевна. Позвольте представиться: Федор Федорович Исупов, домовый здешних мест. Прошу любить и жаловать. Я вас видел в июне, и вдруг вы пропали куда-то. Уж не хворали ли? Нет? Ну и слава Богу! Не удивляйтесь моей осведомленности – домовому полагается много знать. Мы ведь с вами, Анастасия Сергеевна, в некотором роде земляки: вы изволили жить в Петербурге, а я там учился в Академии художеств. Да что же мы стоим здесь?! – всплеснул ручками гном. – Пожалуйте в мою келью, ведь обеденный перерыв! Право, Анастасия Сергеевна, уважьте старика. У меня на столь радостный случай кофе настоящий припасен!

Гном так и светился всеми седыми волосиками. Отказать было просто невозможно.

Федор Федорович провел ее через темный чулан, заставленный метлами и лопатами, отворил тяжелую дверь в светлую комнату. Почти всю ее стену занимало квадратное окно с встроенной в верхнем углу вертушкой вентилятора. Окно было расположено между мощными пилястрами фасада и оттого едва заметно снаружи.

Остальные три стены от пола до потолка были уставлены книгами на дощатых полках. Свободной была только дверная ниша. Блестели золотым тиснением корешки. На полу тоже были сложены книги, но растрепанные, в покоробившихся переплетах. От них исходил слабый запах тления.

Федор Федорович предложил гостю стул и на верстаке у окна занялся приготовлением кофе:

– Служу я здесь, любезная Анастасия Сергеевна, переплетчиком, переплетаю альбомы чертежей и технологических карт, а в свободное время, ночью, книжки лечу. Книжный лекарь, так сказать. Все это богатство вокруг нас я перетаскал сюда из мусора. Удивлены? Власть в лице красного партизана Васьки Коробкова, больше известного по кличке «Запретю», – это, знаете ли, любимое его словечко – запретила заводскую библиотеку, которой более ста лет, и распорядилась книжки, изданные до октябрьского переворота, сжечь. А ваш покорный слуга под покровом ночи это богатство исхитил, уповаю на то, что власть рано или поздно одумается. Сначала боялся, что кражу заметят. Не заметили покамест, да и не до старых книжек теперь. Покуда жив – сохраню. Сюда ко мне никто не ходит, переплетная-то за стенкой! А здесь я живу, любезная Анастасия Сергеевна. Вернулся из отступления, а дома родного нет. Конфисковали. На мое счастье здесь, в Николаевском корпусе, механико-техническое училище помещалось, а директором в нем был мой дружок закадычный Геничка Давыдов. Взял меня сторожем и каморку вот эту отвел. С тех пор и живу тихонько. Печи топлю зимою, снег огребаю, летом цветы развожу и от Васьки Коробкова тут прячусь. Двадцать годочков кряду...

Седенький гном так и зашелся беззвучным смехом, утирая выступившие слезы. На робкий вопрос об Академии художеств Федор Федорович развел руками:

– Когда это было, милая Анастасия Сергеевна. Сон, приснившийся утром! Начиная я в рисовальной школе барона Штиглица и в школе Общества поощрения художников. Меньше балла «12» не получал, но особого таланта в себе не чувствовал. Однако не сдавался, в Академию поступил вольнослушателем, все думал, что прорежется во мне Репин или, на худой конец, Семирадский. Не прорезались. Но рисовал, и недурно. Сотрудничал в журнале «Театр и искусство» у Кугеля, помещал рисунки пером – рисовал артистов на театральных премьерах. Удостоился похвалы госпожи Дейши-Сионицкой. Ах, какой Наташей в «Русалке» она была! Призвала

меня к себе, удивилась: «Какой же вы... маленький».

Он снова долго и беззвучно смеялся и повторял:

– Маленький... Маленький...

Победительный аромат настоящего кофе наполнил келью Федора Федоровича. Запах кофе был настолько знаком и привычен Анастасии, что ей почудилось, будто где-то здесь, совсем рядом с кельей притаился дедов диван с тяжелым пледом.

19

Поднимаясь по лестнице на второй этаж корпуса, где размещались конструкторские бюро, Анастасия почувствовала, что никакой перетянутой струны у нее внутри нет. Даже остановилась и прислушалась к себе. Действительно, внутреннее напряжение прошло.

Раиса Моисеевна Тоцкая, заведующая отделом пропаганды и агитации парткома завода – грузная, страдающая многочисленными болезнями женщина лет пятидесяти, в которой было что-то негритянское, – заступила на ночное дежурство. Она сидела перед телефоном, завалив половину стола перед собою грудой пышного кружевного жабо и уставив вторую половину стола скляночками и коробочками лекарств.

Услышав шаркающие по коридору шаги, поспешно собрала свою аптечку и спрятала в стол. «Ой, как сдал за последнее время наш Запретю», – подумала она и приготовила приветливую улыбку. Василия Петровича Коробкова побаивались не только в парткоме.

Послышалось свистящее дыхание, и в приемную вошел Коробков – костлявый сутулый старик в красноармейской форме без знаков различия. Его гладкий, обритый череп противоречил изрытому оспинами и морщинами лицу. Из глубоких складок сероватой кожи на Тоцкую хмуро глядели тронутые глаукомой глаза.

Не здороваясь, Василий Петрович сразу заговорил о деле:

– Вот, товарищ Тоцкая, ты защищаешь гнилую интеллигенцию, а я... Гляди, что нашел у техников.

Он расстегнул висевшую у него на плече командирскую сумку и с трудом вытащил из нее похожую на кирпич книгу. Из полевой сумки выпала на пол сложенная вдвое бумажка. Коробков этого не заметил, швырнув тяжелый том на стол – туда, где только что лежали лекарства:

– Напечатано не по-нашему. Знамо дело, – контрреволюция. Разберись и прими меры, кто там у тебя под носом орудует!

Раиса Моисеевна взяла книгу, раскры-

ла. Сказала, вздохнув:

– Василий Петрович, это технический справочник. Тут формулы, таблицы, логарифмы. Он нужен! Зачем вы его взяли?

– Нужон, говоришь? – Коробков сощурился. – Скажи-ко мне, товарищ Тоцкая, зачем нам чужая наука? Нешто наша хуже?

От такой постановки вопроса Раиса Моисеевна, признанный политический дипломат, растерялась: ну что ты на это скажешь? Коробков продолжал нажимать:

– А ответь ты мне, товарищ Тоцкая, покаковски там пропечатано?

– То есть на каком языке? – переспросила она. – На немецком.

– А не скажешь ли мне, товарищ Тоцкая, с кем мы воюем?

У Коробкова была железная логика. «А не скажешь ли мне, товарищ Тоцкая...». От такого обращения Раисе Моисеевне стало дурно, она стала соображать, куда сунула баночку с валидолом.

– Из технического отдела к нам почему ни одного сигнала не поступило? Что, там у тебя окопавшихся врагов нету? Да любогохвати – тот с белыми бегал, другой – двурушник, скрытый троцкист. А техникум твой? Заведующий бывший Давыдов оба раза с белыми бегал, религиозный фанатик. Когда вопрос о закрытии кладбищенской церкви будет готов? Не к месту, может, скажешь? А то, что с колокольни весь завод как на ладошке видать, об этом не подумала. Как хочешь, а я вопрос этот на парткомиссии поставлю – о политической близорукости и мягкотелости.

«Враги не тут, враги на фронте» – хотела сказать Раиса Моисеевна, но даже на короткую реплику у нее не хватило духу. Верное средство, которое ей достали знакомые по великому благу, было убрано подальше: таблеток нитроглицерина оставалось только на доньшке, на крайний случай. Неужели не обойдется?

Василий Петрович постоял, посвистывая бронхами, вынул из кармана кисет, подержал в руках и спрятал в другой карман. Буркнул сердито:

– Устал больно. Домой пойду.

И ушел, не прощаясь.

20

8 сентября генерал Кириллов-Белозерский в бомбоубежище не спустился, остался один в холодной квартире. Накинув на плечи шинель и подойдя к окну, он наблюдал, как на город подобно грозе в сполохах еще отдаленных взрывов накатывается война. Усиленная артиллерийская канонада слышалась со стороны Лужского рубежа. Произошло то, чего так опасался генерал и



Ленинград в борьбе. Художник Олег Ломакин.
Удмуртский республиканский музей изобразительных искусств.

его сердитые приятели: немец обошел-таки укрепления с Новгородского фланга, действуя, в сущности, по шаблону. Ворошилов – храбрый солдат, но не стратег, ему с пашкой наголо скакать. Проворонил Клим...

Генералу оставалась еще надежда с винтовкой в руках выйти навстречу врагу. Но записать его в ополчение, разумеется, дипломатично отказались: возраст. Вежливый подполковник сказал, что высший командный состав находится в ведении наркома, а нарушить приказ он не может, и порекомендовал обратиться непосредственно к Ворошилову. Генерал звонить Климу не стал.

Теперь князю Кириллову-Белозерскому спешить стало некуда. И он отправился домой пешком, да не напрямик, а через Летний сад. Осень стояла необычно сухая и светлая, сад был похож на собор в пышном золотом убранстве. Заметив это сходство, генерал подумал: «Грозная здесь предстоит литургия, кто-то примет мученический венец... Странно, откуда в сад прилетели дятлы? Что-то их раньше не было слышно».

Вскоре Кириллов-Белозерский убедился, что стучали не дятлы. Необычно молчаливые рабочие заколачивали известные всему миру античные статуи в грубые и громоздкие дощатые футляры.

...Генерал стоял у окна. Через равные промежутки времени доносились глухие, мощные вздохи. Он сразу определил: по городу бьют двухсотсорокамиллиметровые осадные орудия. Трескучих разрывов с едкой вонью мелинита не было слышно – обстреливали другой район. Светлым вечером на фоне совершенно мирного заката он разглядел сеть, ячейки которой увеличивались на глазах. Это могли быть только самолеты врага.

Так оно и оказалось. Первая волна пошла на боевой разворот, где-то близко хлестко ударили зенитные пушки, возле самолетов стали вспыхивать искры разрывов, комочками ваты повисали на их месте облачка. Опытный артиллерист, генерал понимал, что прямое попадание в летящий самолет – большая редкость. Это только в кино из пушек сбивают самолеты. Задача зенитной артиллерии была скромнее, но важнее: заградительным огнем воспрепятствовать прицельному бомбометанию, разрушить строй самолетов, разогнать их по небу.

В минуты тишины можно было расслышать разрывы зенитных снарядов: запоздалое «пк...пк...лк...».

Первая волна, похоже, отбомбилась неудачно. «Юнкерсы» уходили над крышами. Но вскоре «сеть» из бомбардировщиков закрыла все небо, и на город обрушились основные силы. В быстро темнеющем небе навстречу армаде стали взлетать, повисая в воздухе, цветные огоньки сигнальных ракет. Генерал яростно выругался: диверсанты-корректировщики указывали летчикам цели! Тысячу раз был прав Бонч-Бруевич – «заклятые друзья» времени не теряли, внедряли агентуру еще с двадцатых годов.

Посыпались по крышам искры от зажигательных бомб, зловещей дробью забарабанили по кровельному железу осколки. По сотрясению воздуха и дребезжанию стекол в окне генерал определил, что фугасные бомбы ложатся в районе порта, в промышленной зоне.

Над крышами разливалось зарево, отражаясь в стеклах окон верхних этажей. Вскоре жирными рыхлыми хлопьями повалил черный снег, он налипал на оконное стекло и не таял. Горели Бадаевские военные склады.

Пока длился налет, генерал не отходил от окна. Он уже собрался идти на кухню варить себе кофе, как вдруг увидел, что в лунном свете, казалось, ожила и пришла в движение мостовая. Генерал был дальнорезок и разглядел причину странной ряби – улицу заполнили полчища крыс: тысячи тварей спасались от пожара. Он содрогнул-

ся от омерзения и начал молиться, прося у Бога скорой и достойной смерти...

– Вот что, Володя. По нашему узлу требуется сократить норму времени на обработку деталей на двадцать процентов. Вот тебе секундомер, и дуй в цех – засеки практическое время. Будем думать, на чем сэкономить. На месте виднее. Режим резанья проверь, о применении комбинированных резцов подумай. Сам понимаешь, на чертеже одно, а в натуре – другое. Цехового технолога я предупредил. Да, имей в виду: рабочие секундометраж не любят. На глазах очень-то не мельтеши, – напутствовал Селезнева руководитель группы. Тот хмуровато слушал и кивал головой.

В это время Фелик сидел в материальной кладовой цеха, держа в руке яркую, как переводная картинка, банку американских консервов, и пальцем выковыривал из нее бобы с салом. Палец блестел от жира, глаза Фелика тоже масляно блестели. Сквозь спутанные волосы челки на банку и палец зачарованно смотрела девчонка в прорезиненном фартуке и затасканной мужской шапке-ушанке – подсобная рабочая лет шестнадцати. Фелик загадочно глянул на нее, смыкавшую и размыкавшую сухие губы, заглянул в банку, подозвал и мило стиво протянул ей остатки консервов:

– На...

Девочка принадлежала к племени «черноносых» – так называли учениц ремесленного училища: они вытирали носы грязными руками. Пока «черноносая» доедала бобы в сале, Фелик развлекался тем, что запускал ей руку под фартук. А она, как лошадь, переминалась в своих брезентовых ботинках на деревянной подошве.

Сытная еда и невинное развлечение несколько сгладили впечатление от очередного разговора с куратором из органов, который требовал «ени...ине...цивы»: обязанности сексота Фелика тяготили всегда, а теперь – особенно. Дело в том, что, став завхозом цеха, он стал нужным человеком в системе снабжения, осторожно по просьбе покровителей списывая на нужды производства кое-какие материальные ценности и прикрывая таким образом воровство снабженцев.

Его пока что в долю не брали, да он и не стремился к этому, понимая, что вороватые покровители под расстрелом ходят. Он знал и свое место, и цену возможного разоблачения и довольствовался крохами с барского стола. «Крохи» были жирными: все голодали, а Фелик ел досыта, еще и делался кое с кем за приятные услуги. Боль-

шинство ходило в заплатах, а Фелик через сложный обмен ордеров на покупку товаров прилично одевался, имел добротную обувь. Чем не жизнь? Если бы только не проявлять эту самую «ени...ине...циву».

Куратор был истинный змей. Грозился отправить на фронт, и прощай тогда хорошая жизнь с американской свиной тушенкой и покладистыми «черноносыми».

И еще одно последствие сотрудничества с «органами» лишало Фелика спокойно-го сна: он боялся раскрытия. Он помнил, как у них в селе расправились с уполномоченным по заготовкам – хвятили поленом по голове и утащили за ноги в болото. Начальника обмануть можно, а народ не обманешь.

Некуда было деваться Фелику.

Он прогнал «черноносу» и поплелся в цех. Здесь он увидел молодого человека, поведение которого ему показалось подозрительным. Фелик подошел к Володе Селезневу и сказал, подражая киевским милиционерам:

– Пройдемте, гражданин.

22

Возникшее недоразумение разъяснил начальник цехового техбюро, но Фелик поторопился донести куратору о своей инициативе, и задержание Селезнева попало в дневную сводку.

Когда змей-куратор вызвал Фелика «для беседы», того прошиб пот: «Вот оно... Мобилизуют...». Пытался придумать какой-нибудь хитрый ход. «А если сдать НКВД поголовно всю систему воровства снабженцев?! Нет, так дела не поправишь. Их расстреляют, а тебя – в штрафной батальон вину испкупать. Та же «вышка» и выйдет».

Фелик второй раз прогнал с глаз долой «черноносу» и поплелся «на беседу». «Змей» был худ и зябок, он кутался в синюю шинель и едва ли не сидел на железной печке-буржуйке. Фелик со злорадством отметил, что шинель на кураторе дымится.

– Ты в цеху мышей не ловишь, – желчно и глядя в окно начал куратор. – Только девок щупать горазд.

Фелик почувствовал, как между лопаток ручейком заструился пот: «Откуда узнал, змей?!».

– Вообще, я вижу, что там тебе делать нечего. Есть необходимость перевести тебя на другое место службы. Мы тебя устроили в технический отдел.

Радость избавления от мобилизации была сильной. Фелик почувствовал, что его начинает колотить ознобная дрожь. Он слушал куратора, но понимал не все, а через слово:

– ...начальником БЧХ. Знаешь, что это такое? Начальник чертежного хозяйства. Девчонками командовать. Только смотри у меня, не бесчинствуй, а то пусти козла в огород... Да ты меня слушаешь или нет?!

Только после матерного вразумления к Фелику вернулись нормальный слух и должное внимание.

– Если не будешь проявлять инициативу, душа из тебя вон, тебе будет одна дорога – на фронт. Понял? Но главное не в этом. Присмотрись к заведующему, к главному специалисту. Надо узнать, что он привез из Америки. Да не в чемодане, а вот здесь! – И постучал пальцем по своему лбу. – Как тень за ним в сортир не ходи. На бабенках сойдется. Потом я тебе все объясню. Выучишь как таблицу умножения. А покамест устраивайся. Да тельняшку свою, клеши, бляху с якорем больше не надевай, а то перепугаешь всю интеллигенцию! Оденься прилично: галстук и все такое. И запомни, бревно осинное, – в отделе культурные барышни служат, к ним подход нужен.

И Фелик побежал устраиваться, бодро и весело побежал!

Тигре новый начальник БЧХ понравился. Да хоть бы и тем, что мужик, при нем не надо было стесняться в выражениях. Но скоро он убедился, что у Фелика с его масляными глазами есть и другие достоинства. Следуя инструктажу куратора, Фелик оборудовал в смежной с кабинетом комнатке уютное место отдыха с диваном, столиком, шкафом и фикусом. Как любой крестьянин, Фелик владел плотницким инструментом. Без посторонней помощи он и для себя выгородил удобный уголок за фанерной перегородкой, завешанной ковром. Сквозь фанеру все было прекрасно слышно. Для Тигры комната отдыха в условиях казарменного положения стала дорогим подарком.

23

Тоцкая, проводив Запретю печальным взглядом, заметила на полу бумажку, шевелящуюся от сквозняка. Пришлось выбираться из-за стола. Тоцкая развернула потершийся на сгибах лист и стала читать: «Извещение. Ваш сын, старший лейтенант Коробков Владлен Васильевич, уроженец города Воткинска Удмуртской АССР, в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив мужество и героизм, был убит 22 июня 1941 года, похоронен...». В коридоре знакомо зашаркали старческие шаги. Тоцкая растерялась, будто подглядела нечто запретное. Она не знала, как вести себя в складывающейся ситуации, и в растерянности сунула похоронное

извещение под штору на подоконник.

Василий Петрович остановился на пороге и сказал будничным тоном:

– Забыл сказать. Тут справку принесли из органов. Из твоего техотдела Селезнев какой-то. Привлекать его не станут. Ты разберись, да чтоб без соплей, пусть на собрании обсудят, накажут.

Раиса Моисеевна растерянно кивнула, и Коробков ушел. Она вдруг с необыкновенной остротой почувствовала, насколько одинок Коробков, держащий в тайне гибель единственного сына. Ей представилось, как тоскливо в пустом старом домишке на окраине, куда ему придется идти по собачьей тропинке среди сугробов и торчащих из снега будыльев – толстых стеблей табака-самосада – и где ему придется остаться наедине со своим горем.

Тоцкая вдруг заплакала от чужой – только ли чужой? – беды. Она тоже растеряла по свету всех своих близких за годы революционной борьбы, она тоже страшится одинокой ночи в пустой казенной квартире. Может быть, сбывается проклятье отца, правверного иудея, и ей суждено сгнить заживо от своих болезней среди собраний сочинений классиков марксизма-ленинизма.

С проклятого лета 1941 года все сорок недугов, угнездившихся в большом теле Раисы Моисеевны, обострились. Ей было необходимо санаторное лечение или, на худой конец, усиленное питание. В больницу, куда ее периодически отвозили на карете «скорой помощи», Тоцкую буквально «вытаскивали из могилы», взбадривали уколами, и она с прежней дотошностью писала тексты публичных лекций, готовила семинары. Она не мелькала на трибунах, держалась в тени, но ее энергией, знаниями и опытом политической работы питалась вся пропагандистская машина парткома.

Чудом уцелев в 1937 году, она видела в репрессиях трагедию партии и надеялась, что драма войны сплотит партийцев, оздоровит внутривнутрипартийную жизнь. Шумное «дело» о вредительстве директора Воткинского завода Иванова и ведущих специалистов закончилось благополучно: Верховный суд отменил приговоры за отсутствием состава преступления. Эта новость поддерживала Тоцкую лучше лекарств.

На заводе ввели талоны на усиленное питание за ударный труд – «стахановские». На них в столовой подавался роскошный обед из трех блюд с мясом, жирами и сладким какао (сахара давно в продаже не было). «Стахановские» распределяли в парткоме. Коробков обвел всех тяжелым взглядом и сказал:

– Это кто здесь стахановец? Я не стахано-

вец. Стахановцы в цехах.

И ушел, отказавшись от талона. Зато некто М. из завкома комсомола иронически ухмыльнулся и взял оба – свой и «отказной». Тоцкая тоже талон взяла, но он жег ей пальцы.

24

Подвести «полевой цех» под кровлю до наступления холодов не удалось: снег выпал в октябре. Плотники наскоро сколачивали дощатые щиты от ветра и снежных заносов, и цех понемногу превращался в лабиринт перегородок. Над станками натянули брезент – он то надувался пузырьком под ветром, то провисал под тяжестью снега. Мастера, вынужденные кричать на ветру, срывали голоса. Станочники работали в шапках-ушанках, и бригадиры следили, чтобы наушники были завязаны под подбородком. Однажды ученик токаря работал с развязанными наушниками, и шнурок попал во вращающийся кулачковый патрон. Мальчику оторвало голову.

Анастасия вернулась в «полевой цех» в другом качестве. Дед предполагал, что на второй-третий год войны толщина танковой брони достигнет двухсот-трехсот миллиметров и тогда мощности существующих противотанковых пушек будет недостаточно. Не станешь же бесконечно удлинять ствол!

Для увеличения дальности своей митральезы Анастасия разработала улучшенную геометрию снаряда. Теперь, когда от новой пушки пришлось отказаться, она потащила свои шаблоны к Гульянцу. Тот сначала досадливо хмурился, но расчетные десять процентов прироста дальности полета снаряда его убедили. Поступило распоряжение запустить в производство в «полевом цехе» опытную партию снарядов с улучшенной геометрией.

Кроме служебной надобности здесь у Анастасии было тайное, личное дело. Ее так больно задел ненавидящий взгляд заключенной женщины, что появилось чувство вины не только перед Машей Солдатенковой, но и перед всеми, кто оказался под стражей. Как будто она была виновата перед ними тем, что еще находится на свободе. Чтобы хоть немного загладить свою невольную вину, Анастасия стала прятать в штабеля строительных материалов маленькие посылки: хлеб, бутылочку молока, несколько конфет, которые стали выдавать по карточкам вместо сахара. Делилась тем немногим, что имела сама. В том, что ее посылки доходят до адресатов, она убедилась, найдя в бутылке из-под молока записку, написанную обломком кирпича. В записке

было одно слово: «Спасибо».

После разгрома немцев под Москвой светомаскировку отменили. Над строящимся цехом, пузырившимся брезентом, плясали всполохи электросварки, по снежным сугробам метались резкие синие тени. В этом слепящем глаза неистовстве света было безопаснее пробираться к тайнику и прятать сверток. На этот раз в свертке были теплый шарф и варежки. Исполнив свой долг, Анастасия благополучно вернулась в цех. Над работающими станками склонились человеческие фигуры, в свете прожекторов кружились снежинки. Вернулась удовлетворенная – не попала «человеку с ружьем». Усмехнулась, вспомнив одноименный фильм, где артист Щукин в роли Ленина говорил в зрительный зал: «Теперь не надо бояться человека с ружьем».

Первые снаряды по разработанной Анастасией геометрии проходили технический контроль, и принимала их молоденькая контролерша ОТК Верочка Колупаева. Случайно здесь же, в холодном цехе, оказался и Володя Селезнев. Ему пришлось внедрять простенькое приспособление для одновременной обработки нескольких плоских деталей. Задание было несложным, и он рассчитывал управиться если не за полчаса, то за час. Для этого требовался столь же простенький фрезерный станок «Держинец», который Володя предполагал передать рабочему «на ходу». Но у станка замерз водогон, и охлаждающая мыльная эмульсия превратилась в лед. Пришлось развести небольшой костер. Володя подбросил в огонь промасленную ветошь и отошел, жмурясь от едкого дыма.

25

Володя Селезнев приходил домой только спать. А то и на ночь оставался на работе. О выходных днях и думать было нечего. Это называлось «ненормированный рабочий день». Поэтому его встречи с Верочкой оказывались случайными и мимолетными.

Марья Семеновна, мать Володи, такой снохе как Верочка была бы рада: работу видит – носом тыкать не приходится, проворная. И по дому, и за коровой, и печь истопить. Красивая – косы в руку толщиной – здоровая, в теле. От такой девки нос воротить? «Опять же молод, мальчишка еще, какой из него жених?! День и ночь в заводе, изробился весь – глаза да нос остались». Марья Семеновна даже оправдывалась перед Верочкой:

– Весь в отца пошел: каждый день – понедельник, лишний раз не улыбнется. А ведь добрый: куска хлеба один не съест.

Однажды вечером Володя захватил с

собой свежий веник, узелок с бельем и заторопился в баню – свою, в огороде. А там Верочка. Щелоком на золе голову моет. Не взвизгнула, не прикрылась – улыбнулась. Володя отпрянул, дверь снаружи прихлопнул. А из бани как колокольчик:

– Володя, я сейчас, только окачусь. Чего, как неродной, убежал-то?

Володе в его мальчишеской простоватости и в голову не пришло, что его нарочно подкарауливали в бане. Но Верочка перестаралась. В воображении Володи чаще возникал другой женский лик – тонкий, неулыбчивый, почти бестелесный.

К ночи мороз усилился. У разметочной плиты – обширного, покрывшегося инеем чугунного стола – контролер ОТК, по виду почти школьница, делая замеры, то и дело дышала на замерзающие пальцы.

– Что вы? Наденьте сейчас же перчатки! Вы же пальцы обморозите, – поспешила к ней Анастасия. Верочка испуганно вскинула глаза в смерзающихся ресницах на молодую женщину в легком осеннем пальто и лыжной шапочке, из-под которой выбивались волосы, прихваченные инеем. Анастасия властно взяла из рук Верочки шаблон и сама стала проверять непривычно выглядявший профиль головки снаряда, нетерпеливо сбросив на разметочную плиту перчатку с руки.

К ним в огромных валенках и распахнутом овчинном тулупе подошел Володя Селезнев. Его мороз не брал – только курчавился инеем от дыхания воротник тулупа. Он сразу разглядел побелевшие кончики пальцев Верочки и – как всегда поступал на лыжных прогулках – взял девушку за руки, заложил пальцы, прихваченные морозом, к себе под тулуп и крикнул ей в ухо:

– Терпи, сейчас отойдут!

Верочка благодарно уткнулась озябшим носом в его грубый, домашней вязки свитер. И только тогда Володя увидел, что перед ним в легоньком осеннем пальто и лыжной шапочке – тоненькая, узенькая в плечах – стоит Белозерская, дышит на пальцы, и пар от дыхания тут же оседает снежным бисером на рукаве. Стоит и делает карандашом пометки в блокноте.

Пересменка проходила при жестком свете прожекторов и в беспокойных отблесках костров. Верочка, сдав смену, бежала домой напрямик через огороды по собачьим тропинкам и плакала. Под встречным колючим ветром примерзали к щекам слезинки. Вдруг пробудившимся женским чутьем она все поняла. Выдернула из теплых подмышек Володи неистово болевшие, оттаивавшие пальцы и убежала. «Он так глядел на нее! Гадина... Гадина...».



Хлеб. Художник Борис Постников. Удмуртский республиканский музей изобразительных искусств.

Володя видел, как мерзнет в своем пальтишке «на рыбьем меху» Анастасия Сергеевна, и был готов сбросить с плеч тулуп, укутать им ее узенькую, как веретено, фигурку, чтобы только нос торчал из воротника. Да не посмел. Поплелся к станку в полной уверенности, что стоит только запустить его – и все пойдет как по нотам. Уж очень простой была конструкция приспособления. Он еще слишком мало поработал, чтобы отводить место существующему вне технических законов закону пакости.

У обрабатываемых в пакете стальных прокладок «по идее» размеры были просто обязаны получаться одинаковыми. Но каждый раз выходили из-под фрезы с немислимыми отклонениями. Уменьшил число зажимаемых прокладок – снова

брак. Вот тебе и «станок передать на ходу»! Смотрел, принюхивался, ощупывал, думал – причина сбоев оставалась неуловимой. Технической ошибке и прятаться-то вроде было негде.

Дойдя до полного отупения, Володя выключил станок, пнул с досады его станину своим пудовым валенком, закурил трясушимися руками и побрел к ближайшему костру, вокруг которого грелись форсистые выпускники ремесленного училища в черных шинелях и летних фуражках военного образца. Почти у всех были распухшие от обморожения уши. «Хоть дрожу, да форс держу», – сердито подумал Володя. Старичок-мастер, приплясывая у костра, топорщил моржовые усы и рассказывал что-то смешное:

– Студент-то курослепый был, без очков, сунулся носом к фрезе, а она ему кончик носа, носульку самую, и отхвати!

– Сперва бы станок выключил, студент! – солидно заметил самый маленький из «ремесленников».

– То-то и есть, – подтвердил мастер и, увидев Володю и узнав в нем своего ученика по механическим мастерским, весело крикнул:

– Селезнев? Айда греться! В ночь робить вышел?

– Пришлось, Дмитрий Архипыч, – признался Володя невесело. – С приспособлением совсем замаялся, а в чем дело – понять не могу.

Мастер шевельнул усами:

– А что? Пойдем поглядим, может, артельно и присоветуем. А после, архаровцы, за лопаты – и снег огребать!

Черные шинели обступили станок. Мастер, щурясь, приглядывался к зажиму, бормоча под нос:

– Должны одинаковы получаться...

– А не получаются, вон сколько брака, – обиженно пожаловался Володя.

– Ну-ка зажимную гайку отвинти, – распорядился старик. – Дай-ка сюда. Вот и попался!..

И, показывая гайку своим, спросил:

– Ну-ка, глядите. Кто что скажет?

И самый маленький из «ремесленников» азартно закричал:

– Гайка-то косая! Основание косое!

– Вот и все, – заключил мастер. – Чем туже затягиваешь, тем больше уводит. Копи ума, студент!

Конфуз был полный.

Мастер увел свою «артель» убирать снег. Володя, вспотевший от стыда и досады, негодную гайку заменил, и дело пошло на лад. Как по нотам! Можно докладывать и домой спать идти.

26

Совещание у главного инженера закончилось за полночь. Ветер к этому времени утих, вывездило, отчетливо пролился в небе Млечный путь. Столбик термометра на плотине упал до минус сорока семи, и охране сократили вахту до получаса.

Анастасию удивил мерцающий морозный туман, в котором растворялись очертания предметов, а прожекторы выглядели тусклыми радужными коконами. Через несколько шагов ей показалось, что она совершенно голая, как в бане, только не в тепле, а на морозе. Еще через несколько шагов она вдруг осознала, что не в силах двинуться дальше – хотелось скорчиться на снегу и мерзлым комочком свалиться набок. Ночь,

ни одной души, а рядом в десятке шагов гремят невидимые в густом тумане цеха, но сделать эти десять шагов она не могла.

Девушка уже давно голодала. Хлебную норму для служащих снизили до шестисот граммов в день. Выкупленный в магазине паек она делила на три сыроватых, разваливающихся в ладонях ломтя. Возле заводской проходной возникло стихийное торжище – Хитрый рынок. Голодные люди сбывали предприимчивым людям модную одежду и обувь, украшения, редкие книги, картины за десяток картофелин и ржаную лепешку. Анастасия брезгливо, не рядясь «проела» все, без чего можно было обойтись, в том числе – шелковое белье, в котором не заводились вши.

Оставалась последняя драгоценность – золотые часы, подарок деда на совершеннолетие. Но часы в общежитии украли. Пропажа огорчила ее, но из гордости она не заявила коменданту о краже. Больше обменивать на еду было нечего. Головокружение и слабость в коленях были привычными – просто надо было замедлять при ходьбе шаг и иногда останавливаться, чтобы перевести дыхание.

Цепеная от холода среди шума невидимых цехов, она присела на корточки, сжимаясь в комок. Состояние было странным: оцепенение тела сопровождалось лихорадочной мыслью! Организм стремился к покою, мысль же, не теряя полной ясности, летела к какому-то неведомому пределу.

Анастасия думала о беспощадном законе: полноценное изобретение вызревает в среде себе подобных догадок, аналогий. И когда раствор насыщается, начинается бурная кристаллизация – изобретения, открытия. Кто-то один выдвигается вперед, а остальные так и остаются питательным раствором. И впереди часто оказывается не лучший, а тот, кто оказался в более благоприятных условиях. Но она не хотела быть питательным раствором, создавая благоприятную среду для более удачливых! Мысли теснились, путались. Вдруг перед глазами во всех деталях как наяву предстала «ее» пушка – охваченный пламенем, вращающийся пучок стволов. «Долг... Обязанность... В понедельник говорить только по-немецки, в среду – по-английски, в пятницу – по-французски... При близком артиллерийском выстреле напрягать гортань...».

За усердие на двенадцатом году жизни дед пожаловал ей чин младшего унтер-офицера. Но домашний кот был старше ее чином: за выслугу лет и преуспеяние в ловле крыс его произвели в фельдфебели...



ПРОЗА

Олег СОВИН

выпускник Волгоградского
педагогического института,
г. Ижевск



ПОРТРЕТ БОСХА

Повесть
(отрывок)

1

Один алкоголик, один сумасшедший и один неприкаянный художник-авангардист на весь вечно весенний город Пуэрто де ля Круз – это преступно мало. Алкоголик оказался иностранцем, но не примитивным русским алкашом, а французом. Рассказывали, что прежде он выглядел жалким побирушкой, как все алкоголики, но однажды в нем проснулось национальное высокомерие. Разбудили высокомерие местные островитяне своей жалостью и потакали странным пьяным выходкам француза, будучи уверенными, что так низко человека может опустить только огромное личное горе.

Француз давно забыл, когда и какое огромное горе у него произошло и было ли вообще какое-то горе. А если случалось настоящее огорчение, то причиной ему было тяжкое похмелье. Горожане воспринимали его запой как неизлечимый синдром боррачо, а он не мог, уже не имел права страдать от другого недуга, чтобы не разочаровать и не обмануть привычных ожиданий жителей Пуэрто де ля Круз.

Случалось, француз провоцировал российского туриста Якова Мазо на то, чтобы тот врезал ему по физиономии. Так он за-

рабатывал на выпивку. Жалобно что-то гнусавил, протягивал ладонь и, ничего не получив, начинал донимать вслед руганью на плохом испанском. Реанимированные на Тенерифе приемы актерской школы Мольера приносили французам кое-какие дивиденды. Разглядывая в упор этого шута, Яков с содроганием читал его мысли: «Брат, не выпендривайся, скоро вместе будем протягивать ладони. От сумы...».

Ночью океан пугал Мазо больше, чем мысли алкоголика. Беспредельная тьма пенилась от кишачих в ней чудовищ. Черный песок из вулканического туфа размывал границы воды и острова. Якову казалось, что он сидит на краю огромного океанического кратера в том пляжном закутке, откуда открывается вид на громадную отвесную скалу, изъеденную мигающими точками электрических огней.

С наступлением темноты приходил на малый пляж местный сумасшедший. Он устраивался поодаль на скамейке и продолжал спор с кем-то невидимым. С приходом ночи речь его становилась спокойной и ровной, как гудение опор высоковольтной линии электропередач.

Так они просиживали полночи порознь: он – глядя на Мазо, Яков – слушая его. Потом приходил алкоголик и устраивался на ночь между валуном и гранитными ступенями. Следом за алкоголиком на пляж являлся свободный художник. Давным-давно он приехал в городок на месяц, чтобы заработать денег, но уже третий год денег все не хватало даже на обратный билет до Питера. Виза у него давно была просрочена, числился он нелегалом, но на судьбу не роптал.

С появлением художника сумасшедший умолкал. Слышался мерный шепот океана, сонные всхлипы обессиленного алкоголика. Художник устраивался рядом с Мазо, запрокидывал голову и разглядывал звезды, сброшенные на обочину Млечного пути. Присутствующим отпускалось минут пятнадцать на глубокое, вдумчивое молчание. Затем художник произносил:

– Сегодня чуть было не продал свое лучшее творение. Но вовремя одумался. Жалеть потом буду. А вдруг ничего лучше не создам?

Лучшим его творением был портрет в деревянной раме, сложенный из минералов. К остальным своим работам он не испытывал чувств создателя:

– «Люди в голубых одеждах»? Эта картина устарела за прошедшую неделю. Продам – и не жалко. Она тех денег не стоила.

За неделю ночевок на пляже Яков достаточно наслушался бредовых идей, выдаваемых за философские рассуждения:

...Смерть – наркотическое лекарство от жизни. Она постепенно и ненавязчиво приручает к себе. Так незаметно приручает, что, однажды проснувшись, привычно позавтракав перед выходом на работу, ты вдруг обнаруживаешь в черной рамке на комодке свой портрет, который был помещен туда скорбящими родственниками еще неделю назад.

...Опаснее критики рецензента бывает только лесть. Сперва она слепит, затем настораживает, и только много позже приходит догадка, что тебя разыграли, намекнув, мол, малюй, художник, продолжай так же скверно. А мы поможем, похвалим. Главное – не создай ненароком какой-нибудь шедевр.

...Без человечества планета Земля не погибнет, она сознательно превратит себя в питательную среду для иной, более организованной цивилизации, скажем, муравьев, термитов, крыс.

...Мир – огромное цветастое одеяло всеобщей правды, сшитое из мелких лоскутов лжи. Без мастеров, шивающих ложь водино, не получилась бы вселенская правда сотворенного мира. Мы накрываемся с го-

ловой и наслаждаемся теплом.

...Мне не хватает смелости заявить, что я лгу только потому, что боюсь. Я не хочу пропасть, поэтому я не хочу быть честным. Я не хочу быть самоубийцей, поэтому я не хочу быть честным. Я хочу быть равным среди всех, поэтому я не хочу быть честным. Я не хочу быть честным, поэтому я ничего не хочу.

Этот «поток воспаленного сознания» художника-авангардиста Мазо выборочно записывал на диктофон, рассчитывая тем самым, что художник оставит его в покое – рядом с черным океаном, черным небом и таким же черным песком...

С уснувшего вулкана Тейде скатывалась ночная прохлада, пронизывала кустарники, цеплялась за кроны горных сосен и туманом возносилась обратно, образуя вокруг пика облачный нимб. Улицы города, залитые едким шампунем, начинали утюжить чистящие машины, скрипя и повизгивая взлохмаченными щетками.

Захлебываясь слюной и хриплым кашлем, проснулся алкоголик. Он сел и, ошарашенный, начал заново знакомиться с окружающим миром.

– Вот кому везет всех больше! – искренне сказал Яков.

Художник неожиданно попросил уточнить:

- Кому везет больше других?
- Французу из Бургундии.
- Французу? Из какой Бургундии?
- Алкашу.

– С чего ты взял? – удивился художник. – Он никогда и не был в Бургундии. Он – гасконец. И алкашом он раньше не был. Это я его спойл. Парень искал проскопическую защиту. Я помог ему. Всего-то.

– Интуиция привела гасконца к алкоголю? Забавно! Я правильно понял: под проскопической защитой ты подразумеваешь интуицию?

– Не совсем. Одними птичьими мозгами не осчастливишься. Все мы живем за счет подсказок. Проскопическая защита – это результат нашего покаяния. Покайся в грехах, и отпущено будет тебе, и получишь от Бога подсказку, как жить дальше.

– Насмешил! Поэтому ты взвалил на себя непомерную ношу божественного провидца и подсказал французу, как обрести счастье?

– Я показал ему один из путей покаяния. Между прочим, на собственном примере. А ты на плайя Мартиньянес не за тем же приходишь? Может быть, у тебя блатные отношения с Создателем? В таком случае поведай, почему ты каждую ночь устраиваешься поудобней и ожидаешь ду-

шевного покоя и гармонии?

Твое присутствие здесь не случайно. Случайностей вообще не существует в природе. Душа твоя при виде нас троих трепещет. Не надо искать скрытого смысла, все написано на твоём лице.

Ты боишься гасконца, но не потому, что в тебе есть предрасположенность к алкоголизму, а потому, что в образе подобного существования ты видишь избавление от всех печалей и хандры, снедающих тебя.

Слаб человек и ничтожен, но более ничтожным и слабым он становится, когда пытается глупыми фантазиями охватить необозримые пространства своей слабости и ничтожества. Как у слабости, так и у силы пределов не существует. Предел – это ты и твой выбор. А выбирать тебе дозволено только после покаяния.

Когда-то наш друг алкоголик был удачливым бизнесменом и страсти к спиртному не испытывал. На юге Тенерифе, где природа напоминает египетские песочницы, не раз с семьёй отдыхал. Но однажды изменил привычкам: привез семью в Пуэрто де ля Круз и поселился в скромном отеле «Дания Парк».

День у него ушел на ознакомление с городом, на покупки сувениров, чего он, собственно, никогда раньше не делал. Еще день он убил на то, чтобы по просьбе супруги арендовать «опель» и с семьёй объехать весь остров. На третий день к их столу подошел незнакомец и, глядя в глаза гасконцу, стал негромко и быстро что-то объяснять ему по-испански. Жену напугала бледность, обескровившая лицо мужа.

После завтрака они всей семьёй дошли до дальнего пляжа. Сын скинул верхнюю одежду и первым встал у кромки воды. Гасконец долго наблюдал за мальчиком, затем поцеловал жену и дочь и пошел следом за сыном. Не оборачиваясь, помахал рукой, потом с разбегу влетел в воду и нырнул, пронзая головой волну.

Беда в том, что маленький пляж в полдень при беспокойном океане был всегда пустым, и утонувшего француза пришлось искать детям – жена впала в ступор. На поиски в мутной воде ушло минут пятнадцать, еще пять минут дети вытаскивали тяжелое безжизненное тело на черный песок возле стального листа, изображающего дырявую от загара женщину. Волна несла в своей утробе огромный камень, в который гасконец и врезался головой.

Появились люди из службы спасения и отвезли бедолагу в судебно-медицинскую экспертизу.

Ночью в морг проник утренний незнакомец и вернул гасконца на землю. Фран-

цуз бежал из морга голым. Я помню, было много шума в полицейском участке. Склонялись к версии, что тело бизнесмена выкрали выходцы из Марокко с целью получения выкупа от безутешной вдовы. По городу ходили активисты с транспарантами и требовали депортировать всех марокканцев на материк.

А гасконец в это время без документов, денег, но в оранжевом одеянии тайского монаха шел по святым ойкуменам планеты. Путешествовал он два с лишним года, а по дороге собирал камни священных мест.

Познакомился я с ним неделю спустя после того, как в полной мере прочувствовал на себе всю силу внушения того самого незнакомца, который отправил француза собирать камни. Средних лет, чуть выше среднего роста, черты лица неестественно симметричные, отчего весь его облик был незапоминающимся, будто отретушированным аккуратным чертежником. С первых же слов незнакомца, обращенных ко мне, я понял, что не смогу ему отказать, хотя просьба была довольно странной: помочь одному алчущему правды путнику собрать из минералов мозаичное полотно. Материал путник предоставит, а результаты совместного с гасконцем творчества я не должен до времени разглашать.

Я снимал в то время недорогую комнату на камино де Сен Амаро. Незнакомец оставил мне ключи от шикарной квартиры на Кайе де ла Ойа. Видимо, я неплохо представлял российскую школу живописи, если незнакомцы обращались ко мне с необычными просьбами и предлагали дорогое жилье.

Вернувшийся из путешествия гасконец вывалил передо мной полрюкзака минералов. Он сказал, что этого должно хватить на портрет Босха, что в изнурительных поисках он понял свою миссию и покаяться, как покаюсь и я, обнаружив свое предназначение в творчестве.

Но из минералов, пусть даже собранных в святых местах, можно было склеить лишь каменного идола!

Я достал из запасников в квартире незнакомца восемнадцать бутылок дешевой каталонской текилы, четыре бутылки десятилетнего бренди «Торрес» и начал «сводить глаза в кучку». Гасконец не отставал. Он залпом выпивал треть стакана, отпрыгивал в сторону и внимательно разглядывал, как я перебираю, точно шахматные фигуры, его добычу. На третьи сутки он попытался объяснить, что один из минералов, который я пристраивал к воображаемой переносице на мозаичном портрете, он отколол от фризиса у



Городок в Испании. Художник Владимир Бабушкин.

подножия пирамиды Менкаура – розовый крапленый гранит.

Заказ был выполнен за пять дней. Печень подросла на ширину ладони. Я прилег отдохнуть с нехорошим предчувствием, что гасконец злоупотребит остатками алкоголя, хотя скитания по святым местам должны были приучить его к мысли делиться последним с товарищами.

Малые дозы позволили переродившемуся в алкоголика гасконцу на седьмые сутки встать на ноги и выйти из дома. Пока в глубоком беспамятстве я трудился над восстановлением физических сил, гасконец в «Энкуэнтро» успел спереть портмоне у иностранного зеваки. После проверки содержимого кошелька он в одночасье превратился в солидного рекламодателя из Бургундии. Жизнь начала источать удачу. Признаки перемен к лучшему проявились и в нежелании владельца кошелька заявлять о пропаже денег и документов. Видимо, паспорт был не совсем настоящий, но пять тысяч евро не вызвали сомнений.

В качестве новоиспеченного рекламо-

дателя гасконец повсюду раструбил о портрете Босха, зацепив владельца самого крупного супермаркадо в городе и используя его как подопытного кролика. Я еще находился в глубокой забывчивости, когда гасконец привел его на квартиру полюбоваться моим творением. Босх был накрыт пляжным полотенцем. Сквозь него рельефно проступали человеческие черты. Гасконец сказал «оп-ля», стянул с портрета покрывало, и я услышал жуткий, душераздирающий крик. Богатей очнулся через десять минут совершенно другим человеком к радости партнеров по бизнесу и горю супруги. Выяснилось, что он больше не испытывал жгучего желания зарабатывать деньги. Если свобода зависит от денег, то это – не свобода. Зависимой свободы не бывает: «Буэнос тардэс, сеньор Демоньо! Ке та ля бида? Я ло сэ. Си, грасьяс, комо сьемпрэ».

Короче, богатей попался. Алчность и любопытство его сгубили. Ему хватило одного взгляда на портрет, чтобы излечиться от тяжкого недуга под названием «любовь к капиталу» и погрузиться в абсолютное

счастье общения с собой. Общение очищает. Чист наш сумасшедший, как младенец. И неважно теперь, что его ребячьи повадки раздражают горожан. Ему-то хорошо...

Мне кажется, что мистическая сила портрета была заключена не в том, вернее, не только в том, что он сотворен из минералов, собранных в культовых местах. «Портрет Босха» мог обрести силу только при одном условии: минералы должны были быть склеены в строгой последовательности, в единственно верном порядке, который я угадал. Обломок мраморного пола из мечети Хасана мог чередоваться только с гранитным околышем из храма Хошоп, камень трона Зевса – с ониксом в форме зуба из тайского храма Золотого Будды. И так далее...

Была удивительно тихая и безоблачная ночь. Небо, прошитое вечностью, казалось, загустело и стало плотным. Млечный путь разделял Вселенную на две равные бесконечности.

Они сидели на зыбком пяточке крошечного шарика по имени Земля.

– Сегодня чуть было не продал свое лучшее творенье. Хотя, по-моему, я уже это говорил. Хотите душевной свободы? Я могу показать вам лицо Босха. Портрет всегда при мне. Открыть? Да не бойтесь вы! Самый большой страх люди испытывают перед лицом смерти, сами того не ведая, что жизнь дана для того, чтобы научиться умирать. Вам, неприкаянному, бояться нечего. Для вас более позорно – отказаться от возможности глянуть в лицо Босха. Вы ведь, как я понимаю, давно не боитесь смерти...

Художник умел играть на слабости собеседника. Говорил он много и убедительно, хотя половина сказанного все же оставалась для Якова Мазо непонятной и скучной болтовней неудачника. Что ж, все грешат тем, что, создав малополезный продукт, пытаются «втюхать» его как уникальное творение.

Художник осторожно извлек из матерчатой сумки плотно обернутый полотенцем прямоугольный предмет высотой не более тридцати сантиметров и стал пристраивать его на черном песке. Движения его были неторопливы и выверены. Алкоголик и сумасшедший сидели поодаль не шелохнувшись. Их лица ничего не выражали: ни любопытства, ни страха, ни радости, ни сожаления. Наконец, соорудив из вулканического песка горку, художник прислонил к ней портрет.

– Открывать?

И, не дожидаясь ответа, одним движением стянул с портрета покрывало. Яков оглянулся на спутников художника. Они равнодушно продолжали взирать на Мазо.

Яков, глянув на портрет, улыбнулся:

– Какой же это портрет Босха? Это портрет Борхеса! Один к одному! Я даже могу предположить, с какой обложки какого тома ты его «лепил».

Яков Мазо мог легко объяснить, что случилось потом: это был обман зрения. Обман зрения – не чудо. Чудес не бывает. Но Борхес ухмыльнулся и подмигнул Якову. Мазо от неожиданности по-лошадиному сильно тряхнул головой. Лицо Борхеса, составленное из камушков, вышло за пределы деревянной красной рамки, глаза из кварцита вдруг ожили. Впервые Мазо пожалел, что невнимательно читал египетское евангелие и с насмешкой относился к тибетской «Книге Мертвых». Вооруженный суррогатными познаниями и пластмассовым мечом научного атеизма Яков лихорадочно подыскивал укромное местечко, куда можно было спрятаться и переждать ужас увиденного. Портрет подмигнул, и каменное лицо раскрылось в перспективе. За левым глазом Борхеса приветливо махал Якову рукой юноша, очень похожий на него самого. Был виден уголок светлеющего океана. Обзор закрывала скала – часть носа. Но картинка начала стремительно приближаться, и Мазо вдруг почувствовал, как юноша, больно ударив, пронесся прямо сквозь него. Получив долгожданный «пинок», Яков «выпал» из портрета на светлеющую твердь сырого пляжа.

Накрапывал дождь. Художник укладывал портрет в тряпичную сумку. Алкоголика и сумасшедшего Мазо не увидел.

Художник точно угадал мысли Якова:

– Они завтракают у сеньоры Моники Сабья в подвальчике магазина сувениров. Извини, тороплюсь.

– Я так много должен...

– Тебе проще надо относиться к увиденному. Стоит мне переставить один камешек в портрете, и это лицо превратится в мертвую кучу камней. Как ты думаешь, бог я или червь?

– Бла-бла-бла!..

– Зря ты иронизируешь. Камушки – те же диоды и триоды, построенные на материнской плате Гизы: каждый обладает мощным информационным полем. Мы немало знаем об оружии, которое изобрели против себя, назвав его компьютером. Мы ничего не знаем об искусственном разуме времен наших предков, выстроивших храмы. Незнакомец, нарисовавший мне схему портрета, я полагаю, был кем-то вроде мастера-наладчика из службы «Философский камень-Гарант». Он помог мне сконструировать этот ноутбук в виде портрета и научил нажимать кнопку запуска. А

дальше-то что?..

Художник перекинул через плечо сумку и собрался уходить.

«Никуда ты не денешься. Уходить с портретом тебе уже поздно. Пришло время отдать его в надежные руки», – подумал Мазо.

2

Вот, собственно, и все, что смог рассказать Яков Мазо о портрете Босха, сотворенном из минералов незначительным питерским художником.

Ни художника, ни алкоголика, ни сумасшедшего больше Мазо не видел. Утром он улетел charterным рейсом в Москву. Ему хватило впечатлений: чуть умом не тронулся от тех минутных видений.

Мы сидели в маленькой кухоньке его трехкомнатной квартиры и пили растворимый кофе. По моему первому впечатлению, он самонадеянно успокаивал себя, когда говорил, что чуть не тронулся умом. Признаки психического расстройства уже отчетливо проявлялись в его неожиданных и замысловатых высказываниях. Он будто забывал, о чем рассказывал минуту назад, и доверительно шептал, словно раскрывал мне жуткую вселенскую тайну:

– В первый день месяца Нисана по еврейскому календарю, в двадцать девятый день Фамелофа по египетскому, двадцать пятого марта по римскому календарю Бог создал Небо и Землю, Мрак и Воды, Дух и Свет и, поразившись величию содеянного, установил строгие границы для своих фантазий. И дал этому седьмому творению первого дня имя Сутки, то есть Время. Все последующие пятнадцать Его творений – это ни что иное, как кормовая база для Времени, включая вирусы интеллекта, которые как самая организованная сила стоят на вершине жизненной цепочки.

– Гасконца зовут Бенедикт Базье, – преврал я неожиданно Мазо.

Он уставился на меня, часто моргая, будто заново знакомился:

– Да, – неуверенно произнес Яков, – кажется, Бенедикт. Точно – Бенедикт. Да, определенно его звали Бенедиктом. Но откуда тебе это известно?

– А жену Бенедикта зовут Мартина. Она не француженка, она немка родом из Ганновера.

– Ты был с ними знаком? – предположил Мазо.

– Точно так же, как с тобой. Вы для меня – звенья одной цепи. Нужны подробности? Впервые я увидел Бенедикта в ресторане отеля «Дания Парк». Он с семьей занимал столик в правом дальнем углу зала рядом с кофейным автоматом.

Этот день растворился для меня в переговорах с местным владельцем двух супермаркетов. Курили легкие сигары, пили кофе, играли в кости. Андрей, мой напарник, уснул прямо в кресле, и я притворился, что не знаю языка, что попал в мир чужих, непривычных звуков, лишившись переводчика. Еще час владелец двух супермаркетов остервенело размахивал перед моим лицом, пытаясь в чем-то убедить.

В шестом часу вечера он разбудил Андрея, но Андрей отказался от ужина, сославшись на легкое недомогание. В общем, в семь вечера мы были с ним в отеле. А там – совершенно верно – поджидала нас с полицией мадам Мартина. Я дал полиции исчерпывающие показания, а напарник подтвердил, что с мсье Бенедиктом мы никогда ранее не были знакомы. Ближе к полуночи нас отпустили. Андрей кинулся утешать богатую вдову, а я по старинной русской традиции решил навестить Бенедикта, чтобы проститься.

В морге было пустынно и тихо. Я пролез в окно, хотя можно было свободно войти через дверь абсолютно незамеченным. Бенедикт лежал не в «пенале», а на разделочном столе, подготовленный к судебномедицинскому вскрытию. Что доброго и вечного сказать покойнику на прощание? Но сказать я не успел: рука Бенедикта дернулась, он открыл глаза и уставился на меня.

– Грасьяс, – сказал Бенедикт, – компредо кэасэр аора.

– Тебе к жене сейчас нельзя, – предупредил я, – там временно занято. Знаешь что? Ты прикройся и подожди немного здесь, а я схожу и все улажу.

Он не послушался, выскочив голышом в окно и тут же слившись с парковой зоной. Тихо было и страшно. Я очумело постоял еще минут пять, а потом направился в отель.

До конца командировки полиция нас больше не тревожила. Лишь однажды явился молодой человек – совсем наивный мальчишка даже по меркам испанской юриспруденции, – задал несколько бестолковых вопросов, занеся наши ответы в большую бухгалтерскую тетрадь.

С этим мальчиком я вновь встретился через полтора года. Я уже давно забыл о Бенедикте – столько изменений произошло в моей жизни. Андрей незаметно переехал жить куда-то в Европу, но дела без него шли так же плохо, как и с ним. А тут – мальчишка-полицейский, обнаруживший меня, командировочного, в кафе на Plaza del Charco.

Он заговорил со мной как со старым приятелем. Похвастался, что высоко взлетел по служебной лестнице, что хорошо провел

свое первое дело о краже марокканцами труп французского бизнесмена Бенедикта, что выучил несколько русских слов и выражений и что имеет должность в местной полиции, при которой может позволить себе заказать собственный портрет и повесить его на стену в рабочем кабинете рядом с портретом королевской семьи. Но что портрет ему нужен необычный: чтобы не тускнел, не выцветал на солнце и не трескался от влаги. Портрет на века! Например, из камня. В Пуэрто де ля Круз появился талантливый русский художник, которому он хотел бы заказать портрет. Но этот русский плохо понимает испанский, во всяком случае, избегает встреч.

– Какие русские слова ты выучил? – поинтересовался я.

– Давай, шевели помдорами! Сгною, мраз! Мостовой, цар, пас пинай! – красиво продекламировал мальчик.

– Ты теперь знаешь много больше, чем сами русские. Я тебе не помощник.

Но молодой карьерист по имени Алехандро дель Боска по-дружески намекнул, что имеет все основания посадить меня за решетку. У него есть свидетели, что три года назад я и мой друг Андрей сперва утопили сеньора Бенедикта, а затем, чтобы уничтожить улику, выкрали его труп. Таким образом русские бандиты через вдову убитого намеревались завладеть его имуществом. Что русской мафии, то есть нам, и удалось с успехом осуществить. Полиции также известно: сеньор Андрей Головкин, являясь сожителем сеньоры Мартины, в настоящее время завладел капиталом в несколько миллионов евро (он сказал «локоэуро»). Мне было приятно узнать от Алехандро дель Боска, что мой бывший напарник все же утешил подвернувшуюся вдову.

Я подчинился Алехандру, предвидя, что в Пуэрто де ля Круз мне придется бывать по делам еще не раз. Но потребовал у него ключи от квартиры, которую полиция обычно использовала в программе по защите свидетелей и которая пустовала. На следующий день Алехандро вручил мне ключи и свою фотокарточку, где он с сигарой в зубах стоял на фоне канарской пирамиды. Фото я, конечно, потерял почти сразу, как терял все, что заталкивал в набедренный карман джинсов. Два дня валялся на диване в «явочной» квартире, смотрел стыковые матчи чемпионата мира по футболу и проедал аванс.

Совесть разыграла на третий день, и я пошел на площадь искать художника. Их там, талантливых и с мольбертами, повылезало больше, чем дождевых червей после ливня. Я подходил и спрашивал:

– Добрый вечер! Не надоело рисовать унылые иностранные рожи?

Павел действительно прилетел из Питера. Школу в России он прошел замечательную и многими техниками живописи владел свободно.

– Портрет Босха? – удивился он. – Почему именно портрет Босха? Давай я тебе на заднице нарисую Ленина и Сталина?

– Мне из камней нужно.

– Из камней сложнее.

– Только из камней, таково условие. Но фото я потерял.

– Чье фото? Иеронима Антониссона ван Акена из Хертогенбоса?

– Так вот, он просил передать, что на днях посыльный принесет тебе камни, короче, материал, из которого ты слепишь портрет.

– А сам он не придет? По картинам я Босха помню только в профиль.

– А я тебе его анфас нарисую...

И нарисовал, как умел.

Я вручил художнику ключи от квартиры, поскольку мне надо было лететь на континент, и, памятуя, что деньги Алехандро пропиты и проедены, предупредил Павла, чтобы тот до моего приезда будущую картину никому не отдавал:

– Я отвечаю за нее головой, поскольку явлюсь официальным представителем заказчика и эксклюзивным дистрибьютором поставщика.

В Пуэрто де ля Круз мне удалось вернуться только через три месяца благодаря старому приятелю, напарнику и поделнику Андрею. Мне не терпелось разыскать «миллионера», чтобы, глядя в глаза, воззвать к его совести и попросить денег: «Ты же знаешь, Андрей, мне никогда не жилось хорошо, но так плохо мне еще никогда не жилось».

Я искал его на юго-западе Франции, а нашел на северо-востоке Испании в летней резиденции Всемирной ассоциации гомосексуалистов городке Сиджес. И Андрею там было теплее, и Мартине спокойнее.

Вид с веранды большого дома открывался на море. В саду множество гипсовых скульптур, две из которых были облачены в железные доспехи конкистадоров. Длинная аллея, по левую сторону которой красовался бассейн, упиралась в беленые стены домашней часовни.

– Зато из спальни «железки» не видно, – хвастался Андрей. – Грохот проходящих составов создает иллюзию партизанских боев в горах. Так и живу: смотрю на часовенку и вспоминаю рассказы деда о том, как он в войну вражеские поезда под откос пускал.

– Никто не забыт и ничто не забыто,

– вторил я, попивая сангрию, разбавленную апельсиновым соком. – Твой дед ненароком солдат Франко не обижал? Один молоденький потомок родом из Пуэрто и в высоком полицейском чине очень интересовался тобой. Может, мести хотел, может, справедливости.

– Денег он хотел, как и ты, Боря, – вяло отвечал Андрей. – Не такой уж он был молоденький – сорок два.

– Был?!

– Помнишь, Боря, тоннель сразу за границей Андорры? Стоимость проезда – восемь евро. Молодой решил сэкономить и поехал по горной дороге, узкой, как козлиная тропа – я вот, например, езжу строго по платным автомагистралям. Это с ним случилось полмесяца назад. А за два дня до автокатастрофы Алехандро дель Боска гостил здесь, у меня. Поэтому не напрягайся – свою версию о наших с тобой корыстных намерениях он озвучил.

– Провидение избавило меня платить Алехандру по долгам, – повеселев, резюмировал я.

– Случайность – это четко выверенная и грамотно созданная комбинация. Результат ее в данном случае осчастливил всех, кроме создателя комбинации. Больше двух счастливых случайностей кряду должны настораживать. Поверь, дель Боска не был простачком. Иначе до высоких чинов не дослужился бы. Непреднамеренные случайности в его работе исключаются. И если он заказал собственный портрет из минералов, то за этим кроется нечто важное. Кстати, Алехандро с первого дня знал, что Бенедикт жив. Следил за ним очень внимательно. Так-то, друг мой Боря. У тебя есть соображения, для чего дель Боска хотел использовать бывшего мужа Мартины?

– Нет, конечно!

– Вот и я не знаю...

Мартина оказалась мне счастливой женщиной. Выйдя к нам с полным подносом, она разом выпалила заученное:

– Спасибо, Борья, еще хочу, спи на мне, дети не слушай, не жалея, Андрэ очень меня, я очень Андрэ, любов до гробов, деньги – говно – деньги, любов – любов.

– Ну ты и Сухомлинский! – восторгался я Андреем. – Порадовал, ценю!

– Это она при тебе бессребреница. А уедешь, она выставит мне счет за каждую надкушенную галету.

– Как расплачиваешься?

– Известно как – в строгом соответствии с заученными ею русскими словами. Но пара бутиков испанской обуви и клуб элитных вин, открытый где-нибудь в Коми-Пермяцком округе, может быть, покроют затра-

ты на нежданного гостя...

Не буду подробно описывать, как мне пришлось отрабатывать надкусанные галеты, как я носился по северным поселкам нефтяников и убеждал чиновников местных администраций переобуть население в лучшую испанскую обувь и насильственно повысить уровень культуры питания. Неважный из меня получился экспедитор и переговорщик. Андрею надо было не кочевряжиться, не выдумывать комбинации по захвату российского рынка, а просто дать мне денег и отпустить с богом, освятив спину трехперстным крестом. Я вернулся в Пуэрто дель Круз сильно отравленным придорожными забегаловками и злым. Двери «явочной» квартиры мне открыл неизвестный.

– Это, разумеется, был сумасшедший бизнесмен, – прервал меня Яков Мазо. – Он не знает истинной истории. Я художника не убивал, я только слегка ударил его по затылку, чтобы забрать портрет. Мне казалось, что художник и сам этого хотел.

– И где же теперь мой заказ?

– У меня. Только... Портрет не работает почему-то. Думаю, потому, что не хватает фрагмента... Щеки. Видимо, впопыхах я не заметил, как один камушек отклеился. Или художник успел оторвать и припрятать его.

– Успел. Когда дель Гато или сумасшедший, как ты его называешь, обнаружил на пляже Павла, он сразу восстановил ход событий, тебя вычислил и недостающий камушек, зажатый в кулаке художника, нашел.

– Он у вас? Отдайте! Мне очень нужно! Это очень важно! Вы даже не представляете, как это важно!

– Уверен? А вот дель Гато, например, считает, что один недостающий камушек ничего не решит.

И я продемонстрировал Якову еще одно доказательство их коллективного помешательства – диктофонную запись, которую я сделал, прощаясь с сумасшедшим бизнесменом. Я долго не мог обнаружить логическую цепь в рассуждениях дель Гато. Он защищался от меня каким-то нагромождением испанских слов, степенно вышагивая по «явочной» квартире:

– Посмотрел мелодраму, прослушал грустную мелодию и расплакался – вот и подступила старость! Сделался сентиментальным. Больше вспоминаю, чем планирую. Впадаю в детство, поскольку с годами острее чувствую свою незащитность перед миром.

– Не такой уж ты сентиментальный, – успокаивал я, – если наглости хватило послать меня ко всем чертям!

– Я тебя боюсь, потому что сразу тебя уз-



Каталонская луна. Художник Владимир Бабушкин.

нал. Это твой портрет Павел сотворил из камней?

– Не уверен.

– Свидетельство находится в руках того русского, который ударил Павла камнем по голове. Мне можно верить, мои предки знатного рода. Только вера имеет значение и силу. Любовь рождает веру, а вера творит любовь, продлевает жизнь, прибавляет к большому малое и возвращает радость опечаленной душе. Вера – живительный источник, свет яркой звезды, указывающей путь заблудшему страннику. И надо идти!

– У тебя фантазии ортодоксального бенедиктинца, живущего в десятом веке.

– Ну и что? Какая разница? Когда мне было полтора года, я влез на подоконник и вывалился из окна третьего этажа, но в последнее мгновение меня за ногу поймала родная тетка. Она – не Бенедикт и не Иисус. Но ведь каким-то высшим силам надо было, чтобы я не выпал из окна?.. И теперь не только мне надо, чтобы я еще раз увидел портрет.

И он протянул мне камешек в виде крохотной пирамидки:

– Я сумасшедший, но я не дурак. И что-то во мне жаждет вновь притронуться к портрету. Пусть это будет стоить мне жизни. Мне очень надо! Мне очень, очень надо еще раз!..

Я выключил диктофон. Яков Мазо, до этого тревожно слушавший испанскую речь, бурлящую и быструю, точно река на горных перекатах, вдруг схватил меня за руку:

– Мне тоже очень надо! – спокойно и требовательно сказал он. – Я услышал, что вы забрали недостающий фрагмент.

– Да вы все с ума посходили, – рассердился я. – Что важного вы могли разглядеть в горстке камней?

– Этого не объяснишь. И не поймешь, пока сам на себе не испытаешь.

...Портрет довольно тяжелый. Он стоит у меня в квартире на книжном стеллаже – горка камешков, склеенных между собой в хаотичном порядке. И в этом видится главная мистерия. Если долго и пристально всматриваться, то возникает зудящее желание принести из гаража недостающий минерал, который я надежно спрятал, и прилепить его к щеке на портрете...



Галина ПРОНИНА

автор книги прозы «Самоволка»,
лауреат Всероссийского
литературного конкурса «Мастер»,
г. Ижевск

БУКЕТ

Рассказ

– Вер. Вера-а!

Гена смотрел на спину жены, радостно улыбаясь. Вера, склонившись над раковиной, сосредоточенно мыла посуду.

– Вера-а.

Голова жены чуть вздрогнула, спина начала выпрямляться, плечи приподнялись. Под пестрым ситцевым халатом было видно, как сомкнулись напряженные лопатки. Вера повернула голову в его сторону. Ее руки, с которых стекала обильная пена, повисли над раковиной. Гена сжал ладони и почувствовал укол в большом пальце, одновременно почему-то екнуло где-то в животе под ребрами.

– Гена? Ты чего, отработался уже? А что не позвонил? Мы только поужинали-и...

Гена жестом фокусника вынул из-за спины огромный букет роз и протянул жене.

– Это тебе!

– Мне?! Откуда?

– Купил. Что, я не могу жене цветы купить?

– Ой! – Вера машинально вытерла руки подолом халата и потянулась за цветами, не в силах оторвать от них замороженного взгляда. Букет выглядел шикарно. Голландские розы. На длинном темно-зеленом стебле упругие резные листочки без единого изъяна, вполовину раскрывшиеся бутоны изумительного алого цвета благоухали тонким ароматом свежести. Вера

обхватила букет обеими руками и прижала к груди. Сделав глубокий вдох, она зажмурилась и на секунду замерла. Когда она открыла глаза и посмотрела на Гену поверх цветов, тот даже оторопел на мгновение. Ему показалось, что перед ним стоит незнакомая женщина. Он не узнавал этих глаз, таких больших, влажно блестящих. Их выражение менялось как в калейдоскопе: удивление, радость, растерянность...

– Спаси-и-бо, – Вера приподнялась на цыпочках и чмокнула мужа в щеку. – Ген, я что-то забыла, да? – виновато спросила она. – У нас какая-то дата?

– Нет. Просто так. Решил сделать тебе приятное, – Гену распирало от удовольствия. Он почувствовал себя крутым бизнесменом или, по крайней мере, лихим гусаром. Ему даже захотелось пристукнуть пятками в полинявших носках.

Вера немного отстранила букет, окинув его оценивающим взглядом:

– Мама! – крикнула она громко. – Найди там какую-нибудь вазу.

– Да ищу уже, – послышался из комнаты голос тещи. – Откуда тут вазам-то взяться, господи-и.

Теща Галина Ивановна проживала в соседнем подъезде в однокомнатной квартире со старой кошкой Марыськой. Год назад, почти одновременно, от нее ушел очередной муж, и она вышла на пенсию, отчего жизнь

Гены и его семьи кардинально изменилась. Если раньше общение с тещей ограничивалось редкими чаепитиями по случаю дня рождения и восьмого марта, то теперь она практически сутками не покидала их квартиру. Появляться Галину Ивановну по месту прописки вынуждала кошка, которая в отсутствие хозяйки нещадно гадила по всем углам. Гена хоть и наотрез отказал Марыське в переселении к нему в дом, считал ее своим союзником. Он никогда не упустил случая угостить кошку запрещенным молоком, после чего к вонючим кучкам в прихожей тещи добавлялись еще и вонючие лужицы.

Среднего роста, сухоощавая, с мелкими чертами лица, Галина Ивановна все еще была довольно привлекательна. Всю сознательную жизнь она чем-то и кем-то руководила, поэтому имела на все свое безапелляционное мнение. Она сходу вмешивалась в любую дискуссию, подтверждая свою точку зрения бесчисленными фактами из собственной биографии и биографии многочисленных знакомых. В большом количестве это утомляло и даже раздражало окружающих, что, впрочем, совершенно ее не смущало. Случались романы. Тогда Галина Ивановна начинала больше времени уделять собственной персоне. Дело даже доходило до безумств в виде розового платья с воланами, которое Вере пришлось «нечаянно» прожечь утюгом.

Сейчас теща находилась в периоде глубокой депрессии. Об этом говорило все: ежедневное облачение в черные брюки с темной блузкой, полное отсутствие косметики на лице и скорбно поджатые губы. Она решила посвятить «остаток своих дней» младшей дочери Вере и ее семье, в частности, перевоспитанию «совершенно заброшенного» пятилетнего внука и, по мере возможности, «совершенно неотесанного» зятя.

Генина однокомнатная квартира, доставшаяся ему от бабушки, была в свое время расширена за счет размена тещиногo жилья. Поэтому просто выставить Галину Ивановну за дверь могло быть расценено, по меньшей мере, как неэтичный поступок. Однако и уклониться от воспитательного процесса в малогабаритной двушке не представлялось возможным. То, что раньше было привычным и никого не задевало, превращалось в ноющую занозу. Да, в ванной на кране перепутаны красная и синяя кнопки, а в холодильнике не горит лампочка. Но даже пятилетний Сережка знает: там, где синяя, – бежит горячая вода. Переставь – у ребенка ожог будет, а холодильник в темноте никто не открывает! Теща хотела шоковой терапии от холодной воды,

получила от горячей. Гена же в ее джакузи не залез ни разу, принципиально. Почему Вера лечит волосы остатками майонеза, а не специальным бальзамом? Почему восьмого марта всего лишь банальные тюльпаны, а вот сосед Кирилл своей жене... Да плевать хотел Гена на соседа Кирилла и его жену, честно говоря! Еще неизвестно, откуда у этого Кирилла такие деньги.

Сам Гена был аскетом, к изыскам не привык и не страдал от их отсутствия. Бабушка, с которой он жил лет с двенадцати, всегда говорила: «Где просто – там ангелов по сто, а где мудреного много, там нет ничего». У деда тоже было много присказок на этот счет, но в основном матерные.

Училище, армия, а потом сразу женитьба. Как увидел на пляже Веру, выходящую на берег из солнечных бликов, так и остолбенел. До сих пор жена снится ему в сиянии алмазных капелек, и в каждой капле – маленькое солнце.

Во избежание серьезного конфликта Гене пришлось пойти на жертвы. Объявление о том, что по вечерам он будет таксовать на их стареньком «жигуленке», теща восприняла как личную победу, результат ее педагогических и организаторских способностей.

Вера, работавшая на том же заводе, что и муж (она – экономистом, а Гена – наладчиком станков), идею пополнения семейного бюджета поначалу встретила с радостным визгом. Позже оказалось, что заработки таксистов не столь уж баснословны, как думают несведущие люди. Бесконечные платы диспетчерам, за ремонт машины и бензин, сожженный в «пробках», не оставляли надежды на быстрый переход среднестатистического дохода их семьи в разряд высоких. Теперь Вера видела мужа чаще всего наспех жующим на кухне или спящим. Выходные, праздники, которые раньше они любили отмечать в веселой компании друзей, тоже проходили без Гены, ведь именно эти дни сулили таксистам хорошие деньги.

– Вот, – Галина Ивановна показала в дверях кухни с запыленной трехлитровой банкой, – сполоснуть только надо.

– Мама! Да ты что! Такие розы в банку? – возмутилась Вера. – Они и не поместятся туда. Где наша большая коричневая ваза с блестками?

– Это ты у сыночка своего спроси, – Галина Ивановна, протиснувшись к раковине, начала отмывать банку. – Сереженька, где ваза с блестками?

Сережа уже несколько минут стоял на кухне между родителями и, задрав вверх голову, переводил взгляд с одного на другого. Огромный букет красивых цветов сов-

сем закрыл мамино лицо. Ему тоже хотелось обнять этот букет и зарыться в него с головой. Зачем бабушка вспомнила какую-то ерунду, когда всем так хорошо?

– Она сама разбилась, – Сережа надул губы и опустил голову. – Я только посмотреть хотел.

– «Сама»! В этом доме все такие самостоятельные, даже вазы. Сама разбилась, сама в кучку собралась и под ковер спряталась. Да, Сереженька?! – Галина Ивановна обернулась к внуку, натирая мыльной губкой банку так рьяно, что все с опаской ожидали услышать звон стекла. – Ты подними, подними голову. – Она вытерла руки полотенцем и наклонилась к Сережке, выставив перед ним указательный палец, строгий и прямой как восклицательный знак:

– Владимир Ильич Ленин! Вождь мирового пролетариата, между прочим! И, между прочим, в твоём вот возрасте разбил в гостях кувшинчик, так промучился бедный всю ночь и признался, – она выпрямилась и снова принялась за банку. – Но в нашем мальчишке не воспитали ни чувства вины, ни раскаянья, ни ответственности. Вот, пожалуйста вам, новая ваза.

Теща поставила на стол сияющую чистотой банку.

– Серый, ну ты чего? – Гена приподнял за подбородок голову сына. – Когда успел-то?

– Давно уже, – Сережа махнул рукой как можно беззаботней: ясно, что папа на него не сильно сердится. Это бабушка говорит много непонятных слов и еще ругается, если он переспрашивает.

– Пап, а это кому? Это у кого? – сын дергал Гену за джинсы, показывая на букет.

– Не у кого, а чьи. Это я подарил нашей маме цветы.

– А почему?

– Ну-у. Настоящие мужчины должны дарить женщинам цветы.

– Ха. Ха. Ха, – произнесла теща раздельно и с нажимом, скрестив при этом руки на груди.

– Мама! Ну перестань, пожалуйста, – Вере хотелось разрядить нарастающее напряжение. – Что с тобой сегодня?

Галина Ивановна передернула плечиками, налила воды в банку и начала ставить в нее розы. Она брала из рук дочери по цветку, придирчиво осматривая каждый.

– Со мной? Ничего. Прекрати меня одергивать. Если мне не изменяет память, а она мне еще ни разу не изменяла, то последними цветами в этом доме были недоразвитые зародыши тюльпанов на восьмое марта для тебя и засушенная мимоза для меня.

Вера бросила быстрый взгляд на мужа. Тот незаметно вздохнул, опустил голову и,

медленно раскачиваясь с носка на пятку, скучным голосом произнес:

– Вы что ли обиделись, мама? Так я же эти цветы для вас обеих купил. Вера вон налетела, схватила все в охапку...

– Угу, – теща картинно развела ладонями. – Я, наверно, должна была воскликнуть: какая прелесть! Собачья чушь! Конечно, ты не думал обо мне, Геночка, но я не обижаюсь. Запомни, обижаются только зависимые люди, а это не мой случай. Я сама кого хочешь могу обидеть.

Она с усилием выдернула из букета розу:

– Вера, что ты в самом деле в них вцепилась?! Так радуешься, будто слаще пряника ничего в жизни не видела.

Вера с удивлением смотрела на мать, не понимая причины такого раздражения. Гена, засунув руки в карманы, внимательно рассматривал потолок. Сережка тотчас перенял позу отца и старательно задирает голову, стараясь не упасть от усердия.

– Так, сюда вошло пятнадцать, и еще осталось... – Галина Ивановна деловито тыкала пальцем перед носом дочери, – осталось семнадцать, три из них сломаны. Какое странное число – тридцать две. Вам не кажется? Вере намного меньше, мне немного больше...

Вера вытаскивала из букета розы со сломленными головками:

– Ой, как жалко. Гена, как уж ты так?

– Не знаю. Не проверил...

– Вера! О чем ты говоришь? – Теща придерживала банку, которая грозила перевернуться. – Сотней больше, сотней меньше: чужие деньги считать неприлично.

Все смотрели на трехлитровую банку, из которой нелепо торчали слишком высокие розы.

– Может, в ведро их поставить или подрезать наполовину? – устало проговорила Вера. Ей не хотелось конфликта. Главное, поскорее развести по разным углам маму и мужа.

Галина Ивановна сделала возмущенное лицо:

– Что ты, Вера! Заплатить такие деньги – и подрезать наполовину. Вообще, чтобы розы сохранить подольше, их кладут в ванну с холодной водой.

– Вот еще! Я все время должна сидеть в ванной, чтобы ими любоваться? Надо букет в нашей комнате поставить. Да, Гена?

Гена обреченно махнул рукой:

– Ставьте, куда хотите. Я устал как собака. Спать хочу.

– Ну, доченька, если уж выбирать место, где ты находишься все время, так это кухня.

Все произвольно обвели взглядом их четырехметровую кухню, ремонт которой

откладывался уже не раз до лучших времен. Покрашенная голубой краской стена обтерлась на уровне спин, окно с узким подоконником, с потолка свисала стоваттная лампочка, вкрученная в черный патрон. Стоя сейчас вчетвером, они занимали почти все свободное пространство между газовой плитой, небольшим столом и холодильником. Когда семья ужинала вместе, чего уже давно не случалось, высокий и широкоплечий Гена садился в угол первым и придвигал стол на себя, чтобы остальные могли как-то разместиться.

Галина Ивановна покачала головой:

– Да, Верочка, твой «будуар» даже цветами украсить трудно. А почему? – она наклонилась к внуку. – Потому что наша мама не женщина, а посудомоечная ...

– Маффына! – радостно подхватил Сережка, он не дружил с шипящими.

– Правильно, малыш. Машина!

У Гены даже челюсти свело:

– Египетская сила! Мама! Ну почему вам никогда ничего не нравится?! Что же вы во все вмешиваетесь?!

– Гена, не разговаривай так с мамой! Как тебе не стыдно?!

– Ах, вот оно как! Значит, я вмешиваюсь?! – теща даже задохнулась от возмущения. – Ну, Гена, спасибо! Я твоего сына забираю из садика. Я помогаю твоей жене, которая одна тут скребется. Тебя же никогда нет дома!

– Да, меня нет. Потому, что я сутками работаю. С одной работы – на другую.

– А где деньги, Геночка? Где результат твоих героических усилий? – Галина Ивановна, продолжая одной рукой придерживать банку, второй ткнула вверх: – Вот! Второй год, как переехали, а ты паршивенький светильник купить не можешь. В мое время самыми богатыми людьми были директора заводов и таксисты. Может, ты просто так катаешься по городу? Или на других много тратишь, а?

Гену передернуло:

– Ну, знаете... Я не собираюсь отчитываться перед вами!

– Да-а-а? А вчера отчитывался. Помнишь?

Вера, не в силах остановить эту ужасную перепалку, вдруг встрепенулась:

– А что вчера было?

– Вчера – извини уж меня, Гена, – твой муж занял у меня денег на кредит. По секрету от тебя. Трудности у него с финансами были на вчерашний день. А сегодня, видишь, какой сюрприз: целых, почти целых, тридцать две розы. Шикуюем!

Вера испуганно раскрыла глаза:

– Гена-а, ты не заплатил по кредиту?!

– Да заплатил я все, – муж досадливо махнул рукой, – а от вас, мама, я такого не ожидал. Сказал же, в субботу заработаю и верну.

– Как, в субботу? – Вера обиженно скривила рот. – В субботу мы хотели покупать мне туфли. Забыл? Вот так всегда...

Из груди Гены вырвался стон, переходящий в рычание:

– О-о-о! Ничего я не забыл. Ни-че-го я не забыл!

– Ты чего кричишь?! – одновременно выдохнули обе женщины.

Галина Ивановна едва успела подхватить выскользнувшую банку с цветами. Вода выплеснулась на пол, образовав огромную лужу.

– Ну все, с меня хватит! – Вера сунула мужу остаток букета и кинулась к мойке в поисках тряпки. Все замолчали и расступились. Гена в мокрых носках, прижимая цветы к груди, пятился к двери. Теща испепеляла его взглядом. Вера, что-то мыча сквозь зубы, собирала тряпкой воду и отжимала ее в ведро.

– Пап. Это упало. Я наффо. Пап! – Сережка поднял с пола розовую ленточку, которой был перевязан букет.

Вера выпрямилась с тряпкой в руке и строго посмотрела на сына:

– Ты чего здесь делаешь? Времени одиннадцать часов, быстро спать!

– Да, Серый, чего тут уши греешь? Смотри, красные уже. Иди к себе, – Гена подбородком показал на дверь.

Сережка пощупал свои уши, выдвинул вперед нижнюю губу, готовый расплакаться:

– Не кричите на меня! Я им наффо, а они кричат, – он протянул матери ленточку и нехотя пошел в свою комнату. На ленточке висела крохотная открытка в виде розового сердечка. Вера, не выпуская тряпку, одной рукой раскрыла лаковые створки и прочитала вслух:

– Кошка, я тебя люблю. Т.

Она молча уставилась на мужа. Гена с немалым удивлением смотрел ей в глаза. Слова застряли у него в горле. Мысли стали носиться в таком количестве и с такой скоростью, что это можно было наблюдать в его широко открытых глазах.

– Ну-ка, ну-ка, – теща, не обращая внимания на немую сцену, выхватила открыточку и стала внимательно изучать. На розовом сердечке золотой вязью было напечатано «Я тебя люблю!», выше – надпись синей пастой печатными кривыми буквами «Кошка», ниже – печатная буква Т.

– Что ты, Вера, на него воззрилась? Видишь, он онемел. Все просто, даже очень просто. Лично у меня два варианта. Первый.

Гена изменил твое прежнее ласковое прозвище «мать» на новое. Теперь, видимо, он будет звать тебя кошкой, хотя общепринято, насколько я помню, – киска. А чтобы заинтриговать тебя, он подписался не «твой муж Геннадий Трофимов», а только буквой Т.

Видя, что никто ей не возражает, Галина Ивановна наслаждалась возможностью блеснуть красноречием:

– Второй вариант. Все-таки существует некая пока неизвестная нам Кошка. Наверно, ей года тридцать два, но зато имеет свой бизнес. Или наоборот: не имеет ничего, кроме круглой попки и длинных тонких ножек. Гена сегодня ей чем-то не угодил, она обломала об него розы и выставила за дверь. Поэтому наш муж пришел домой раньше обычного с нетипичным для него, а, вернее, для нас букетом, – теща была в ударе, ощущая себя, по меньшей мере, мисс Марпл.

Вера все еще, не отрываясь, смотрела на мужа. Лицо ее бледнело с каждой фразой матери, в глазах появились слезы.

– Это правда, Гена? Это правда?! У тебя есть другая?!

– Вер, да ты чо, дура что ли?! Что ты слушаешь какой-то бред? Все было не так... – Гена от волнения с трудом подбирал слова.

– А как было? Скажи, – Вера говорила, почти не размыкая губ.

– Да никак! Пошел, купил, тебе принес. Чего они там навязали, навертели, – не знаю. Может, взяли, что под руку попало. – У Гены вдруг мелькнула гениальная мысль. Он, мгновенно овладев собой, деловито протянул руку к теще:

– Что вы там так долго разглядываете? Дайте мне.

Галина Ивановна быстро спрятала руку с открыткой за спину. Гена нетерпеливо тряс ладонью перед ее лицом:

– Почерк. Почерк-то посмотрите. Я же говорю, что ничего не писал.

– Там, Геночка, печатными буквами накарякано. А в каком, говоришь, магазине ты покупал эти розы? Это же элементарно проверить. – Теща изобразила на лице милую улыбку.

– Э-э-э. В каком... – замялся зять и вдруг взорвался:

– Вы что, обалдели совсем?! Устройте еще очную ставку с перекрестным допросом. Вер, ты что, не веришь мне?!

Голос тещи окончательно отвердел:

– Не надо кричать! Я понимаю, лучшая защита – это нападение, но тут пугливых нет. Что мешает нам сесть в машину и поехать в этот магазин прямо сейчас? По горячим, так сказать, следам. Все сразу и выясним.

Вера стояла с тряпкой в руке, совершенно потрясенная разворотом событий:

– Я тоже хочу поехать с мамой в этот магазин. Сейчас же! Слышишь ты?! Сейчас же!

– Ах, так! Знаете что... – Гена переминался в мокрых носках, не зная, куда деть розы. Потом, отодвинув жену, сунул цветы отпрянувшей в испуге теще: – Вы хорошо спелись. Совет вам да любовь! Вот и живите здесь без меня. Достали вы меня обе! Домой идти неохота, – Гена резко развернулся и вышел из кухни. В коридоре сунул ноги в растоптанные туфли и выскочил на лестничную площадку, так хлопнув входной дверью, что с потолка посыпалась штукатурка.

Вера в то же мгновение сорвалась с места. Она сгребла в охапку все розы и босиком выбежала за дверь. Муж стоял у лифта и беспрерывно нажимал на кнопку. Лифт все не шел.

– Гена! Как ты мог?! Ты все это время мне врал? Боже, а я верила!

– Думай, как тебе удобно, – муж отвернулся и ударил кулаком по дверце кабинки.

– Удобно? Ты сказал, удобно? – Вера швырнула розы на пол. – Вот так мне удобно. Забирай свой подарок и неси этой драмой Кошке! – Одной рукой она продолжала крепко сжимать тряпку.

– А ты иди и целуйся со своей мамашей!

– Какая же ты скотина! Ненавижу!

– А ты – дура!

Двери лифта раскрылись. Гена заскочил в кабину. Вслед ему полетела половая тряпка. Она шлепнулась о дверцу лифта и медленно сползла вниз. Постояв несколько секунд в наступившей тишине, Вера повернулась и вошла в квартиру. Ее душили рыдания. Галина Ивановна обняла дочь за плечи и, глядя по голове, повела на кухню:

– Ну-ну. Умница моя, красавица. Успокойся. Нашла, о ком плакать. Вон у Ивановых дочь разошлась...

Вера дернула головой. Галина Ивановна недовольно отвела руку:

– Что, опять не согласна? Не слушаешь мать. Говорила я тебе, что он слишком красив, чтоб работать в такси. Это ты ж сама козла в огород отпустила. Нужны деньги, пусть подрабатывает в кочегарке какой-нибудь. Пусть чумазый ходит, меньше заглядываться будут, – она глубоко вздохнула. – Надо было ему получать образование, работу нормальную иметь с приличной зарплатой, а не жениться с голым задом. Вон у Зои дочь вышла...

– Мм-ама-а! Ппереста-ань! – Вера закрыла лицо ладонями, между пальцами текли слезы.

– Ты перестань. Не реветь надо было перед ним, а хохотать вслед. Пусть катит-



Букеты для А. Художник Наталья Вострокнутова.

ся, не унижайся!

Мать села за стол напротив. Вера вскинула голову:

– Ты уже нахохоталась. Теперь не знаешь, куда себя деть. Хочешь, чтобы я тоже одна осталась?

У Галины Ивановны перехватило дыхание от такой черной неблагодарности:

– Это ты мне говоришь?! После того, что я для тебя сделала?!

– Мама! – Дочь молитвенно сложила ладони. – Вы оба сведете меня с ума. Я между вами – как между двумя огнями. Я тебя очень люблю и уважаю, но даже когда ты молчишь, я чувствую твое недовольство. Я так больше не могу...

– Другими словами, я здесь лишняя, – мать медленно поднялась со стула. – Не ожидала от любимой дочери такого удара в спину. Вместо поддержки в трудную минуту меня же еще и обвинили во всем. Что ж, живи, как знаешь!

Галина Ивановна торжественным шагом вышла в коридор. Надевая туфли, она медлила в ожидании, что ее окликнут и извинятся, но Вера рыдала на кухне, уронив голову на руки. В глазах матери тоже закипели слезы. Она с силой хлопнула входной дверью. С потолка на линолеум, кружась, опускались белые чешуйки штукатурки.

Гена сидел в машине напротив своего подъезда. Было немного прохладно и по-осеннему тихо. Начало сентября, бабье лето. Слабый сквознячок шевелил на дорожках первые опавшие листья. В доме одно за другим гасли окна. Вокруг единственного фонаря, освещавшего облезлый грибок над песочницей, сгущалась тьма. В ботинках было сыро и неприятно, на душе – паршиво. Такая крупная ссора у них с Верой случилась впервые. Гене казалось, что внутри у него перетянули все гайки и сейчас что-то должно лопнуть от перенапряжения.

Звонко хлопнула дверь. Гена подался вперед. Из их подъезда вышла Галина Ивановна. Она оглянулась по сторонам, вытерла ладонью щеки и направилась к своей двери.

«Египетская сила, – мелькнуло в голове, – она же слезы вытирает, а еще говорила, что каждый культурный человек должен при себе иметь носовой платок. «Педагог» хренов! Вот и ты, тещенька, попала под раздачу. Неужели Верка щелкнула ей по носу? А, может, обо мне ревет, жалеет разрушенную семью? Черт их разберет, этих баб: так не ладно и так...».

Гена посмотрел на часы: половина двенадцатого. Работать уже не хотелось, домой идти – тем более, а завтра утром на завод.

«Надо же, – подумал он, – за час с небольшим вся жизнь под откос пошла. А все почему? На чужом горбу в рай захотел въехать... Надо было Верке все рассказать, а лучше выкинуть этот букет...».

Два часа назад Гена посадил в машину клиентов. Парочка ехала от ресторана немного навеселе. Гена особого внимания на них не обращал: назвали адрес – и вези. Это раньше, когда только начал таксовать, разглядывал пассажиров с интересом, а кого и с опаской. Мужчина говорил с южным акцентом и пытался, видимо, целовать спутницу:

– Ты моя кошка! – все время повторял он и урчал, изображая, наверно, тигра.

Женщина была явно моложе его, а, может, просто хорошо выглядела. Она закрывалась огромным букетом роз, не переставая, смеялась и пицала деланно детским голоском:

– А я не хочу быть кошкой. Я хочу быть зайкой. Тофик, я хочу быть белой зайкой...

Мужчина вышел у гостиницы. Он сразу щедро расплатился с Геной за подругу, пригрозив, что достанет со дна морского, если с ее головы упадет хоть один волос. Гене ее волосы были совершенно до фени, он молча поехал по названному адресу. Когда до места оставался квартал, сзади послышалось: «Здесь останови».

Гена даже вздрогнул, ему показалось, что в машине появилась еще одна женщина. Голос с нагловатыми нотками звучал совершенно обыкновенно. Он вопросительно взглянул в зеркало заднего вида. Пассажирка махала ладонью, как будто сажала самолет на полосу:

– Чего уставился? Тормози, сказала, – она оставила огромный букет роз на заднем сидении, подхватила сумку и пересела вперед. – Тебе забашляли? Вот и постой немного, отдохни.

Молодая женщина оказалась симпатичной блондинкой. Нисколько не смущаясь, она разложила на коленях содержимое своей косметички: какие-то флаконы, тампоны, салфетки. Быстро и ловко смачивая салфетки из разных пузырьков, стерла тушь с ресниц, помаду с губ, провела по лицу, шее и груди. И использованные салфетки она выбрасывала в открытое окно.

– Чего смотришь? Жена так не делает?

– Дура что ли?

– Ну, раз не делает, значит, дура. А что она делает, пока ты тут бабло собираешь?

– Меня ждет.

Блондинка коротко хохотнула, закинув голову назад:

– Ну-ну. Блажен, кто верует...

Она сняла туфли на каблуках, засунула их в сумку, надела другие, похожие на тапочки. Сняла сережки, полюбовалась ими на вытянутой ладони и завернула в носовой платочек. Когда длинные волосы были закручены в култышку на затылке, Гена с удивлением отметил про себя, что пассажирка изменилась до неузнаваемости. Та взглянула на его обескураженное лицо и усмехнулась:

– Закрой рот, замерзнешь! Пока. Я тут сама дойду.

Женщина вышла из машины. Хлопнув дверцей, она вдруг сгорбилась, скрючила руки и пошла, приволакивая ногу. Потом оглянулась, засмеялась и, помахав рукой, бодро зашагала вперед. Гена провожал ее взглядом и вдруг вспомнил о цветах. Высунувшись из окна, он закричал:

– Эй! Э-эй.. Гражданочка!

Блондинка вернулась. Облокотившись на дверцу машины, засунула голову в салон:

– Чего орешь?! Гражда-а-ночка. Народным заседателем, что ли, работал?

– Ты розы забыла.

– Не забыла я. Дарю!

Гена замотал головой:

– Не надо. Забирай! Мне еще работать. Куда я пассажиров посажу?

– Ты что, тупой? Щас! Пришла жена от больной мамы, принесла цветов и горшочек масла. Бери, жене подаришь, – женщина выпрямилась, собираясь уходить.

– Вот стерва! – вырвалось у Гены. Он уже потянулся к ручке, чтобы поднять стекло, но дверца резко распахнулась.

– Сам козел! Понял?! – зло крикнула блондинка. – Миллион ставлю, что ни разу жене цветов не дарил. Деньги, деньги! Успеешь заработать. – Она хлопнула дверцей и пошла. Через два шага обернулась и с усмешкой добавила:

– Любить надо жену, а то ведь надоест ждать одной-то...

Становилось все холоднее. Фонарь во дворе вдруг погас: то ли сам собой, то ли рачительный жилец выключил. Гена завел машину и включил печку. Через минуту на первом и втором этажах зажегся свет. Он знал этих бдительных пенсионеров, у которых бессонница отступала только днем. Тогда они могли спокойно спать под стук трамваев и рев моторов во дворе. Сейчас открываются окна, и он услышит о себе многое, чего еще не знал. А в конце – обязательное: «Сталина на вас нет!». Не дожидаясь выступления дуэта, он решил поехать в центр, где обычно тусуются таксисты.

Напротив стоянки такси на пяточке, где допоздна шла торговля всякой всячиной с

садов и огородов, одиноко сидела старушка. Гена молча послушал байки мужиков про тупых пассажиров – лучше не стало. Он послонялся вокруг машины, постучал носком ботинок по колесам и направился к старушке. Та была экипирована на все случаи жизни: поверх старого пальто натянут прозрачный дождевик с капюшоном, на ногах поношенные мужские ботинки на меху, голова повязана шерстяным платком. Женщина сидела на перевернутом ящике, перед ней стоял бидон с единственным букетиком красных гладиолусов. Услышав звук приближающихся шагов, она подняла склоненную голову. Впалый рот растянулся в приветливой улыбке, а щечки стали похожи на два круглых яблочка:

– Возьмите цветочков. Последний остался, вас дожидался. Жене подарите.

Гена невесело усмехнулся:

– Не поверишь, мать, розы сегодня ей подарил, а она меня из дома выгнала.

– Вся-а-кое бывает. Не переживай. Вот возьми моих и езжай, повинись. Пра слово, пустит.

– Сама-то чего домой не идешь? Ночь ведь.

– Сын обещался забрать, а все нету. Выпил, поди, да и забыл. Пьет он у меня, – беззлочно махнула рукой.

– Давай доведу. Далеко живешь?

Оказалось, что бабушка живет в его районе. По пустому ночному городу поездка заняла пятнадцать минут. Пассажирка без умолку рассказывала про непутевого сына, разглядывая нарядные неоновые вывески, мелькавшие за окном. Рассыпаясь в благодарностях, она все-таки насильно вручила Гене гладиолусы, побожившись, что они принесут удачу.

В квартире Трофимовых стояла тревожная тишина. Тревожность добавляли всхлипывания Веры. Она так и сидела за кухонным столом, положив голову на руки. Открывая опухшие от слез глаза, она некоторое время смотрела в окно на черное ночное небо, потом снова зажмуривалась.

Серезжка не мог заснуть. Он не понимал: что же случилось?.. Все были такие радостные и вдруг рассорились. Наверно, мама не захотела быть посудомоечной ма-

шиной. Он на цыпочках вышел в коридор, постоял у кухонной двери, но зайти не решился. Серезжке очень хотелось обнять маму, погладить ее по голове, чтоб она тоже прижала его к себе крепко-крепко. Но если мама увидит, что он не спит, наверно, сильно разозлится.

Входная дверь была не захлопнута до конца. Серезжка подошел и посмотрел в щелку. С лестничной площадки тянуло холодком и неприятным запахом. Папа говорит, что так в подъезде пахнут кошками. Серезжа чуть приоткрыл дверь. Перед лифтом на полу лежали розы. Он хотел выбежать и собрать цветы, но тут приехал лифт. Из него вышел сосед дядя Игорь, отец Сашки Токарева. Сашка большой, он уже учится в школе и обзывает Серезжку мелким. Дядя Игорь запнулся о тряпку и чуть не упал. Смешно выставив руки в стороны, он громко сказал сам себе:

– Стоять, Зорька!

Потом он увидел розы, посмотрел вокруг и сказал нехорошие слова, которые нельзя повторять, если не хочешь заработать в лоб. Дядя Игорь долго стоял, покачиваясь вперед и назад, затем присел и начал собирать цветы. Перевязал их розовой ленточкой, которая валялась тут же, и позвонил в свою дверь. Он долго звонил, а потом ему открыла тетя Наташа и громко сказала: «Вау!».

Серезжка так и задремал на полу у входной двери, завернувшись в мамину кофту. В полусне он услышал папин голос:

– Серый, ты чего здесь моржуешь? Ноги-то холодные какие...

Папа поднял его на руки и понес. Серезжка обнял его за шею.

– Пап, а дядя Игорь забрал мамины цветы и отдал тете Наташе. И ленточку тоже. Помнишь, я наффо!

– Ну и флаг им в руки. Пусть тоже повеселятся.

Серезжка широко и сладко зевнул. Папа был уже не сердитый, внутри стало тепло и спокойно. Они говорили шепотом:

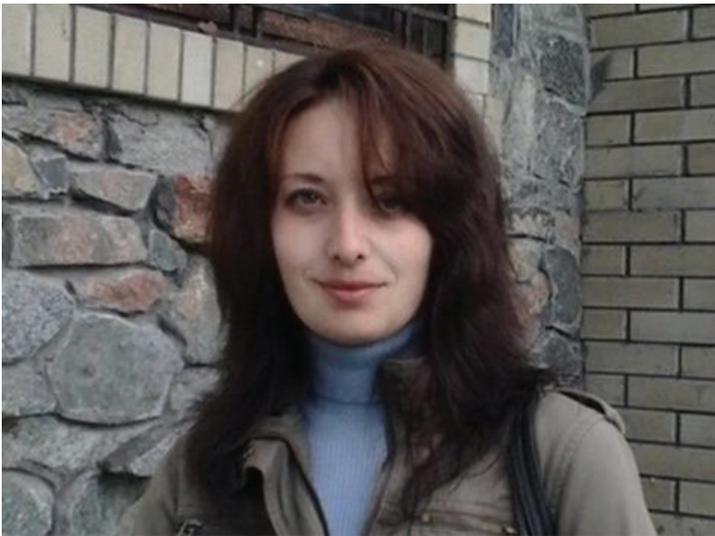
– Ага-а, жа-а-лко...

– Не жалеи. Я маме другие цветы привез.

– Покажи.

– Завтра увидишь. Спи.

Удмуртский республиканский музей изобразительных искусств работает с 10.00 до 18.00 по вторникам, средам и пятницам и с 10.00 до 20.00 по четвергам. Часы работы музея по субботним дням – с 10.00 до 17.00. Воскресенье и понедельник – выходные дни. Телефон экскурсионного отдела – (3412) 43-17-85, отдел фондов – (3412) 43-33-57. Посещение музея студентами – бесплатно.



Тони РОНБЕРГ

филолог, переводчик с греческого,
лауреат Всеукраинского конкурса
романов и киносценариев
«Коронация слова»,
г. Харьков

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

АРГЕНТИНА

Она продала дом и всем сказала, что уезжает с детьми в Аргентину. Соседи искали на карте, возмущались:

– С ума сошла детей за океан тащить!

И никто не знал, что такая нелепая фантазия стала следствием невеселых событий: покойный муж Веры пытался пробиться в наркобизнес, но конкуренты, разумеется, не позволили, убили, а долг покойного повесили на вдову. Чтобы отдать долг, ей пришлось продать дом и бежать с детьми в деревню в поисках самого дешевого крова. Конечно, не пропала. Познакомилась с каким-то местным, поженились. Потом старшая дочь вернулась в город – выучилась на парикмахера и вышла замуж. Выросли и выучились и шепелявые малыши. Но никто из соседей ни разу не встретил их в городе – спустя два десятка лет были уверены, что те живут в сказочной заокеанской Аргентине, и обсуждали с прежним недоумением:

– С ума сошла, вдруг продала все и уехала, детей за океан потащила.

ТОТ ГОРОД

В том городе до сих пор все живы.

Если подружки сообщают матери по телефону о чьей-то смерти (а звонят они только за этим), мы не можем поверить. Я уехала из родного города раньше матери, поэтому для меня картина прошлого – это картина моего детства, когда еще живы и моя бабушка, и прабабушка моей подружки Светки, и дедушка Свирид, и две старушки-сестры Глезихи, и Субботник, и Немой, и Квартальная, и Насильник. Я никогда не знала

их настоящих имен и фамилий, а уличные прозвища казались мне таинственными наименованиями полумифических персонажей. Я и уехала именно из того полумифического города, в котором еще не были срублены высокие деревья, а дома не были распроданы за бесценок новым хозяевам.

Только боль в том городе была настоящей. Помню, как по пути домой мы с бабушкой останавливались под высоченной дикой грушей, как тяжело бабушка опускалась на скамейку и говорила:

– Болят ноги. Кажется, ничего серьезно, не сердце же, но так болят...

Помню, как на кухне она наступала на вездесущих котят, все они потом хромали, а бабушка – совсем еще не старая женщина (как я сейчас понимаю), едва за шестьдесят – с трудом переставляла непослушные ноги.

Жалко было котят, жалко ее, постепенно боли прибавлялось и в девяностые стало слишком много.

Сейчас так же болят ноги у моей матери, но в нашем новом доме нет котят, которые могли бы пострадать от этого.

А в том городе все живы – бабушка, наши соседи, котятка.

ПОЕЗДА

Я много лет прожила в городе у моря, но моря не видела: училась, потом работала. Неудивительно, что много лет спустя в другом городе при покупке дома в суете и вынужденной спешке никто из нас не обратил внимания на железную дорогу. Соседи тоже не предостерегли: были озабочены совсем другими проблемами и до сих пор

ведут земельные войны, которые никак не увенчаются переносом оград и заборов на желаемое место.

– Ты на вокзале?

Закрываю одно ухо рукой, а второе вжимаю в мобильный.

– Уезжаешь? А у нас заказ срочный, – на силу разбираю сквозь грохот.

– Нет-нет, я дома.

Мама говорит, что так было у нее в детстве. Бабушка, переодевая, ставила ее перед собой на стол как куклу. И мама видела из окна поезда, которые с лязганьем неслись мимо их дома.

Но этого просто не могло быть! Они никогда не жили около железной дороги, и, значит, маленькой девочкой она видела из окна свою старость.

Теперь и меня это мучает во сне – ожидание старости на новом месте и тяжелые железнодорожные составы, несущиеся с грохотом днем и ночью.

Просыпаешься, а это явь...

МОЯМА

А упрекнуть-то меня и не в чем: нет ни мужа-алкоголика, ни детей-хулиганов. Зарабатываю самостоятельно, трачу не на наркотики, а на ремонт. Но все равно находит что-то, и долбит, и долбит в одну точку – до слез, а лучше – до крови, до припадка, от которого затихает внутри сердце.

Еще бабушка меня предупреждала: «Не доверяй ей ничего. Как бы ни было тяжело, ничего ей не рассказывай, проси помощи у чужих людей. Иначе она тебе сто раз припомнит. Когда сама забудешь, она не забудет». И клала ладонь поверх моей – сейчас это снится ноющими, протяжными, но такими теплыми снами.

А воспоминания уже обкатанные, как галька, гладкие, стерильные – не придерешься, не зацепишься. Но все равно цепляется.

– Нужно было тебе с Саней остаться – звонить каждый день и просить его вернуться. Но ты же гордая!

Я молчу.

– А теперь сидишь в интернете с уродами, которые то ли мужики, то ли бабы!

Я молчу.

– И старая ты какая стала. Я в тридцать четыре была еще совсем девочка!

Плачу молча.

НЕ ВХОДИ

И не входи ко мне больше никогда! Я буду жить в своей комнате и умру в своей комнате, а ты не входи.

Буду жить, как жила на всех семнадцати съемных квартирах у чокнутых хозяек, ко-

торые подсматривали за мной в замочную скважину и упрекали тем, что я не такая, как их внуки.

И не входи ко мне – говорить нам не о чем, а от разговоров ни о чем больно.

И перед смертью я не тебе передам пароль от своей рабочей почты, а виртуальной подруге, которую не видела ни разу в жизни.

И хорошо, что я не завела собаку. Что бы она делала в запертой комнате после моей смерти, наедине с трупом? Может, ела бы мое лицо. Содрала бы кожу, и ты бы тогда убедилась, что я все-таки царевна. Потом, когда вошла бы...

ГЕОГРАФИЯ

Ну да, била.

«Била» даже слабо сказано. Лупила учеников указкой по голове, таскала за уши, толкала на пол на колени, бросала в лицо тряпку, перепачканную мелом, отрывала рукава от школьных пиджаков.

Дразнили географичку Роботом. Была она среднего роста, плотной, с квадратной головой и прической ежиком – квадратным таким ежиком.

Разве география серьезный предмет? Но все боялись ее больше алгебры: Робот могла ударить даже отличницу. Наверное, директор знал об этом. Когда он просыпался в кочегарке с кочегарами в угаре и перегаре, может, он вспоминал, что с географией в школе дела обстоят не очень хорошо. Но фактически всем распоряжалась завуч Смерть, подружка Робота.

На географии было очень тихо. Было тихо даже в коридоре перед кабинетом географии, даже на большой перемене.

Учили, конечно. Географию трудно не знать, она ведь несложная. Но всегда какие-то детали вылетали из перепуганного сознания.

Отличница Сидорова хваталась рукой за глобус и начинала лепетать вместо ответа на вопрос:

– Я учила, Валентина Васильевна, я учила, я честно учила, я учила, учила...

И все были уверены, что учила. Сидорова вообще все учит. Только вот река эта... Где она затерялась на глобусе? Куда вытекла? Двоечники залегали на задних партах без звука, без малейшего шороха.

Было все это мучительно. Если мне снится, что сегодня не будет географии, я просыпаюсь с ощущением счастья, хотя в моей жизни уже давным-давно нет никакой географии кроме карты метрополитена.

А Серега был рыжим мальчишкой. Не таким, как на картинках рисуют: рыжий, веснушчатый, с носом-картошкой. Он был

рыжим с очень бледной кожей, темными бровями и бесцветными губами. Он не был двоечником. И шутком бывал только иногда, по настроению. Но чаще – рисовал в тетради эмблему «мерседеса» и смотрел на нее в немом ожидании. Бог знает, чего ждал. По меньшей мере – материализации красивой машины и красивой жизни вместо скучных школьных уроков, убогого прозябания без родителей, ветхого бабушкиного дома и забот на ее огороде. Мы же все ждали чего-то такого...

Карибские острова. Там же, где и река Сидоровой, эти Карибские острова. В той же черной дыре, вместе с несуществующим «мерсом» и красивой жизнью. У Сидоровой округлились глаза: это могло быть с ней, но было с Серегой. Он потерял на карте чертвы Карибы и даже не пытался найти. И он не лепетал, что учил.

Всем стало страшно. Робот стукнула его кулаком по уху, и Серега въехал носом в политическую карту мира. Она еще раз приложила его к карте – хлынула кровь. Не знаю, испугалась ли географичка вида крови или того, что не сможет остановиться, но она выскочила из кабинета, а Серега остался стоять перед классом.

Никто даже не выругался – все были парализованы тем, что бессильны защитить его. Тогда еще никто не материл учителей, не показывал им неприличных жестов, не натравливал на них богатых родителей. Да у нас и не было богатых родителей.

Серега стоял у доски в напряженной тишине, а кровь продолжала течь по бледным губам, делая их непривычно яркими и живыми. Потом он еще раз поглядел на карту и вышел из класса.

Нет, ничего страшного не случилось. Робот вернулась, урок продолжился. На следующий день появился и Серега с запиской от бабушки, как было положено при пропуске занятий. «Отсутствовал по семейным обстоятельствам», – написала бабушка крупным почерком с сильным наклоном и поставила неловкую закорючку подписи.

Как только в нашей программе закончилась география, Робот, по закону подлости, ушла в отпуск по уходу за ребенком. Но вся школа знала, что малыша они с мужем взяли из детдома, потому что своих им Бог не дал почему-то...

Серега умер в двадцать четыре года от наркотиков. До этого всех успела помотать перестройка, и его все запомнили в каких-то хлопотах – то ли продавал что-то на рынке, то ли перевозил что-то пригородными электричками.

Да ведь и у нас ничего не сбылось из того, что мы рисовали в школьных тетрадях.

МЫШИНАЯ СМЕРТЬ

На восьмом этаже нашей многоэтажки живут мыши. Нет, не смешная история, серьезная.

Мыши завелись у меня и у соседки из тридцать первой квартиры тети Раи. Я у нее спрашивала, и она подтвердила:

– Не мыши, а сволочи! Всю гречку мне поточили, шубу в шкафу обгрызли. Так я отраву им положила – ни одной не стало. В два счета вывела!

А у меня все живы-здоровы. Шумят по ночам, злодействуют на кухне, оставляют повсюду следы своей активной жизнедеятельности. За стиральной машиной в ванной – их штаб, там всегда оживленные, визгливые совещания.

Странно, что мыши могут жить в многоэтажном панельном доме, но живут и даже чувствуют себя полноправными хозяевами в моей квартире и не боятся меня ни днем, ни ночью. Черные какие-то мыши, злые.

Наконец я решила зайти в магазин ядохимикатов за отравой. Даже у опытного продавца-консультанта стыдно просить: «Дайте что-нибудь от мышей» – равносильно публичному признанию в том, что живешь в отстойных антисанитарных условиях, по утрам не умываешься и зубы не чистишь.

Отрава называется «Мышиная смерть» – увесистая такая пачка.

– А может так случиться, что я и сама отравлюсь? Например, мышь побежит потом на стол или еще куда... Я слышала, одна бабушка так умерла...

Продавец хохочет.

– Не может быть такого! Исключено! Смотрите, как все происходит: мышь ест, а потом ползет в свою нору умирать. Вы ее больше не видите, и никакого запаха.

– А ей будет больно?

– Как?

– Ну, живот у нее будет болеть или голова?

– Девушка! Да что ж вы за человек такой?! Вы что, мышь убить не можете? Как же вы на свете живете?

– Могу-могу.

Дома я прочитала инструкцию на двух языках. Знаете, в чем там фишка? Отрава обладает привлекательным для мышей запахом. Для людей это обычный сладковатый запах, а для мышей – гипнотический дурманно-аромат. Но отраву нужно раскладывать в перчатках, чтобы мышь воспринимала находку как подарок судьбы, а не дело рук коварного человека.

Я так все и сделала. Получайте! Будете знать, как пиццать по ночам и изводить меня воспоминаниями о прошлом!

А потом я все равно стала думать...

Вот она нашла отраву, стала есть, и ее стало тошнить, например... Ей захотелось вернуться в нору и лечь... Она поползла к норе – такой далекий путь, такой далекий: мимо гудящего холодильника, мимо того сухарика, который она не доела, польстившись на «подарок судьбы»... Она еще собиралась к нему вернуться, а теперь лапы не слушаются... И разве может судьба преподносить такие приятные сюрпризы безо всякого подвоха?

Или, например, отраву съел ее мышонок... Приполз в нору и умирает... А она хотела рассказать ему, где лежит та корочка хлеба, но теперь уже не нужно... Он коченеет на полу, и она не знает, что с ним случилось и как ему помочь...

В комнате стоял сладковатый запах, и снился продавец ядов.

– Девушка! Да что ж вы за человек такой?! Сорняки нужно полоть, мышей – уничтожать, лишние мысли – гнать из головы. Не усложняйте себе жизнь!

Но в тех снах я тоже была мышью. У меня не было ни единого шанса – ни добежать до дома, ни доползти. Я была отравлена своим чувством, меня тошнило отчаянием, я была противна самой себе. Черная шкурка поседела, шерсть свалялась...

Утром стало ясно, что химия за одну ночь победила грызунов. Было тихо, приторный запах исчез, ночные кошмары рассеялись. И я чувствовала себя нормальным, уравновешенным, спокойным человеком: я смогла, я убила мышей, как когда-то убила свою печаль.

Только тетя Рая отступила от меня в лифте к самой стенке.

– Ничего не случилось у тебя? Ну, как тогда?..

ЖИЗНЕННЫЕ СИЛЫ

В графе «причина смерти» врач написал: «Больной исчерпал жизненные силы». Двадцать девять лет было больному.

Врачу незачем вдаваться в подробности. Наоборот, желательно подробности скрыть, чтобы не прибавлять работы правоохранительным органам: такой у них негласный договор. Да и что толку вникать во все это? История обычная. И Андрюху доктор хорошо помнит. Тот два раза попадал в больницу с гепатитом, потому что колол грязное варево на кусе.

Док не знает, что моя мать и тетя Лариса учились в одном классе, жили по соседству и вместе ходили на танцы, что рожали в один день в одной палате и потом вместе прогуливались с колясками в старом липовом парке – без мужей, но счастливые.

Док не знает, как пятилетний Андрюха

прыгал на лестничной площадке по вечерам, пытаясь дотянуться до нашего звонка. Тетя Лариса тогда встречалась с Вагизом с рынка и выставляла малого на ночь за дверь. Он слонялся по темному двору, замерзал, пугался ночных шорохов и с ревом бежал к нам.

Док не знает, что мы с Андрюхой никогда не были друзьями. Мы ходили в разные школы: он – в обычную, а я – с гуманитарным уклоном и интенсивным французским. Он ушел в армию, а я поступил в столичный университет. Он тусил по клубам, а я работал. Он играл в карты и на автоматах, выносил из дому вещи, угрожал убить мать и продать квартиру, а я компилировал диссертацию, освежая мысли прошлого века современной терминологией. Его избивали за долги, он оживал, опять покупал какое-то зелье, с новым приступом гепатита попадал в больницу, и тетя Лариса умоляла врачей: «Ради Бога спасите!», а я звонил своей матери строго раз в месяц и заверял, что моя карьера идет отлично. Он выздоравливал, снова начинал играть, и тетя Лариса каждый день разыскивала по скупкам украденные из дому вещи. А я тогда уже не звонил домой. Мой столичный тупик оказался вне зоны действия сети.

Его мать не смогла пойти за этими справками. И моя не смогла – плакала. Пошел я, потому что мне было все равно.

Сижу в темном коридоре и рассматриваю форму медицинской документации №106/у-98. Он умер от побоев в результате кровоизлияния внутренних органов. Может, это и называется «исчерпал жизненные силы». Остался на память о суетливом Андрюхином существовании клочок серой бумаги.

А я учился, работал, на что-то надеялся, кого-то искал – никого и ничего не нашел. Не употреблял наркотиков, не играл в азартные игры, не ругался с матерью, но на моем амперметре тоже ноль. Даже стрелка не дрогнет. Ничего не чувствую.

ЭРОТИЧЕСКОЕ ФОТО

Для того, чтобы обнаружить в ребенке хоть какой-то талант, родители пихают его во всевозможные секции чуть ли не с пеленок. И подход этот, конечно, правильный. Но меня никуда не пихали: ни на танцы, ни на музыку, ни на фигурное катание, ни на шахматы, ни на теннис, ни на художественную гимнастику. Не то чтобы родителям было совсем плевать на меня, а просто они... просто они много работали. Так скажем. А, может, наверняка знали, что никакого таланта во мне нет и не стоит напрасну расходовать силы и средства.

Зато они заваливали меня самоделками из бумаги «вырежи и склей». Я вырезала и клеила, вырезала и клеила. Бумажная мебель, бумажные комнаты, бумажные дворцы, бумажные зоопарки с бумажными животными – пыльное бумажное царство окружало девочку с ножницами и клеем ПВА. Когда отец в приступе борьбы с пылью сжег эти поделки, бабушка даже плакала.

Только перейдя в выпускной класс, я впервые записалась в кружок – вполне сознательно и самостоятельно. Это был кружок эротического фото. Тогда слово «эротический» еще не было таким затертым, как в наши дни, и должно было привлечь начинающих папарацци, которым исполнилось шестнадцать. Вел этот кружок трудовик какой-то средней школы по имени Николай Трифонович. Записались, кроме меня, одни мальчишки.

Нужно сказать, что Николай Трифонович вооружился толстой книгой с черно-белыми картинками, по которой и собирался преподавать искусство эротической фотографии.

– Главное правило – изображаемое тело не должно выглядеть мертвым.

Тело предполагалось женское. Начали мы со скучной теории. Мальчишки с нетерпением ждали практических занятий. Упомянув о предстоящей практике, Трифон поглядывал на меня и потирал руки.

Фотография была сложным искусством: проявители, закрепители, красные фотонари в темных комнатах, ванночки с растворами, гирлянды фотопленки. Если бы Трифон тогда знал, что скоро в интернете можно будет найти тысячи эротических фотографий безо всякой проявки, стал бы он этим заниматься!

Тренировались мы на цветах и яблоках: фотографировали букеты и натюрморты. Учились выставлять свет, передавать объем и перспективу. Честно говоря, получалось у меня не очень. Казалось даже, что пейзажи или архитектура дались бы мне лучше, чем яблоки на тумбочке. Пацаны вообще начали сомневаться, что когда-нибудь дойдет до эротики.

И вот в один прекрасный зимний день пришла модель по имени Яся, легко скинула все одежды – от шубки до черных трусов – и присела на тумбочку. Поза была неэротической (это я сейчас понимаю). Живот сморщился складками, а ноги разъехались в стороны. Юные фотографы замерли. Щелкала одна я. Указывала ей, как сесть и как поставить ноги, чтобы не выглядеть ни мертвой, ни толстой. Трифон стоял в углу молча, со-

вершенно безучастно, а я все щелкала.

Неизвестно, чего он, семейный мужчина за пятьдесят, ожидал от этих занятий – возможности реализоваться в чем-то, кроме сбивания табуреток на уроках труда, или совершенно нового восприятия женского тела сквозь призму его эротичности, объема и перспективы, – но после этой практики он отказался вести кружок эротического фото. А у меня осталось много снимков неказистой, но вполне симпатичной девчонки Яси, которая часто подрабатывала, позируя начинающим художникам и фотографам.

ГОРОД ВОСПОМИНАНИЙ

Все города, в которых я когда-то жила, путаются в воспоминаниях, распадаются на фрагменты, и из этих фрагментов в памяти строится один большой город, в котором есть и метро, и трамваи, и двадцать третий микрорайон, и конный рынок, и морская набережная, и речные мосты, и супермаркет «Масутис», и бульвар Аристотелус, и старое кладбище за химчисткой.

В этом городе живут все мои одноклассники, все однокурсники, все квартирные хозяйки, все соседи по общежитиям, все подруги, все бывшие коллеги, все случайные любовники, все покойные родственники.

В этом городе есть несколько улиц Ленина, несколько переулков Чапаева, несколько площадей Свободы, несколько кинотеатров «Победа», несколько приятелей на «шевроле» с одинаковыми личными проблемами.

Я бываю там. Брожу по улицам, удивляясь странному перетеканию брусчатки в асфальт, а речушек с камышовыми берегами – в моря с настоящими белыми теплоходами. Здания возникают совсем не там, где я ожидаю их увидеть, и совсем не те. Только здесь нотариальные конторы внезапно превращаются в аптеки, институтские корпуса – в офисные центры, а музеи – в аэропорты.

В этом городе я продолжаю терять ключи, путать адреса, срывать с лестниц, опаздывать на свидания и просыпаться среди ночи, чтобы успеть на поезд. В этом городе я молода и еще надеюсь все уладить, все исправить, везде успеть, всего достичь.

Но этого города нет. Есть разбросанные по карте прошлого фрагменты воспоминаний, из которых моя память собирает такой странный коллаж. И я рада, что эти здания, люди и обстоятельства не могут существовать одновременно в одном месте. Но если бы можно было разрушить какой-то город, я без сожаления выбрала бы город своих воспоминаний.



Ася ВАРЛАМОВА

режиссер
документального кино,
г. Санкт-Петербург



«СРЕДИ БЕЛЫХ ОБЛАКОВ»

Рассказ

Она была моей соседкой. Жили мы на одной площадке, и разделяла нас никудышная тоненькая стенка, оклеенная обоями. Близко я никогда с ней не общался. Так, по мелочам. Но мне всегда хотелось узнать ее поближе.

Она не входила в разряд красивых и ярких женщин, но что-то в ней было. Что-то, что притягивало людей. Она почти никогда не оставалась одна. А если и оставалась, то непременно включала телевизор или радио. Часто ночью, прислонив ухо к стене, я слышал, как она медленно переходит из одной комнаты в другую. Мучила ли ее бессонница? Не знаю.

Однажды я порезал палец, и, к счастью, у меня не оказалось ни бинта, ни ваты. Да оно и понятно: жил я один. В общем, пришлось обратиться к соседке. Выйдя на лестничную площадку, я постучал в ее дверь. Никто долго не открывал, и я уже подумал, что ее нет дома, когда меня из-за закрытой двери спросили:

– Кто там?

– Это из соседней квартиры. Мне ваша помощь нужна.

Дверь приоткрылась, показалась маленькая головка. Это было существо женского пола. Но не моя соседка.

– А где, позвольте узнать, хозяйка? – поинтересовался я. – Девушка... Ну, та, другая. Здесь же другая жила...

Черт, я даже имени ее не знал!

Маленькая головка улыбнулась мне:

– Да на съемках она. А вы что хотели?

Я показал ей порезанный палец и попросил кусок бинта. Женщина открыла дверь настежь и аккуратненько так, осторожно пропустила меня внутрь.

В квартире пахло апельсинами. Нескольких пар обуви толпились в прихожей, и я подумал, что в квартире, кроме маленькой, должен быть кто-то еще. Но никого больше не оказалось. Меня позвали, и я пошел: первый поворот направо, кухня, стул. Женщина молча осмотрела мою руку

и сказала:

– Ничего страшного. Кровь уже не течет. Скоро от этой ранки ничего не останется.

На кухонном столе я увидел стеклянную пепельницу и пачку ментоловых «L&M». Уходить почему-то не хотелось.

– Простите, можно закурить?

Широко улыбнувшись, она протянула мне пачку:

– Угощайтесь...

– Спасибо. Меня Владимиром зовут...

Я взял сигарету и улыбнулся в ответ. Маленькая женщина сообщила, что зовут ее Марина. Когда я засобирался, она сказала, что я могу приходить в любое время.

– А когда будет ваша...

– Настя? Вы о ней говорите?

– Да, о ней.

– Ее трудно застать. Она часто на съемки уезжает, поэтому редко появляется дома. А вообще, – продолжила маленькая женщина, – очень скоро мы будем снимать сцену в этой квартире. Когда, точно сказать не могу, но так планировалось. Можете прийти, посмотреть. Тогда уж вы ее точно увидите.

Я немного удивился:

– Она что – актриса?

Но Марина только вскинула бровь:

– До свидания, Владимир. Всего хорошего.

Через две с половиной недели я должен был уехать из города. Мне подкинули работу, и я, недолго думая, согласился. Наверное, я бы так и уехал, но теперь я знал, что как раз в это время начнутся съемки. И я отказался ехать. Точнее, отказались от меня, когда я стал решительно настаивать на отсрочке.

Две недели ничего не происходило. Каждый вечер, приложив ухо к стене, я пытался различить среди разного шума Настин голос. А однажды даже с помощью стакана. Если прижать донышко стакана к стене, а горлышко к уху, то слышимость возрастает. Я так и устроился.

Похоже, их было двое. Они о чем-то спорили и смеялись. Может быть, они что-то делали вместе. Писали, например. Не знаю. Но мне понравилось, когда Настя почти басом громко сказала:

– Умри, несчастная!

А потом они обе долго смеялись. И я тихонечко смеялся вместе с ними. Только никто об этом, кроме меня, конечно, не знал.

Совершенно неожиданно я встретил Настю в магазине. Она шла, одетая в черное пальто и грубые ботинки на толстой подошве, и несла сразу несколько пакетов, набитых продуктами.

– Здравствуйте.

А она мне в ответ:

– Здравствуйте-здоровствуйте.

Сказала и протянула все пакеты из одной руки.

– Ну, помогите мне теперь все это до квартиры донести.

И рассмеялась.

Я обрадованно схватил неожиданный груз и едва не поставил его на землю: «пакетики» весили килограммов десять, не меньше. В общем, я тогда понял, что Настя далеко не «воздушная» девушка, хоть и работает в кино.

Мы вместе поднялись на этаж, она открыла свою дверь, забрала у меня покупки и поблагодарила. А потом добавила:

– Вы, я смотрю, сильный мужчина.

И закрыла дверь.

На следующее утро я проснулся достаточно рано: меня разбудили. Из подъезда доносился шум. Я вскочил с кровати, быстро натянул джинсы и выбежал на лестничную площадку. Несколько мужчин поднимали на этаж большие видеокамеры, штативы, лампы и еще какое-то оборудование неизвестного мне назначения.

Я вернулся в квартиру и вышел на балкон, чтобы посмотреть, что происходит внизу. Огромная машина, из которой выносили аппаратуру, стояла прямо напротив подъезда.

– Осторожно! Спокойно! – громко говорила Настя, придерживая руками входную дверь. – Владик, поднимайся пока наверх – расставишь реквизит. Если что-то осталось в студии, нужно будет съездить.

– Есть! – ответил Владик и приставил ладонь к виску.

И они оба рассмеялись. Владик пошел наверх, а Настя осталась внизу с женщиной, державшей в руках какие-то исписанные листы.

В соседской квартире, распахнутой настежь, было, по меньшей мере, десять человек. Входили, не снимая обуви, заносили какие-то вещи, и каждый что-то обязательно говорил. Среди всех я отметил для себя одного невысокого странного вида человека, одетого во все в черное, с длинными волосами, забранными в хвостик. В отличие от остальных, он не произнес за все время ни слова. Он и еще несколько рабочих помоложе расставляли осветительные приборы – лампочки, лампы и лампища на ножках и длинных выдвигающихся металлических палках.

В это время ко мне, стоящему в дверном проеме комнаты, подошла Марина:

– Проходите, Владимир.

– Да неудобно как-то мешаться тут.

– Будете лишним, вам об этом скажут, – улыбнулась Марина. – Так у нас принято, так что проходите-проходите.

Я вошел и сел в самый угол комнаты на стул со сломанной спинкой.

– Так, Марина, переодеться, быстро! Где, черт подери, Малыгина? – спросила Настя. Она, похоже, нервничала. К ней подошел мужчина в желтых брюках:

– Анастасия Геннадьевна, а пойдёте выкурим по сигаретке, а? Чего вы переживаете? Малыгина вернулась, приволокла с собой двух девчонок, утащила Маринку...

– Дай ты мне с мыслями, Вань, соберись! – вздохнула Настя.

– Сейчас все будет. Главное сохранять спокойствие!

Последнюю фразу Иван сказал очень громко. Должно быть, она что-то означала, и окружающие слышали ее не в первый раз. Потому что все, кто находился в квартире, громко засмеялись, а человек в черном захлопал в ладоши. «У этой фразы есть своя история», – подумал я и тоже засмеялся. Чтобы все подумали, что я свой, что я понял. Хотя ни черта я не понял.

– Все готово, – Иван повернулся к Насте. – А где Марина?

– Да здесь я, здесь...

Из комнаты вышла растрепанная, непричесанная женщина, совсем на Марину не похожая.

– Так, посмотри на меня!

Настя обхватила ее лицо обеими руками и несколько раз повернула в обе стороны, внимательно разглядывая.

– Ну, вроде, нормально. Свет готов?

Возле камеры стоял человек в черном, возле камер поменьше – еще двое, и один из них громко и четко ответил:

– Свет готов, камеры готовы! Что прикажете делать?

И снова все засмеялись. Даже Марина, успевшая лечь на диван и принять страдальческое выражение лица.

– Спасибо, – сказала Анастасия, – приступим. Где Давыдовна?

– А Давыдовны нет и не будет, – заявила Марина. – Заболела ваша Давыдовна.

– Таак, – протянула Настя. – Давыдовну на увольнение.

И вдруг снова рассмеялась.

– Ну, что? Пора. Молодой человек, – Настя обернулась ко мне.

– Да... – я даже привстал.

– Вы мне мешаєте...

– Ой, да это же сосед твой, – вмешалась Марина. – Это я его позвала. Настя, разреши ему остаться, а?

– Из угла ко мне, чтобы в камеру не попасть, шагом марш, – приказала Настя.

Когда я встал рядом, она почему-то погладила меня по голове:

– Вы очень тихо здесь, пожалуйста. Мы тут вроде как кино делаем.

Может быть, мне не повезло, и я не увидел той настоящей, трудной работы в кино, о которой говорят и пишут. А может быть, напротив, мне очень повезло, потому что я попал в легкую и простую атмосферу одной большой семьи с устоявшимися привычками, законами, принципами. Казалось, они понимали друг друга с полуслова, а то и совсем без слов.

«Камера. Мотор». Четко и громко Настя произносила только эти два слова. А еще она кричала, нервничала, поправляла Марину. Заставляла ее плакать, даже слова ей какие-то неприятные говорила, чтобы обидеть. Много курила и переживала.

Через шесть с половиной часов команда села пить чай. Только Марина отказалась. Расстроенная, она просила переснять последнюю сцену. Настя придвинула к ней стул:

– Нет, Марина, последняя сцена сыграна вполне. Нет времени на пересъемку, понимаешь? Садись-ка лучше чай пить.

На столе среди кружек и ложек лежали крупно нарезанные куски хлеба, баранки, открытая пачка сливочного масла, два ножа. Мужчины старательно намазывали масло на хлеб и глотали душистый кипяток.

– Хорошо-то как, господи! По-моему, самая вкусная еда – после круто сделанной работы, – сказал человек в желтых штанах, широко улыбаясь.

– Ага, Вань. Только у нас впереди еще две сцены. Вот после них и будет твоя самая вкусная, – остудила его Марина.

Допивали чай, обсуждали предстоящие съемки, смеялись, спорили. Могу поклясться, что им было хорошо вместе. Несколько человек сидели с опущенными головами и смотрели в пол, глотая кипяток молча. Устали. Первой встала Настя.

– Ну? Что ли вперед?

И похлопала по плечу Владика.

За окном стемнело. Было, по меньшей мере, одиннадцать вечера, когда съемочная группа снова начала освещать площадку, подключать микрофоны, устанавливать камеры, и комната снова оживила.

Я ушел домой, прихватив сигарету из лежащей в коридоре бесхозной пачки. Ушел незаметно, без всяких там «до свидания», «приятно было познакомиться», «молодцы» и «удачи». Никогда этого не любил.

Снял ботинки, рубашку и упал в кровать лицом на подушку. Лежа у самой стены – той, которая разделяет комнату Насти и мою, – я прислушивался. За стеной гово-

рили. Говорили двое – мужчина и женщина. Громко, горячо, перебивая друг друга. Потом женщина плакала.

Наверное, снимают последнее.

Вот снимут, соберут вещи и уедут. А вдруг кто-то останется? Вдруг утром кто-нибудь позвонит в мою дверь и попросит сахара?.. Тогда я достану из холодильника запечатанное смородиновое, открою и самой большой ложкой, какая только есть в доме, залезу туда, почерпну с горкой и отправлю в рот. «Вкусно», – скажу я и, закрыв банку, протяну им варенье.

Когда я проснулся, стрелка часов показывала двенадцать. «Проспал», – беззлобно подумал про себя, вышел на балкон и закурил.

Внизу стояла знакомая машина. А вокруг машины стояли знакомые люди: Ваня в желтых штанах, человек в черном, Марина. Насти среди них почему-то не было. Наверное, она еще спала.

Люди сели в машину и уехали...

– Есть кто? – неуверенно спросил я, стоя перед дверью.

Но никто не отвечал.

– Спите еще?

Едва я притронулся к двери, как она сама отворилась, как будто приглашая.

– Кто-нибудь есть дома?

Никого в доме не было. Не считая незаправленной кровати и пустого холодиль-

ника.

«Ну, что ж, – подумал я, – значит, все уехали».

Я сел на пол, уперся спиной в стену и закрыл глаза...

Больше я никогда не видел ее. Ни в этой квартире, ни в этом городе, ни где-то еще.

Однажды я услышал, что С...ва (а именно такая фамилия была у Насти) сняла фильм «Среди сугробов белых». Несколько раз я появлялся в видеопрокате и спрашивал у торговцев фильм с этим странным для Питера названием. Но никто о нем ничего не слышал...

Парень, тезка мой, посмотрел на меня смеющимися глазами:

– Женщина-режиссер – это парадокс. Мы таких фильмов не держим.

Он отвернулся, взял недоеденный кусок бутерброда и, затолкав его в рот, стал старательно листать диски на ближней полке.

– Смотри, что нашел. «Среди белых облаков» называется. Слушай: «Эти люди живут поодиночке. Либо небольшими группами. Друг от друга их отделяет час ходьбы. А иногда и целый день. Полностью изолированные от общества, эти люди ведут образ жизни, сопряженный с трудностями, преодоление которых есть основа нашей жизни». Ну что? Берешь?..



НОВЫЕ КНИГИ

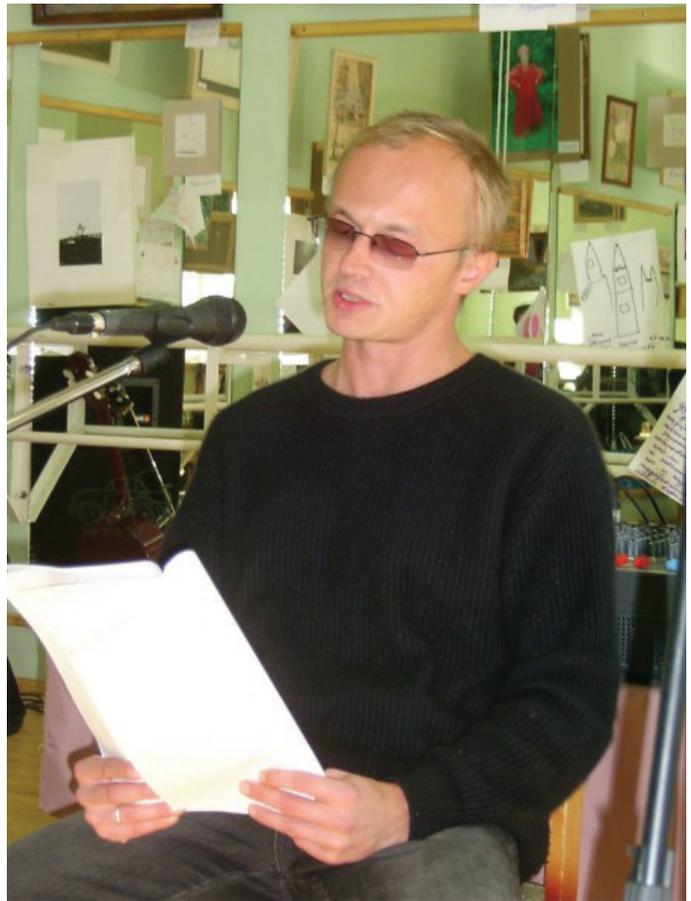
Макс Фрай. Сказки старого Вильнюса. Москва: Амфора, 2012. Новая книга Макса Фрая (литературный псевдоним двух авторов: Светланы Мартынчик и Игоря Степина) рассказывает об одном из самых красивых и таинственных городов Европы. Да и кто лучше расскажет о чудесах Вильнюса (а речь в «Сказках...» идет именно о нем), чем горожанин, проживший в нем последние семь лет? «Сказки...» проиллюстрированы фотографиями, выполненными неутомимым автором. Редактор отдела философии и культурологии журнала «Знание-Сила» Ольга Балла-Гертман, исследуя «интуитивную онтологию фраевского мироздания» в контексте учения Леви-Стросса, обнаруживает в сборнике «настоящий, на наших глазах возникающий миф»: «Вильнюсские истории занимают, по существу, тем же, что много лет, особенно ближе к своему окончанию, делал проект «Фрам». Это – нащупывание путей, по которым к современному человеку, пострелигиозному и постатеистическому... могло бы вернуться чувство волшебности и таинственности мира».



ПОЭЗИЯ

Алексей СОМОВ

поэт, прозаик,
технический редактор
альманаха «Оберег»,
член Союза
литераторов Удмуртии,
г. Сарапул



«МЫ ДРУГ ДРУГА НАЙДЕМ ПО ЗЕЛЕННОЙ ЗВЕЗДЕ...»

Стихотворения

* * *

Эй, в перелицованном хитоне
не с чужого ль пьяного плеча,
добрый тать, рубиновый тихоня,
отчего в глазах твоих печаль?
Аки-паки, иже херувимы,
версты-звезды, вьюги-холода.
Настежь запечатанное имя –
никому, ни с кем и никогда.
Все, что есть и что случится позже, –
только блики мерзлого огня.
Отчего, неизреченный боже,
ты меня покинул на меня –
с детством, пубертатными прыщами,
терпкой синевою выше крыш...
Полно, милый, я тебе прощаю,
ибо сам не знаешь, что творишь.

Invaders must die

Сегодня утром кто-то
разлил на асфальте перед домом
голубую краску. Такой краской
у людей принято окрашивать
стены в казенных учреждениях,
сварные металлоконструкции, –
словом, все то, что не жалко.

Яркие химические кляксы –
дальтоник увидел бы здесь
кровь человека или животного,
я увидел, как убивали инопланетянина
азартно и долго. А потом
мне сказали, что в другом городе
умер писатель. Я его не читал,
не знал, просто запомню это:
смерть от любви или цирроза,
голубая инопланетная кровь,
которой мы пачкаем здесь бумагу,
новые рубахи, стильные обои,
казенные предметы, –
все, что не жалко.

* * *

Мой милый, поздно брать уроки бокса,
когда из всех щелей, из-за гардин
ползет мурло, сошедшее с картин
злосчастного Иеронима Босха.

Пора нажать на газ, но нет искры.
Потушен свет, отключены мобилы.
Пора забыть всех тех, что нас любили,
взойдя на новый уровень игры.

Кругом галдят на незнакомой мове,
и пусть всему виной разрыв-трава,
но там, где лязгнул створками трамвай,
всплывает сообщение «Game over».

Памяти Дениса Бесогонова

*...я дорогую славу раздаю
насмешливо и честно, как создатель.*
Д.Б.

Душа моя, пусти меня к себе
в обитель из живых цветов и стали.
В нечаянном преддверии небес
мы растеряли нужные детали
самих себя. А это ль не резон
единым махом, вкрадчивым и жадным,
перелистать обрыдший горизонт –
так примеряются к жемчужным жабрам,
так впитывают порами состав
чужого воздуха. Так шьют с изнанки.
И так, бесцеремонно просвистав
судьбу, читают линии и знаки
другой судьбы. Ну что же, привыкай,
как привыкала к яблоку и к боли,
косноязычно мудрствуй и лукавь
в объятьях колыбели и юдоли.
Но там, где розовеют облака, –
так безоглядно-глупо, так по-женски
скажи, кого еще ты обрекла
на чистое, слепящее блаженство
присутствия? И днесь, когда стою
по горлышко в тебе – с которой стати
я дорогую славу раздаю
насмешливо и честно, как создатель?
Душа моя, пусти меня к себе.

* * *

Межсезонье, пятое время года, в школах
эпидемия гриппа. Скоро скрипеть полозьям
по живому белому. Скоро, скоро
будет чисто, светло. Дождь бьетса оземь
в долгой судороге зрительного нерва,
разделяя жизнь на лоскуты-волокна.
Оттого-то кажется мне, что небо
холодней земли и время заклеивать окна.

* * *

Собирая кристаллы соли
на развалинах Вавилона,
не печалюясь об ушедших,
не завидуя тем, кто спасся,
я запомнил сосцы тугие,
горький мед молодого лона,
но песок утекал, как семя,
между пальцев.

В зачумленных кроличьих норах,
в голубых урановых копиях,
на гнилых земляничных полянах

ничего найти не сумел я.
Оттого-то, как по приказу,
предо мною скрестили копыта
двое стражников возле входа
в подземелье.

Видишь, наискось рвется небо
от торжественной благодати.
Корабли стоят на приколе,
и шары закатились в лузы.
Азраил поджидает в Смирне.
Я седлаю коней в Багдаде.
Ничего не случится. Больше –
ни надежд, ни иллюзий.

Ничего не случилось – просто
наконец-то весна настала.
Что ж ты мнешься, как прокаженный,
на пороге чужого дома
и целуешь ладони ивы,
и отметины чернотала,
и растрескавшиеся губы
глинозема...

* * *

Последний снег чуть-чуть похож на первый,
он так же нежен, и совсем не нужен,
и переходит в сумеречный дождь.
Еще похож на ангельские перья,
на тополиный пух в июле – ну же,
на что еще он может быть похож?

Давай играть в сравнения. Я буду
некрупным зверем или днем недели
и замкнутой системой заодно.
Тебя же смело уподоблю чуду,
стрижу и яблоку. На самом деле
все много проще. Посмотри в окно.

Ты видишь – за окном бежит собака.
Под снегом и дождем бежит собака.
С закрученным хвостом бежит собака
с потешной мордой – будто бы спешит
по направленью к мусорному баку.
Кому какое дело. Пусть бежит.

В конце концов, кому какое дело,
что мне, однако, здорово под тридцать,
как ни печалься тут, как ни тужи –
и что не нужно ни души, ни тела,
ни губ твоих, ни глаз твоих, сестрица,
ни маленькой взъерошенной души.

...Последний снег идет. Такое чувство,
что мы запутались в секретных кодах.
Но знаешь – я хочу продлить еще
короткие свиданья в переходах –
да, это было весело и грустно,
и грустно – и взаправду хорошо.

И вместе это называлось счастье –
надеяться, отчаиваться, злиться,
отчаиваться, злиться, ревновать,
во сне целуя узкие запястья,
холодный рот, и детские ключицы,
и все, что только можно целовать.

* * *

Как темна и чудесна звериная смерть
на горячем снегу, на истлевшей бумаге.
Сумасшедшая нежность – хотеть и не сметь
прикоснуться к истоку слепыми губами.
Где кончается день, где мелеет река,
где плотней облака и весомей расплата –
мы узнаем друг друга по чистым рукам,
по голодным глазам, разучившимся плакать.
Ждать у горя погоды и добрых вестей,
отвергая дары, опуская ресницы...
Мы друг друга найдем по зеленой звезде,
по соленому следу на чистой странице.

* * *

О, расскажи мне эту новость –
как из-под ног бежит земля
и вены вздувшиеся ноют
под капельницей февраля,
как бьют размеренные склянки
и бьются вдребезги сердца...
Помедли, хитроглазый ангел,
у заметенного крыльца!
Как подают при встрече руку,
даруй мне весть, улыбку, знак.
Давай притормозим маршрутку,
что заплутала в наших снах,
и полетим без остановок
сквозь перекрестки и дома...
О, расскажи мне эту новость:
сегодня кончилась зима.

* * *

Передушить звонки и перерезать ток,
стакан простой воды поставить к изголовью
и лечь лицом к стене, чтоб никогда, никто –
ни сном, ни духом, ни изменой, ни любовью.
Как хорошо в ангинном детстве – с головой
укрыться, чтобы лишь граница одеяла
от облачной тоски и смуты голубой
и отделяла бы – и вместе одеяла
прожилками чудес и карамельной мглой,
пронизанной ступенями ресничных просек,
где все, что быть могло, –
взаправду быть могло,
едва наметившись, как штриховой набросок.

Но белый день встает
во весь гигантский рост,
сорвав засиженные мухами гардины, –
немилосердно и замысловато прост
и преисполнен ангельской гордыни.

* * *

...и вдруг прольется, как из чаши,
непоправимо белый свет,
сухой и звонкий, чуть горчащий –
и живы все, и смерти нет.
И пласт подтаявшего снега,
под тяжестью своей осев
и выдохнув, сорвется с неба –
и страха нет, и рядом все.
И тут же встрепенется зыбко
и дрогнет крыльями в пылице
новорожденная улыбка
на запрокинутом лице
цветка. Ну что ж, и ты не бойся,
иди в полуденной росе
туда, где смерть почила в бозе
и живы – все.

* * *

Запоздалый март, волчий ветерок.
Только и всего. Не бывает лучше.
Отступает страх. Подступает срок.
Слышишь, как звенят под ногами лужи?
А над головой – звездная дыра.
Хороши дела, да делишки плохи.
Только и всего – с ночи до утра
погонять коней, не жалея плетки,
в голубую степь, по следам орды,
чувствуя во рту травяную горечь,
возвращая дар, стершийся до дыр,
расплетая нить, обретая голос.

Ножевая

Микасу Норвидайтису

Остывает август, бледнеет ночь,
чуть горчит обоюдоострый воздух.
Я все лето таскал в кармане нож,
как детишки таскают волшебный гвоздик.

Этот нож подарил мне один поэт
(а не подарил – я и так украл бы).
Хорошо им ловить уходящий свет,
рассекать прозрачные скулы яблок.

И пускай до времени обождет
сожаление о залетной жизни,
что прижмется к коже и обожжет,
будто нож, забытый в кармане джинсов.



Александр КОРАМЫСЛОВ

поэт, журналист, ведущий проекта «атака / танкеток» газеты «Известия Удмуртской Республики», член Союза литераторов Удмуртии, г. Воткинск

«И НАДЦЕЛУИ АНГЕЛОВ ЛОВИТЬ...»

Стихотворения

* * *

Ей-Богу – а, вернее, *Ей-Богине*
Я посвящал стихи свои, грехи.
Надеялся: Богиня – не покинет.
Покинула. В исчадье чепухи...

И, половые перейдя пути,
Я поклониться вышел на Дорогу –
Не *Ей* и не *Ему* – Господь, прости! –
Но сразу целой Троице – *Им-Богу*...

Элементарные хайку

ошибка на детском рисунке:
«*кислорот*». мне унылый
чудится пессимист...

строгий порой
вижу в толпе *горькорот*.
вероятно, трагик...

вот – поцелуев источник.
любимая, это –
ласковый твой *сладкорот*...

пот утирая со лба,
губы свои облизну...
лето. *солёнорот*...

аквалангист в пучину
ныряет. крепко загубник
сжимает его *водорот*...

шахтер из забоя
выходит. улыбчив
темный его *углерот*...

* * *

«Нам остаются только поцелуи...».
О. Мандельштам

Нам остаются только *подцелуи* –
так девушка писала «поцелуи»,
влюбленная в меня, в пятнадцать лет
своих. И мне пятнадцать было...

Но в тридцать два – пора бы переставить
приставки, губы раздвигать пореже –
и *надцелуи* ангелов ловить.

А в целом – все неплохо. Скоро я
(возможно) землю буду целовать
холодными недвижными устами...

Чего желать мне? – Уберите ноги,
торчащие в Божественном проходе! –
чтоб я прошел, в сырую землю лег...

* * *

Брат, окруженный сестрами,
С ними вступает в инцест, после их матеря...
Наутро – все будут сосланы
В медитационные лагеря.

Дом, окруженный соснами.
В доме сосновыми иглами ширяются егеря...
В ломке – все будут сосланы
В медитационные лагеря.

Тупой, окруженный острыми
Предметами, бьется ими с тупыми же,
их разъяря.

Кто выживет – будут сосланы
В медитационные лагеря.

Дитя, окруженное взрослыми
Неразвитыми, – считай, что родилось зря...
Семьей всей будут сосланы
В медитационные лагеря.

Все крутят сансарово колесо слоны
Желаний. Мы им потворствуем,
их из мух смастеря.

Всем зоопарком мы будем сосланы
В медитационные лагеря.

Слава Богу, есть и гребцы,
окруженные веслами,

Свои отвязывающие якоря,
Плывущие к реальной свободе,
будучи добровольно сосланы
В медитационные лагеря.

* * *

Каждое Божье утро
Он варит гречневую кашу.

Чувствуя жар Его огня,
она горячо вздыхает:
«Господи, прости меня, гречневую!».

Он прощает ее,
помазывает елеем,
нежно помешивает –
и, не давая остыть, поглощает.

И правильно делает:
не падшим же
приживальщикам-дармоедам
оставлять ее,
рассыпчато-сосредоточенную...

Аминь!

* * *

Покажите мне палец – и я загрузчу.
Потому что – но только не надо трепаться –
Я Вас вижу насквозь. Потому и прощу –
За печаль внутри пальца.

Кистепёра, зубаста она и стара –
Старше радости русской.
Крокодиловой влаги родная сестра.
Оттого-то и грустно...

Потому-то и тянет невесте с утра
Платье мерить...
Глубоко затаилась родная сестра
Латимерий.

Потому-то и тянет бутылку проткнуть,
И лакать безобразно,
И показывать палец – хотя бы окну –
Целакантообразно...

* * *

Мои гулливеры, я ваш лилипут.
Мы сами больны – и стихи больны...
И жалок наш гибельный

чувственный путь
Идущему интеллигибельным.

Живя в бесконечности, верить в капут –
Самим себе только враги вольны...
И страшен наш гибельный

чувственный путь –
Живущему интеллигибельным.

Забудь обольщенья, обиды забудь –
Они безутешной тоски полны...
Закрой себе гибельный

чувственный путь,
Открой себе интеллигибельный.

Отбрось покрывала. Избавься от пут.
От нежной сансары сбеги, вильни...
Не бойся покинуть свой

гибельный путь –
И двинуться в интеллигибельный!

Но соли с товарищем съеденный пуд
От мутной воды береги вельми!
Облегчит он гибельный

чувственный путь –
И выведет в интеллигибельный...

Но этот стишок – видно, слишком я туп –
Мне вывернул сердце, виски беля,
Опять направляя на гибельный путь
Бредущего интеллигибельным...

* * *

В моем холодильнике
прячется Владимир Сорокин.

На терморегулятор налипла его *НОРМА*.
В морозильнике айсбержит его *ЛЁД*.
В *ЛЁД* вмерзло его *ГОЛУБОЕ САЛО*.

Да пусть живет, не жалко.
Только бы не нашли
ЕДЯЩИЕ ВМЕСТЕ С ОБЕРТКОЙ...

* * *

Предъявите штраф миру еще
За болезни свои, ребята.
Неприятые травмирующих
Ситуаций – весьма чревато
Обостреньем хронических,
Охранением ваших острых...
Вот и выплыл похоронический,
По-Харонски спокойный, остров...
И бессмысленны распри тесные
За *донаций* скупые транши.
Предъявите свои претензии
Не в районном – на Том, на Страшном...

* * *

Пусть вам расскажет правду
кто-нибудь поглупее.
Правда нужна для совести –
но моей, а не вашей.
Что я успею? Разве – сделать творог успею,
Выщеженный из пошлой
мировой простокваши.
Воздух пропитан ложью,
ложью ацидофильной.
И на губах прокисает Истины молоко.
Это не я – но мудрый
слышит отсюда филин:
Водят фальшивой мышью –
близко и далеко...

* * *

Такая боль уже не помещалась
ни в нервных окончаньях, ни в спокойных
анализа началах – только в строчках.
У боли было несколько имен.
Была пора – она звалась Алеша,
была пора – она звалась Владимир,
пришла пора – ее зовут Денис...
А сколько еще боли предстоит –
отчетливо себе я представляю –
и закрываю мокрый этот прах,
моим пока зовущийся лицом, –
руками, состоящими из глины
кладбищенской. И тихо отпеваю
своих друзей и молодость свою...

* * *

В доме повешенного не говорят о веревке.
В доме изнасилованного не говорят о вазелине.
В доме бомжующего не говорят о доме.
О чем говорят в доме
лишившегося дара речи?..

* * *

глупый пишет,
как он провел лето
умный пишет,
как лето провело его
предприимчивый пишет,
как он и лето провели друг друга
а я читаю,
как лето пишет
горячими вилами
по мутной воде
нрзб нрзб нрзб

* * *

сегодня умрешь – завтра скажут поэт
завтра умрешь – послезавтра скажут поэт
утром деньги – вечером стулья
позавчера умер – сегодня не вспомнили
торг здесь неуместен
ищи ветра в Гугле

* * *

Историки закатывают истерики.
В стеклянные банки данных.
Заливая их маринадом
прокисших (бывших горьких) слез.
С добавлением сухих
крови, спермы, цифр, воды.

И гвоздику кладут в маринад...

Историки закатывают истерики.
Будет чем полакомиться потомкам
долгой бесстрастной зимой...

* * *

Все дети по-своему исключительны.
Некоторые – по правилам о прилагательных.
У Ильи Петровича Чайковского
был *стеклянный* ребенок,
у Ганса Христиана Андерсена – *оловянный*,
у папы Карло – *деревянный*...

Но много ли счастья выпало им в этой жизни,
практикующей бои без правил?

Петр Ильич разбился о быт,
стойкий солдатик
не устоял перед дедовщиной,
Буратино, как стало известно
из огненно-желтой прессы,
сгорел – и не в сказочном очаге,
а на работе...

А ты... Ты купаешься в счастье, малыш.
Но скажи, пенопластовый мой,
ты не боишься утонуть?

* * *

вот так живешь-живешь в местном содоме
пытаешься быть праведником
иногда выходишь за город
в райский сад № 7
где твой участок 666
зарастает змеевидными яблонями

добываешь там любовь насущную
в поте лица и промежности своих

*не успеешь оглянуться
а ты уже соляной столп*

и тебя лижут
языки агнцев
и языки козлиц
огня небесного
и подземного пламени
злые
докиевадоводящие
прикушенные

* * *

Пряники «Славянские».
Круглые, как дураки.
Этикетка:
из муки второго сорта.

*Ага, думаешь ты.
Небось, для «Жидомасонских», фигурных,
не пожалели бы высшего.*

Лучше поразмысли, несчастный,
о занесенном над тобой
гамсуновском кнуте...

* * *

детство
время разбрасывать камни
юность
время разбрасывать палки
молодость
время собирать палки
зрелость
время собирать камни
старость
время готовиться лечь
под камни
и сколоченные крест-накрест палки

* * *

Дали не знал ничего вкуснее морских ежей.
Маресьев не знал ничего вкуснее земных ежей.
Я же не знаю ничего вкуснее
небесных ежей.

Ей-же-ей! Ежей небесных,
холодных колючих *снежей*...

И на что мне ваша иглобрюхая фугу?

* * *

моя пожилая мама поступает точно так,
как воротилы желтых СМИ –
раскручивает грязное белье
(в старенькой «Каме», непосредственно
перед стиркой).

Говорит, *чтобы машине было легче.*

А в вашу поганую машину
сколько ариэлей ни засыпай,
сколько ни заливай ванишей –
легче и чище не будет...

Эй, не видали носки Корамыслова?

@

Солдатушки, бравы ребятаушки,
где же ваши где же?

Наши где же видим мы все реже –
вот где наши где же...

* * *

С. И.

...представить себе, что я лабух,
смешной музыкант юморин –
как будто бы нету елабуг
и в них погребенных марин,
как будто бы нету сергеев
и в них погребенной москвы...
над фугой в кармане фигея,
я так – не играю. А вы?

@

Мы говорливы по привычке,
но только тронь небытиё –
молчим, как луковки в пленичке,
немые пленнички ее.

Хотя и мил душе Лукойе,
но сохнет сказочек запас –
и отлетает шелухой,
хранящей нас...



Маша АБИХ

ученица Первомайской СОШ
имени Героя Советского Союза
А.Н. Сабурова,
г. Ижевск



«В НАШИХ СНАХ СТОЛЬКО МЛЕЧНЫХ ПУТЕЙ...»

Стихотворения

00

жги дни.
забивай под кожу рассветы.
больше думай о мелочах.

скажи сотни «извини».
покупай в ларьках сигареты.
записывай, о чем деревья молчат.

рисуй рывками фонари.
перепевай куплеты.
пародируй улыбками волчат.

проводи кого-то до двери.
пойми, о чем смеются и плачут поэты.
послушай, как качели на цепях рычат.

устрой четверг откровений.
исследуй кометы.
забреди в анонимный чат.

пройди сквозь несколько измерений.
начни верить в приметы.
придумай, что в дверь стучат.

распиши взаимоотношения поколений.
переставь на столе предметы.
философствуй про рай и ад.

тебе все равно засыпать у осени в постели,
искать на свои же вопросы ответы
и молиться,
чтобы не попасть в белизну палат.

* * *

Самолеты в синем небе
Как мои мечты.
Я такой один на свете,
Если рядом ты.

01

Безумство замыкается в точках.
Грехи отпускаются запятыми.
В конверте всего три строчки,
Такие немо-родные.

Ты пишешь о том, что усталость
Тебе не дает прохода,
И о том, что терпеть лишь осталось,
А так неохота.

О том, что ветра бьют сильно.
Сильней, чем ладони женщин.
На ладонях у женщин пыльно,
У них давно болит печень.

О том, что пишут в газетах,
Будто в Москве заместители
Всех главных отделов
Стали совестьносителями.

О том, что страшно в зеркало
Смотреться собачьим взглядом.
И, как бы в глазах ни меркло,
Отчетливо слышать: «Рядом!».

О том, что весна не скоро
И, кажется, вовсе мимо.
Тебе это все до «скорой»,
А там – в больничные мимы.

И дальше, и быстрым, помногу,
Как у Маяковского к Богу.
В три строчки. Без дна и без края.
Две
Точки.
Одна
Запятая.

* * *

Господи, сбрось меня камнем вниз с неба,
Чтобы я разбился, а мать не успела
Купить гвоздики –
 алые, как моя кровь в трещинах асфальта.
Она течет,
 я чувствую запах оттенков смальты.
И не успеет душа
 долететь до ближайшей аптеки.
Господи, пусть меня не заметят.
 Пусть\меня\не\заметят.
Я же маленький,
 я же просто маленький никто.
Я даже не муравей, я даже не моль,
Любимое блюдо которой –
 пальто отца моего.
Прошу, господи, не лишай рано жизни его.
Он еще так молод,
 ему только недавно исполнилось сорок.
Он очень хороший человек,
 поверь мне на слово.
Он мне дорог.
 Правда же, дорог.
Господи, сделай так, чтобы по ручейкам
 крови моей каменной
Дети не пускали караблики жизни
 чужой, правильной.
Пусть они улыбаются и никогда не знают,
 что их отец
Просто камнем разбился,
 выбрав тем самым не лучший конец
 своей книги.
Господи, сделай так, чтобы они просто были –
И дети, и книги.
 И мать и отец жили.
Сделай так,
 чтобы они меня
 никогда не забыли.
 Никогда\не\забыли.
Я, кажется, сделал из пыли свои мечты,
Но, пожалуйста, осуществи их ты,
Ведь ты все можешь,
И ты, конечно же, сможешь.
Я каждый день
 писал тебе на зеркалах заметки,
А ты их читал, я знаю,
 и делал на полях пометки,
А в конце подчеркнул
 и жирным шрифтом выделил:
«Превратить в камень и сбросить с неба».
А я рядом подписал, как увидел:
 «мне бы в небо,
 мне бы, хоть так, –
 в небо...».

* * *

Мы же нью-йоркские хулиганы.
О наших делах не узнают мамы.
И когда им придет извещение
 «опознайте в морге»,
Они не различат, кто это под коркой, –
Мы или зимние птицы,
Упавшие вниз,
Так и не долетев
До границы.

* * *

девочка, надевай потеплее шарф.
не забывай зонт на нижней полке.
выпивай с Эдуардом на брудершафт.
наутро просыпайся в его футболке.
читай сказки про мумий тролля,
такого милого и любимого с детства.
закрашивай в тетрадках поля,
изучай против перхоти новые средства.
люби мальчика из испанского фильма,
рассказывай про него подруге в кухне.
понимай, что сильно-сильно
давит. и скоро все рухнет.
рухнет стопка книг на столе,
рухнет мировоззрение,
рухнут мечты о весне.
но придет вдохновение.
ты спеши, встречай и цени!
обычно оно на цыпочках,
но про себя учти:
носки у вдохновения в дырочках.

* * *

солнечные системы пеленают своих детей.
звездные купола
 принимают запах ладана.
в наших снах столько млечных путей,
сколько вопросов еще не задано.

* * *

я понимаю, что мне никого из вас
 не стоило знать.
стоило сидеть в своей конуре, как тот
 вечно одинокий и тощий пес.
я пишу стихи –
 как писал, так и буду писать.
потому что дефицит слов и слез.



Wilde Jagd. Художник Ася Корепанова.



Татьяна НАБРОДОВА

студентка Литературного
института имени А.М. Горького,
г. Москва

НЕСКОЛЬКО СЦЕН У ДВЕРИ КАБИНЕТА № 212

Пьеса

Действующие лица:
Женщина в платье
Вторая женщина
Высокий худой мужчина

Сцена 1

К двери кабинета № 212 подходит Женщина в платье, осматривается, садится на стул, ожидает. Это женщина средних лет, с маленькой сумочкой и зонтиком того же цвета.

Сцена 2

К двери кабинета № 212 подходит Вторая женщина, осматривается, останавливает взгляд на Женщине в платье и откашливается. Пауза.

Вторая женщина: Простите, кто крайний в кабинет № 212?

Женщина в платье (немного смущенная): Думаю, я. Извините, но... Я думаю, что... Да, думаю, что я.

Вторая женщина (строго): Вы или не вы – не все ли равно? *(Садится).*

Пауза.

Вторая женщина: Простите, кто взял талончик на семь часов? Вы или не вы? Талончик на семь часов?

Женщина в платье: Извините, пожалуйста... Но... Да. Думаю, это сделала я.

Вторая женщина: Вы думаете? Или вы уверены?

Женщина в платье (застенчиво улыбаясь): Ну... Не то, чтобы уверена, но... Наверное, все-таки... Да. Нет, то есть... Поймите меня правильно... Думаю, я взяла этот талончик, который... Ну, понимаете, который на семь часов. Извините, пожалуйста, если что не так...

Вторая женщина (возмущенно): Конечно, не так! Что вы там мямлите? Вы или не вы? Отвечайте без вашего этого кокетства!

Женщина в платье: Да что же мне отвечать, я не понимаю, женщина... Что же вы на меня кричите?..

Вторая женщина: Нет, это просто поразительно! Прекратите вы или нет?

Женщина в платье: Извините, пожалуйста, но я думала...

Вторая женщина: Это вы зря. Надо было просто отвечать. А не кокетничать тут со мной. Ну. Теперь уже поздно.

Женщина в платье (почти в слезах): Извините, пожалуйста, но я не могла понять, чего вы хотите от меня... И поэтому я подумала... Нет, простите, я так виновата перед вами... Я больше так не буду, я теперь поняла, как надо... *(С отчаянием).* Пожалуйста, женщина, спросите у меня что-нибудь еще.

Вторая женщина: Нет-нет, уже поздно. Уже ничего не поправишь.

Женщина в платье: Ну, что вы,

женщина, ну, пожалуйста! Я теперь знаю, как надо, давайте попробуем еще раз!..

В т о р а я ж е н щ и н а: И не просите. Это, в конце концов, неприлично.

Ж е н щ и н а в п л а т ь е: Ну, женщина! Ну, пожалуйста!

В т о р а я ж е н щ и н а: Оставьте меня в покое. Я уже вас раскусила.

Ж е н щ и н а в п л а т ь е (дергает ее за рукав): Ну пожа-алуйста! Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста! Один вопросик, один маленький вопросик! Самый малюсенький, ну просто вот такой (*показывает*), крошечный!

В т о р а я ж е н щ и н а (колеблясь): Что вы тут передо мной ломаетесь? Женщина! Вы думаете, это прилично?

Ж е н щ и н а в п л а т ь е (показывает): Малюсенький, вот такой! Ну пожалуйста-пожалуйста!

В т о р а я ж е н щ и н а (после паузы, строго): Это вы пришли оформить больничный? Отвечайте. Отвечайте немедленно. Вы или не вы?

Ж е н щ и н а в п л а т ь е (после паузы): Эээ... Хм... Ну...

В т о р а я ж е н щ и н а: Вы что, издеваетесь надо мной?!

Ж е н щ и н а в п л а т ь е: Понимаете, я думаю...

В т о р а я ж е н щ и н а: Нет, это невыносимо! Как вам не стыдно?!

Ж е н щ и н а в п л а т ь е: Поймите меня правильно, но мне кажется...

В т о р а я ж е н щ и н а: Теперь вам еще и кажется?!

Ж е н щ и н а в п л а т ь е: Извините меня, пожалуйста...

В т о р а я ж е н щ и н а: Все! Хватит! Вы сведете меня с ума! Замолчите! Замолчите сейчас же, я не могу слышать, как вы мямлите!

Ж е н щ и н а в п л а т ь е: Я просто не совсем понимаю, чего вы от меня хотите...

В т о р а я ж е н щ и н а (кричит, выйдя из себя): Замолчите же, ей богу, иначе я вас чем-нибудь ударю! (*Вскакивает, отсаживается на одно место вправо*).

Пауза.

С ц е н а 3

Входит Высокий худой мужчина в сером костюме и с кейсом. Высокий худой мужчина садится между двумя женщинами и, поворачиваясь то к одной, то к другой, попеременно вздыхает.

В ы с о к и й х у д о й м у ж ч и н а (в очередной раз тяжело вздохнув): Валерий, тридцать пять лет, разведен. Имею дочь Машу, пятнадцать лет, девятый класс. Как вы уже могли понять, в двадцать лет я стал

отцом. Это случилось летом, а точнее, пятнадцатого июня одна тысяча девятьсот девяносто пятого года. С тех пор прошло пятнадцать лет, а точнее, пятнадцать лет, семь месяцев и четыре дня. То есть, это уже почти шестнадцать лет. Почти шестнадцать лет прошло с тех пор, как я стал отцом. Но моей дочери сейчас все-таки пятнадцать лет, потому что ее день рождения пятнадцатого июня, то есть через четыре месяца и двадцать шесть дней.

Ж е н щ и н а в п л а т ь е: Простите, пожалуйста, но я думаю...

В т о р а я ж е н щ и н а: Нет, не прощаем! То, что вы там себе думаете, никого не интересует! Мужчина, продолжайте, вы так хорошо говорите!

В ы с о к и й х у д о й м у ж ч и н а: Мы развелись с женой недавно, а точнее, пять месяцев двенадцать дней назад. Причина развода мне не ясна. Жена говорила, что я сухарь, но смысл этого обидного слова так и не стал мне до конца ясен.

В т о р а я ж е н щ и н а: Сухарь?! Да как она могла?! Назвать человека сухарем – это просто невыносимо! Да и к тому же – с чего она взяла, что вы сухарь?..

В ы с о к и й х у д о й м у ж ч и н а: Простите. Я хотел бы поговорить не о моей жене, а о моей дочери Маше. Потому что разговор о моей жене приносит мне некоторые душевные страдания.

В т о р а я ж е н щ и н а: О, ну конечно! Мы все понимаем, мы не будем вас тревожить! Душевные страдания, надо же! Какой же вы после этого сухарь, скажите на милость?

В ы с о к и й х у д о й м у ж ч и н а: Простите. Но мне не очень приятно, когда вы постоянно повторяете это слово – «сухарь», которое мне не нравится по той причине, что имеет ко мне некоторое отношение.

В т о р а я ж е н щ и н а: Да что вы обижаетесь? Я же наоборот говорю, что вы не сухарь, совсем не сухарь!

В ы с о к и й х у д о й м у ж ч и н а: Ну вот, опять. А ведь я вас просил.

В т о р а я ж е н щ и н а: Да что – «опять»? Я же не называла вас сухарем!

В ы с о к и й х у д о й м у ж ч и н а: Зачем же вы это делаете? Вам что, нравится причинять людям душевные страдания?

В т о р а я ж е н щ и н а: Да при чем здесь я? Ведь это не я, а ваша жена назвала вас сухарем?!

В ы с о к и й х у д о й м у ж ч и н а (вставая): Мне кажется, нам стоит объясниться, пока вы не зашли слишком далеко.

Ж е н щ и н а в п л а т ь е (злорадно): Ой-ой-ой, что же сейчас будет... Мне кажется, то есть, я думаю, то есть, мне видится, что

кое-кто кое с кем не нашел общий язык!

Вторая женщина: А вы вообще молчите! Надоели уже – мямлить!

Женщина в платье: Я не понимаю все-таки, чего вы привязались к несчастному мужчине, чем он вам не угодил?..

Вторая женщина: Да он обвиняет меня, что я называю его сухарем!

Женщина в платье: Так я думаю, стоило бы прекратить это делать хотя бы на время, чтобы он мог остыть. А то посмотрите, какие у него глаза. Кажется, он сердит на вас не на шутку...

Вторая женщина: Но за что?! Я ведь наоборот хотела утешить его, я наоборот говорила ему, что он совсем не сухарь...

Высокий худой мужчина: Послушайте! Женщина! Это уже переходит все границы! Опять вы со своим «сухарем»?

Вторая женщина (вскакивая): Но я ведь ни в чем не виновата!

Высокий худой мужчина: Вины или не виноваты – не все ли равно? Уходите отсюда!

Вторая женщина: Как?! Прямо сейчас?

Высокий худой мужчина: Прямо сейчас! Уходите!

Вторая женщина: Нет уж, извините! (Усаживается). Теперь я останусь!

Высокий худой мужчина: Ну, хорошо! Оставайтесь, женщина! Слышите, что я вам говорю?! Оставайтесь!

Вторая женщина: Это не вы мне говорите, это я сама себе говорю, что я останусь! И вы мне тут не указывайте!

Высокий худой мужчина: Оставайтесь, говорю вам, оставайтесь!

Вторая женщина: А вот захочу – и уйду! (Встает). И не буду оставаться!

Высокий худой мужчина: Так я и говорю вам: уходите! Уходите прочь отсюда, прямо сейчас!

Вторая женщина: Нет, это немыслимо!

Высокий худой мужчина: Вот и я вам говорю: это просто немыслимо!

Вторая женщина: Нет, это я говорю! И вообще: я буду делать то, что сама хочу делать, а не то, что вы мне говорите!

Высокий худой мужчина: Женщина! Я вам приказываю: делайте то, что хотите!

Вторая женщина (уже в слезах): Да вы сумасшедший! Вы буйный!

Пауза. Мужчина гордо садится.

Высокий худой мужчина: Но зато вы больше не называете меня сухарем!

Пауза. Вторая женщина достает платок, вытирает слезы.

Конец

НОВЫЕ КНИГИ



Джон Фаулз. Башня из черного дерева. Москва: Эксмо, 2011. Выдающийся британский постмодернист, автор романов «Коллекционер», «Волхв», «Дэниел Мартин», «Любовница французского лейтенанта», создал, по мнению The Times, «невероятно стимулирующую книгу, с ее богатством образов, уверенным диалогом, глубокими характерами». Ежедневная английская Observer отозвалась еще более категорично: «Башня из черного дерева» снова подтверждает, что Фаулзу нет равных среди нынешних авторов. И заглавная повесть сборника – едва ли не лучшее, что он написал до сих пор». Об искусстве, о любви, о поисках самого себя. «Разумеется, излишества моды, официально поощряемый отход от канонов, поверхностная свобода современного искусства могли ввести в заблуждение кого угодно; но ведь все это проистекало из глубочайшей растерянности, далеко упрятого, но так и не заглохшего до конца сознания истинной несвободы... Возможно, то же самое происходит не только в живописи – в литературе, в музыке. Дэвид не был уверен. Все, что он сейчас чувствовал, было тошнотворное ощущение беды, отчаяние, разочарование в своем искусстве...». Не случайно издательство «Эксмо» выпустило книгу в серии «Интеллектуальный бестселлер».



ПЕРЕВОДЫ

Анатолий ПЕТРОВ

(1953 – 2000)



«ОТЦОВСКИЙ ДОМ. ЛЮБИМЫЙ КРАЙ...»

Стихотворения

* * *

Знать хотите о Каме? Советую вам:
Путь к истоку ее совершите,
Вкус воды родниковой испробуйте там,
Вот тогда – и о Каме скажите!

Об удмуртском народе хотите узнать?
Снова вам мой совет: не спешите,
Постарайтесь в деревне хоть раз побывать,
Познакомиться с Матерью, заночевать.
Вот тогда – о народе скажите!

Перевод с удмуртского В. Игошкина

* * *

Нет тебя сейчас со мною,
Ты в далекой стороне.
Мне с ночью тишиною
Страшно быть наедине.
В темной глубине потемок
Снег белеет за окном.
Хорошо еще, котенок
Не удрал в соседний дом.
У ветров – одна забота:
То они стучат в ворота,
То снежинки в танце кружат,
То басовую струной,
Чтобы тишину разрушить,
Провода звучать научат.
Если этот звук наскучит –
Запою в трубе печной.

Только слышу я, как будто
Стук в окно...
Прошла минута.
Снова стук. Быть может, мимо
Это ты прошел, любимый!
Подошла к окну несмело –
Только снег я разглядела
Сквозь узоры на стекле,
Только белый снег во мгле.
Нет, не ветер разыгрался,
Кто-то там стоит в снегу,
За воротами остался –
Переждать решил пургу.
Выбегаю за ворота
И кричу в пургу я:
кто там?
Но... молчание в ответ,
Никого, конечно, нет.
Сколько силы в этом ветре!
Он с черемуховой ветви
Листья оборвал давно,
Вот она стучит в окно.
У холодного стекла
Хочется и ей тепла.
Деревце мое родное,
Мы до солнечной поры
Будем вместе жить с тобою,
Словно две родных сестры!

Перевод с удмуртского Г. Иванцова

* * *

Коль не бывал в чужих краях,
ты не поймешь тоски томленья.
Она в тебя вселяет страх,
неверие, опустошенье...

Но песня матери твоей
воскреснет в памяти. И тут же
на сердце станет вдруг светлей,
и край родной согреет душу.

Пускай звенит она, пускай
ведет тебя в края родные.
Отцовский дом. Любимый край...
Покинет сын края чужие.

Он в отчий дом издалека
вернется, воскресит улыбки.
И ноша сына так легка –
несет он золотые слитки.

Но эти слитки не в мешках,
не в чемоданах. Слитки эти
сверкают золотом в глазах
и в сердце парня ярко светят.

Лишь здесь, на родине своей,
он вдруг почувствовал острее,
что и звезда, и муравей
родных полей всего милее...

Перевод с удмуртского В. Шленского

* * *

Секыт куректон но
Пыроз сюләмыд,
Бёрдод но ортчоз –
Буйгалод.

Секыт висыны но
Кутскоз сюләмыд,
Эмъюм сётозы –
Йёналод.

Секыт кылгёслэсь но
Чигоз сюләмыд,
Эшгёс лыктозы –
Вунэтод.

Яратон тылжүэн нош
Гомзиз ке сюлмыд,
Уд буйга, уд йёна,
Уд вунэты –
Тод!..

* * *

Тяжкое горе
Зайдет в твое сердце,
Заплачешь, и пройдет –
Успокоишься.

Тяжкая болезнь
Зайдет в твое сердце,
Получишь лекарство –
И выздоровеешь.

От тяжких слов
Обломится сердце твое,
Но придут друзья –
И забудешься.

А если костром зажжется
В сердце любовь,
Не успокоишься, не выздоровеешь,
И не забудешься –
Знай!..

*Подстрочный перевод
с удмуртского В. Ар-Серги*

ПРО АНАТОЛИЯ ПЕТРОВА

Он вошел в историю литературы Удмуртии регулярными публикациями во всех республиканских газетах и журналах периода последней четверти прошлого века, классическим венком сонетов «Ашальчи» в первом номере журнала «Кенеш» за 1999 год, приметным участием в коллективных поэтических сборниках «Пыд улын – музьем» («Под ногами – земля», 1977), «Йыр вадьсын инбам» («Небо над головой», 1984) и неприкаянностью своего жизненного пути.

Его биография складывалась блестяще. Анатолий Андреевич Петров родился 23 марта 1953 года в деревне Большие Сибы Можгинского района Удмуртской АССР. Его мама Екатерина Петровна приходилась родной сестрой известному поэту и режиссеру Михаилу Покчи-Петрову. Толя

с детства воспитывался у бабушки, прекрасно знавшей удмуртский фольклор, с детских лет был восхищен творчеством родного дяди. Во время учебы в средней школе села Можги юноша и сам пробует свое литературное перо. К нему благосклонны и учителя, и одноклассники. Как же! Продолжатель династии Петровых...

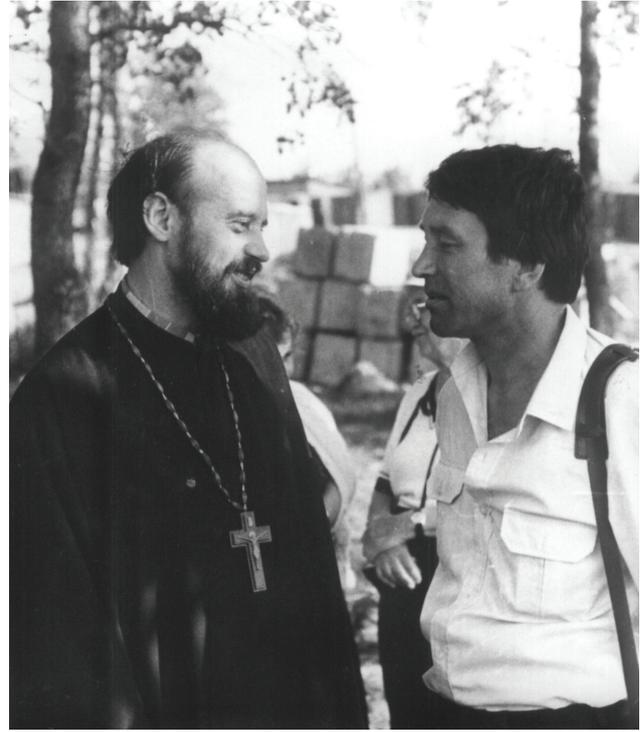
Закончив школу, Анатолий едет в Ижевск для поступления на филологический факультет Удмуртского пединститута. Здесь он ведет обычную студенческую жизнь, живо интересуется наукой, пишет стихи и публикуется. На четвертом курсе он женится на Тамаре Заевой – студентке филологического факультета. Вскоре в молодой семье появляются два чудесных мальчика – двойняшки Паша и Игорь.



Анатолий Петров. 1974 год.
Фотография из семейного архива Петровых.*

В 1975 году Анатолий Петров становится корреспондентом Удмуртского радио. Его тепло принимает близкий друг дяди известный поэт Гай Сабитов и оказывает всяческую поддержку. Вскоре семья журналиста Петрова получает квартиру на улице Труда. Кажется, жизненная база человека налажена, можно подумать о вещах великих и нетленных. И Петров работает от души – красиво, ярко, умело. Его авторские программы и репортажи с мест звучат не только по местному, но и по союзному радио. Он готовит первую книгу стихов. С рукописью этой книги (в подстрочнике) он едет в Ашхабад, чтобы участвовать во Всесоюзном поэтическом фестивале. Столичные мэтры тепло принимают его стихи, настоянные на самобытнейшей основе удмуртского фольклора...

Анатолий Петров принадлежал к племени традиционных, истинно народных удмуртских стихослагателей. Он продолжал поэтическую стезю Степана Широбокова, Гая Сабитова, Михаила Петрова и Михаила Покчи-Петрова. Анатолий Петров



Анатолий Петров с батюшкой Соловецкого храма. 1979 год. Фотография из семейного архива Петровых.

остался верным себе и тогда, когда многие поэты пошли за ломаным стихом и европеизированной недосказанностью Флора Васильева, зазвучавшего по всей стране в переводах. Ему прочил прекрасное будущее известный литературовед Петр Поздеев...

Переводить Анатолия Петрова на русский язык очень трудно. Он работал на сугубо национальных интонациях, многое теряющих в переводе. Но именно эти интонации на родном языке милы удмуртскому сердцу – куда более милы, чем многие эскизы и пассажи.

Он не искал новых тем, разрабатывая традиционные для удмуртской поэзии, но именно в своем их понимании. В освещении темы любви к родине, увы, не чуждался и маски декларативности – «как все». Но он писал свои стихи на удмуртском языке именно для удмурта, мало заботясь об их «вселенскости». И его стихи становились для читателей предметами, так сказать, простой первой необходимости – такими же, как соль, вода, ржаной хлеб, безыскусная народная песня...

Вячеслав Ар-Серги

*Редакция благодарит Тамару Михайловну Заеву-Петрову за предоставленные фотографии и журналиста ВГТРК «Удмуртия» Владимира Михайлова за помощь в подготовке публикации.



Наталья ТУЛЯКОВА

кандидат филологических наук,
доцент Российского государственного
университета имени А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург

ЖАНР ЛЕГЕНДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ НАТЭНИЭЛЯ ГОТОРНА

Жанр легенды в XIX и XX веках становится одним из самых востребованных в западной литературе; в нем так или иначе пробуют себя многие выдающиеся писатели – поэты, прозаики, драматурги. Обилие произведений, названных авторами легендами, говорит само за себя. Публикуются как циклы легенд, так и отдельные произведения; легенды входят в авторские сборники; появляются исторические легенды, романы-легенды, драматические легенды, поэтические легенды; легенды включаются в романы, книги очерков, путевые заметки. Жанровая принадлежность этих текстов остро ощущается авторами, которые дают им название или подзаголовок «легенда». Среди авторов легенд можно назвать А.И. Герцена, В.Г. Короленко, Н.С. Лескова, Д.Н. Мамина-Сибиряка, Л.Н. Толстого, А.И. Куприна, И.А. Бунина, А.С. Грина, Г. Келлера, Г. Флобера, У. Теккерея, С. Лагерлеф, А. Стриндберга, С. Цвейга, Ш. де Костера, В. Гюго, А. Доде, Г. Беккера, А. Франса, В. Ирвинга, Н. Готорна, Ф. Гарта, М. Твена. И практически во всех случаях легенды стоят особняком в творчестве своих создателей, выделяясь своей стилистикой и тематикой.

Легенда, исконно фольклорный жанр или жанр средневековой религиозной литературы, в литературу светскую проникает двумя путями: через соединение светских жанров с религиозными и через взаимодействие литературных жанров с фольклорными. (Т.В. Зуева. Легенда // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПЦ «Интелвак», 2001. Стлб. 432).

Однако этот процесс оказывается достаточно длительным, и в литературу Нового времени легенда входит не как устоявшееся жанровое образование, но прежде всего в виде сюжетов, мотивов, образов, которые в новом контексте образуют отличное от канона повествование.

В XIX веке легенда принимает самые

разнообразные формы, находя себе место во всех литературных родах – драме, поэзии и эпосе; она может быть «произведением любого объема – от притчеобразной новеллы до повести и романа». (А.А. Горелов. Н.С. Лесков и народная культура. Л.: Наука, 1988. С. 272). Получая в разных национальных литературах своеобразное звучание и трактовку, доминирующие мотивы или способ мировосприятия, авторская легенда, однако, сохраняет при всем богатстве плана выражения типичные для жанра черты, что вызвано единством плана содержания. Для литературной легенды характерен особый тип отношений героя и мира, специфика которого заключается в познании героем законов бытия, оказывающихся извечными и неизблемыми для всех времен. Наполнение этой схемы не одинаково: законы представляют собой этические, религиозные, социальные нормы; авторское отношение к ним варьируется от радостного, позитивного до трагически-безысходного; способ познания законов может быть реалистическим, интуитивным, сказочно-фантастическим, а результатом – счастье, сумасшествие, смерть. Несмотря на это разнообразие трактовок, именно предопределенность человеческой жизни некими раз и навсегда установленными законами является смысловым стержнем литературной легенды.

В литературе XIX века легенда представлена тремя основными вариантами, использующими разные источники образности. Это легенды религиозные, продолжающие агиографическую традицию; нерелигиозные, имеющие фольклорную основу; и смешанный тип, в котором в равной степени представлены и фольклорный, и религиозный варианты жанра. В настоящей статье будут рассмотрены некоторые легенды, относящиеся ко второму типу, к нерелигиозной легенде.

Хотя европейская традиция богата

фольклорными легендами, в XIX веке авторская нерелигиозная легенда гораздо шире представлена в американской литературе, в творчестве Вашингтона Ирвинга, Натаниэля Готорна, Френсиса Брета Гарта и Марка Твена. В американской литературе традиция нерелигиозных легенд берет свое начало от Ирвинга, причем вдохновение он черпает именно в европейском фольклоре, перенося его во многих случаях, за некоторыми исключениями, на американскую почву. Чаще всего Ирвинг помещает свои легенды в неоднородный контекст, в книгу описательного, очеркового характера: «Брейсбридж Холл» (Bracebridge Hall), «Книга эскизов» (Sketchbook of Geoffrey Crayon), хотя возможно включение легенд в сборники авантюрного, новеллистического характера, например, в «Рассказы путешественника» (Tales of a Traveler). Нарочито бесфабульное окружение подчеркивает сюжетный характер легенд, выделяет хромотопически, делает смысловыми легенды центрами сборников. Легенды в сборниках Ирвинга являются прорывом в сказочную реальность, нехарактерную для американской действительности.

Литература США XIX века во многом противопоставляла себя европейской: это была и обида на мнение европейцев о том, что перо американец может только воткнуть себе в голову, как писал Ирвинг, и стремление избавиться от глупых суеверий и предрассудков Старого света; но с другой стороны, в творчестве американских писателей очевидна тоска по европейской старине, желание найти ее в Новом свете.

Легенды Ирвинга в полной мере используют сказочный потенциал, заложенный в легенде, в то же время в них чувствуется авторская ирония по отношению к материалу, выражающаяся в сложной системе рассказчиков, которая позволяет автору занять отстраненную позицию. Помимо этого, легенды обретают не только новое место действия (США), но и укореняются во времени, задействуют исторические персонажи, связываются с историей страны.

Развитие метаповествовательных элементов и исторической подоплеку текстов легендарного характера наблюдается в творчестве Натаниэля Готорна, который, как и большинство американских романтиков, уделял особое внимание новеллистике. Подобно рассказам Ирвинга, большинство новелл Готорна сначала появилось в периодических изданиях, после чего автор публиковал их снова как отдельные книги. Более того, он перепечатывал сборники, добавляя туда новые рассказы. Помимо этого, несколько сборников было издано после его смерти.

Говорить о единстве замысла циклов достаточно трудно, однако в жанровом отношении они представляют собой тяготеющие к некоторым тенденциям сборники, о чем свидетельствуют как жанровая рецепция и авторецепция, так и анализ сборников.

С одной стороны, сборники Готорна тяготеют к полижанровости, представляя собой сплав нескольких жанровых форм. Среди произведений малого жанра Готорна исследователи традиционно выделяют несколько жанровых типов, предлагая различные классификации. С другой стороны, практически все исследователи обращают внимание на то, что Готорн использовал несколько жанровых образцов для создания принципиально новой национальной разновидности жанра новеллы. Этими простейшими жанровыми формами являются скетч (очерк), легенда, сказка, притча, аллегория, миф, предание. Соединяясь с «устной историей», они дают новый жанр новеллы. Выделение новеллы и очерка является генерализованным разделением рассказов на фабульные и нефабульные. В основе первых лежат сказка, легенда, предание, миф, они часто включают фантастический элемент, который может трактоваться по-разному в связи с романтической двойственностью мотивировок. В основе второй группы лежат притча, аллегория, скетч, очерк, и они представляют собой тексты описательного, а не нарративного характера.

Подобное полижанровое объединение, активно используемое в литературе XIX века (А. Доде, А. Франс, Д.Н. Мамин-Сибиряк), позволяет соединить динамику и статику (Н.С. Кузнецова. *Художественное время в ранней новеллистике Натаниэля Готорна (1830–1839): автореферат диссертации кандидата филологических наук.* СПб., 1995. С. 19) и продемонстрировать единые принципы готорновского мировоззрения, а также создать особую концепцию времени. В художественном времени сборников Готорна сосуществуют история, современность и вечность (Н. Готорн. *Легенды Губернаторского дома // Готорн Н. Избранные произведения в 2-х томах.* Л.: Художественная литература, 1982. Т. 2. С. 10), как благодаря особенностям построения каждого отдельного произведения, так и благодаря их объединению.

Малая проза Готорна изобилует метаповествовательными элементами. Автор использует сложную систему рассказчиков, что позволяет вводить косвенные определения жанра. «Благодаря искусному приему использования рамочной композиции и усложненной структуре образа автора все представленные в сборнике жанровые

формы оказались внутри единого поля авторских интенций». (Э.А. Старкова. Проблемы поэтики малой прозы Н. Готорна (на материале сборников «Дедушкино кресло», «Книга чудес», «Истории Тэнглвуда»): автореферат диссертации кандидата филологических наук. М., 2009. С. 19). Повествователь имеет возможность выразить свою точку зрения в раме, начальный, финальный или оба элемента которой присутствуют примерно в половине текстов. «Готорн не создает развернутой концепции жанра рассказа, вместе с тем, в общей системе художественно-эстетических воззрений писателя наблюдения над жанровыми разновидностями занимают существенное место. ...Готорн тщательно подбирает определения для отдельных форм – рассказа, скетча, легенды, сказки, притчи, аллегории, и художественный язык его произведений воплощает эти искания». (Там же. С. 7).

Осмысление законов жанра легенды также реализуется Готорном посредством метаописательных элементов, присутствующих практически во всех текстах. Так, названия различных жанров малой прозы получают в тексте атрибутивные определения. Что касается легенды, то атрибуты к слову «легенда» характеризуют жанр как необычный тип повествования: неслыханная (*fabulous*), сомнительная (*doubtful*), необычная (*singular*), ужасающая (*terror-stricken*), поэтичная (*poetical*), чудесная (*marvelous, miraculous*).

Среди новелл Готорна встречаются тексты с подзаголовком «*legend*»: «Холок. Назидательная сказка» (*Feathertop. A Moralized Legend*) из сборника «Мхи старой усадьбы» (*Mosses of the Old Manse*), «Утренняя судьба. Красивая легенда» (*Threefold Destiny. A Faery Legend*) из «Дважды рассказанных историй» (*Twice-Told Tales*), а также такие, которые определяются как «легенда» внутри самого текста. Среди них – «Каменный человек: Притча» (*The Man of Adamant: an Apologue*), «Честолюбивый гость» (*The Ambitious Guest*), «Великий Карбункул» (*The Great Carbuncle*). Можно заметить, что большинство произведений, определяемых прямо или косвенно как легенды, входят в сборник «Дважды рассказанные истории».

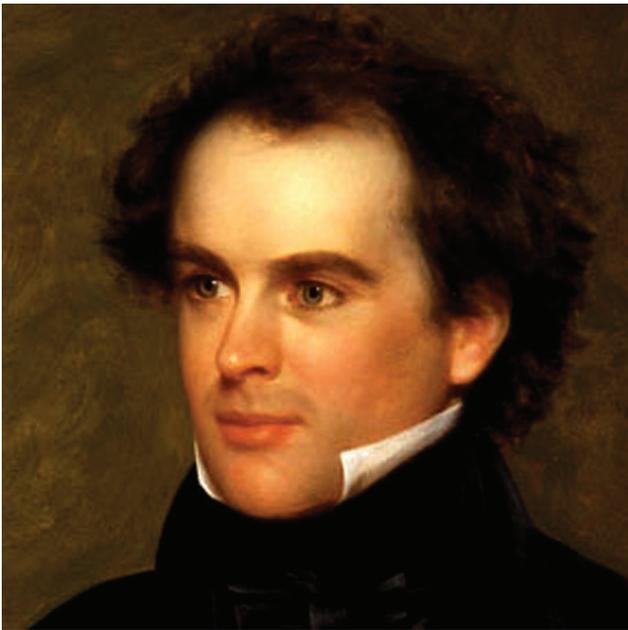
По признанию самого автора в предисловии к сборнику, рассказы из него были ранее опубликованы в различных журналах, то есть не составляют одного целого, а скорее отражают мировоззрение автора. Однако при жанровом разнообразии произведений, входящих в сборник, в нем выделяется цикл «Легенды Губернаторского дома» (*Legends of the Province House*), кото-

рый задумывался, был написан и опубликован именно как единое произведение и демонстрирует высокую степень гомогенности материала. В первое издание «Дважды рассказанных историй» «Легенды Губернаторского дома» не вошли, но как отдельный цикл, вне контекста, автором не рассматривались. Цикл состоит из четырех легенд, объединенных рассказчиками, хронотопом рамы и самих легенд, системой образов, общей интенцией.

Первая легенда цикла, «Маскарад у генерала Хоу» (*Howe's Masquerade*), вводит сложную систему рассказчиков. Это непосредственно персонифицированный повествователь и посетитель трактира, первый рассказчик, пока еще безымянный. Бостонское здание, привлекающее внимание повествователя, оказывается связанным с различными историческими событиями в силу своей значимости (в нем жили губернаторы колонии), а также с многочисленными мистическими событиями, которые породили множество мрачных легенд.

Первая повествует о маскараде, устроенном сэром Уильямом Хоу, генералом британской армии, на который таинственным образом являются люди из прошлого. Эти люди-призраки символизируют принципы свободы и демократии, с которых начиналась история США и на которые покусилась Британия. Прошлое воскрешается как напоминание о предательстве идеалов, мистическое свидетельство грядущего наказания. Бал-маскарад, описанный в легенде, стал последним, устроенным британцами. Предмет легенды – оживление прошлого и восприятие этого окружающими. Как обычно в легенде, находится скептик, в данном случае сэр Уильям Хоу, который воспринимает происходящие мистические события с материальной точки зрения, пока жизнь не убеждает его в обратном. Есть персонажи, имеющие тесную связь с загадочной стороной жизни. В этой легенде ими являются полковник Джолиф с внучкой, единственные противники английского правления на маскараде в Бостоне. Несколько персонажей, например, доктор Байлз, занимают промежуточную позицию.

Рассказчик так же занимает промежуточную позицию между материальной и мистической трактовками событий, колеблется, упоминая, что «ходили потом слухи, что старому полковнику и его спутнице было кое-что известно о тайне представления на лестнице Губернаторского дома». (Н. Готорн. Легенды Губернаторского дома // Готорн Н. Избранные произведения в 2-х томах. Л.: Художественная литература, 1982. Т. 2. С. 187). Легенда в первом рас-



Писатель Натаниэль Готорн.

сказе для него является игрой, способом расцветить унылые будни. Усилием воли он пытается заставить себя увидеть в настоящем прошлое, что не всегда получается: «Когда умолк так искренне звучащий голос рассказчика, я перевел дух и оглянулся по сторонам, всей силой своего воображения стремясь увидеть на том, что меня окружало, хотя бы тень овеянных поэзией и славой событий прошлого... Да, правду сказать, трудное это, почти безнадежное дело – пытаться набросить волшебный флер старины на то, что так или иначе затронуто живым дыханием нынешнего дня». (Там же. С. 188). Услышанную легенду рассказчик расцветивает собственными деталями, в чем охотно сознается: «...Не будучи убежден в достоверной точности услышанного, я не счел зазорным внести и от себя кое-какие изменения к пользе и удовольствию моих читателей». (Там же. С. 178).

В следующей легенде, «Портрет Эдуарда Рэндолфа» (Edward Randolph's Portrait), рассказчику не приходится уже совершать столько усилий для того, чтобы соединить настоящее с прошлым в своем воображении. Прошлое четче вырисовывается перед его глазами, как и облик мистера Бела Тиффани, – именно так наконец представляется знаток легенд. В центре повествования на этот раз – загадочный портрет, связывающий два пласта времени, поскольку он запечатлевает прошлое так, чтобы каждый мог видеть его. Однако в данной легенде портрет покрыт завесой тайны, изображения не видно, что призвано символизировать забвение ошибок прошлого и возможность их повторения. Портрет окутан множеством слухов: изображенный на

нем Эдуард Рэндолф, как полагают, связался с дьяволом и предал свободу своего народа. Юные родственники губернатора Томаса Хатчинсона, убежденного монархиста, предупреждают его о возможном повторении ошибки Рэндолфа. Когда изображение на портрете в момент подписания бумаг, разрешающих ввод британских войск в Бостон и развязавших Бостонскую резню, стало видимым всем, это было воспринято как дело рук Эллис, племянницы Хатчинсона. Рассказчик ни опровергает, ни подтверждает эту версию, – таким образом, остаются два варианта трактовки событий: прагматический и чудесный. Слова, произнесенные на смертном одре Хатчинсоном, говорят о его убежденности в последнем: «Когда далеко за океаном он почувствовал приближение своего смертного часа, он, задыхаясь, прохрипел, что в горле у него клокочет кровь невинных жертв Бостонской бойни; и Фрэнсис Линкольн, бывший комендант Уильямского форта, стоя у изголовья умирающего, был потрясен сходством его безумного взгляда со взглядом Эдуарда Рэндолфа. Кто знает, – может быть, его сломленный дух почувствовал наконец в этот страшный час, как невыносимо бремя народного проклятия?». (Там же. С. 199).

Третья легенда, «Мантилья леди Элинора» (Lady Eleanor's Mantle), рисует увеличение круга любителей легенд и старины. К Томасу Уэйту, повествователю, и мистру Бела Тиффани присоединяется третий слушатель. Легенда подводит читателя все ближе к современности – к середине XIX века, когда в Бостон прибывает из Англии прекрасная родственница губернатора леди Элинора. Ее совершенная красота привлекает, но жестокая гордыня отталкивает. Мантилья девушки, предмет всеобщей зависти и восхищения, таит в себе смертельную опасность, поскольку заражена чумой, которая уносит множество жизней в Бостоне, в том числе, – и жизнь самой леди Элинора. Ритуальное сожжение мантильи и чучела Элинора совпадает с окончанием эпидемии. В этой самой драматичной легенде цикла Готорн активно использует суггестию, нагнетание обстановки при помощи многочисленных предупреждений о грозящей опасности, высказываемых Джервасом, поклонником леди Элинора, доктором и самой природой или жизнью: во время прибытия леди Элинора раздаются похоронный звон, ее окружают четверо всадников, четверо поклонников во время бала, что является явной аллюзией на Апокалипсис. Повествователь в этой легенде демонстрирует уже полную убежденность в правдивости легенды, от его прежнего, несколько

скептического отношения, не остается и следа: «Что касается до меня, то я знаю, с какой придирчивой тщательностью проверяет мистер Тиффани достоверность фактов, прежде чем предать их гласности; и мое доверие к нему ни на волос не увеличилось бы, будь он на деле очевидцем жизни и страданий несчастной леди Элинор. Конечно, могут отыскаться скептики, которые потребуют вещественных доказательств, – например, предложат мистеру Тиффани предъявить знаменитую мантилью, позабыв о том, что, благодарение богу, она сгорела дотла!». (Там же. С. 214).

В последней легенде цикла, названной «Старая Эстер Дадли» (Old Esther Dudley), рассказчик сменяется: вместо мистера Тиффани в его роли выступает старый верноподданный, появившийся в предыдущей легенде, но по-прежнему безымянный. Повествователь еще более настаивает на необходимости внесения изменений в рассказ, характеризуя его изначальный вариант как очерк: «Сама история – всего лишь беглый набросок; в ней нет ни затейливого сюжета, ни увлекательного развития событий, но она – если только мне удалось верно ее передать – навеивает то же печально-задумчивое настроение, которое охватывает любого прохожего, ненароком оказавшегося под сенью Губернаторского дома». (Там же. С. 216). Теперь рассказчик сам может создавать легенду из сырого материала, из действительности, видеть в реальности ее истинный, мистический смысл.

Вновь главной темой становится пребывание прошлого в настоящем, в данном случае в лице старой Эстер Дадли, чья судьба – не уходить из Губернаторского дома, пока его не покинет последний губернатор. Фигура старой женщины окружена легендами о том, что она может вызвать духов умерших губернаторов и их современников. Для детей, посещающих Губернаторский дом, эти легенды являются реальностью. Они говорят родителям, что видели всех гостей Эстер, и для лжи у них нет никакой причины. В лице детей настоящее соприкасается с прошлым. Однако эти гости живы, только пока Эстер говорит о них. Смерть не властна над нею, и Эстер не умирает до тех пор, пока не прибывает человек, которого она принимает за губернатора. Он действительно оказывается губернатором, более того, знакомым ей, но – врагом королевской власти. Ее передача ему ключей становится символической.

В последней легенде цикла повествователь уже выказывает полную уверенность в действительном существовании всего описанного, его нефикциональном харак-

тере: «Здесь, в этом самом доме, в этой самой зале вершилась когда-то история, и необозримые пласты ее дробились на часы, которые отсчитывал все тот же полнозвучный голос... Мы за минувший вечер успели так углубиться в воспоминания, что бой часов прозвучал для нас как бы из прошлого века, и мы нисколько не удивились бы, если б перед нами появилась, шурша кринолином, тень старой Эстер Дадли, всегда обходившей дом в ночную пору; и, подчиняясь ее молчаливому приказу, мы загасили бы уголья, еще тлевшие в камине, и тихо отправились бы восвояси, предоставив Губернаторский дом в полное распоряжение его многолетней хранительнице и прочим призракам». (Там же. С. 226).

Легенды в интерпретации Готорна сохраняют иронию, достаточно далекую от юмора, уже как иронию романтического характера. Персонажи сборника возрождают жанр легенды; многоамочная конструкция позволяет самому автору максимально отстраниться от описываемых событий. Тем не менее, очевидно стремление рассказчиков убежать от современности в мир прошлого, населив этот мир легендами и преданиями.

Несмотря на смену рассказчиков, в цикле присутствует хронотопическое единство, единство персонажей, ряд сквозных мотивов. Кроме того, на уровне всего цикла можно проследить развитие сюжета на более высоком уровне, чем сюжет отдельных произведений. В цикле сталкиваются по законам романтического повествования два типа действительности, и к концу сборника именно чужой мир становится для повествователя все более реальным, что видно на всех уровнях текста.

Готорн создает особый тип легенды, свойственный в большей степени американской, чем европейской традиции, – легенды, осмысляющей исторический материал в контексте библейских категорий. Легенды Готорна чрезвычайно историчны; необычна их связь именно с новейшей историей. Легенда объясняет историю, врывается в нее, обнаруживает связь преходящих исторических событий, мотивов, интересов с вечными законами бытия, которые при необходимости проявят себя – чаще всего в виде возмездия. Законы, нарушаемые историческими персонажами, – извечные, по мысли Готорна, этические законы, в соответствии с которыми и караются в его легендах два самых страшных греха: гордыня и предательство.

Локальная привязанность является обязательным условием существования легенды; место обладает способностью кон-

центрировать в себе все имеющие к нему отношение события, то есть время. Говоря об исторических событиях, Готорн избегает датировки, ориентированность художественного времени достигается имплицитно, через упоминание исторических лиц, косвенные указания. Тем не менее, категория времени чрезвычайно важна для новеллистики Готорна, так как она «в своем философском значении служит писателю для воплощения идеи о взаимосвязи между реальными и трансцендентными сущностями бытия и о принципиальной возможности познания и воплощения идеального в реальном». (Н.С. Кузнецова. Художественное время в ранней новеллистике Натаниэля Готорна (1830–1839): автореферат диссертации кандидата филологических наук. СПб., 1995. С. 16).

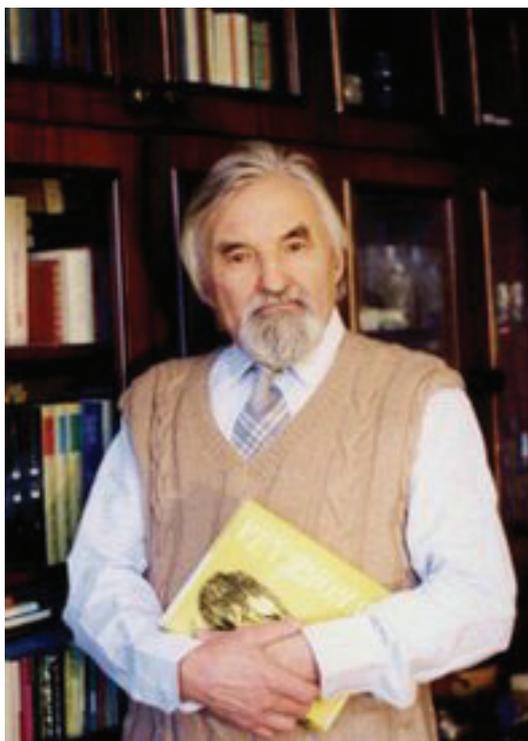
Однако подобный тип времени характерен не для всех легенд данного вида. Другие готорновские легенды демонстрируют меньшую степень «историзации» повествования и большую склонность к аллегории. Способ сосуществования различных временных пластов в них роднит легенду с притчей, параболой, сказкой, однако тип пространства остается неизменным: как в «Легендах Губернаторского дома» и легендах Ирвинга, это знакомое читателю, узнаваемое, домашнее пространство. «Хохолок» демонстрирует черты параболы – иносказания, оформленного, якобы, по законам легенды. Готорн использует традиционный романтический сюжет оживления куклы и показывает недостатки современного ему человека в аллегорической форме, при этом четко выраженной фабулы нет.

В 1848 году в «Американских записных книжках» Готорн сделал набросок касательно этой легенды, где изложил ее содержание: «Современный волшебник сотворил некое подобие человека с двумя колышками вместо ног, с тыквой вместо головы и так далее, – словом, из самых грубых и скудных материалов. Затем портной помогает ему завершить труды и наряжает это чучело, превращая его в настоящего денди... В конце рассказа, после того, как все долго пребывали в заблуждении, чары рассеиваются, и седовласый денди оказывается всего лишь костюмом, напяленным на деревянный каркас. Во время его воображаемого существования должны проявляться какие-то черточки и признаки, которые у человека, наделенного наблюдательностью и интуицией, не оставят сомнений в том, что это просто разодетая деревянная

кукла, без сердца, без души, без интеллекта. И, таким образом, эта жалкая старая рухлядь должна стать аллегорией целого класса». (Н. Готорн. Из «Американских записных книжек» // Готорн Н. Избранные произведения в 2-х томах. Л.: Художественная литература, 1982. Т. 2. С. 457).

С легендой эту параболу роднит элемент чудесного (ведьма, оживление чучела, волшебная трубка, волшебное зеркало), лишенный мистической, пугающей окраски, так как они помещены в знакомое, «одомашненное» пространство: «А надо сказать, что матушка Ригби (что, вероятно, ни для кого не было тайной) являлась одной из самых ловких ведьм в Новой Англии и обладала самыми могучими чарами, так что ей ничего не стоило смастерить чучело достаточно безобразное, чтобы напугать самого священника». (Н. Готорн. Хохолок // Готорн Н. Избранные произведения в 2-х томах. Л.: Художественная литература, 1982. Т. 2. С. 399). Идея легенды не нова: современный человек менее способен отличить правду от фальши, чем чучело, которое может понять истину. «Хохолок, в свою очередь, взглянул в зеркало и там вдруг увидел не иллюзорный блеск своей внешности, а лоскутное убожество своей истинной сущности, лишенное всякого волшебства». (Там же. С. 418).

«Утроенная судьба» повторяет новалисовскую концепцию присутствия идеала в повседневности, столь отчетливо выраженную в сказке о Гиацинте. В раме автор осмысливает вопросы жанра и рисует строгую оппозицию между повседневным, обыденным и сказочным, легендарным. Изначально принадлежащее сфере формы, это противопоставление переносится в содержание истории. Ральф Крэнфилд посвящает долгие годы поискам любви, богатства и признания, уверенный, что может обрести их только в далеких странах, пережив всевозможные приключения и получив особые знаки судьбы. Возвратившись домой, в повседневность, он обретает все, что так долго искал и не мог найти. Легенда предстает прежде всего как повествование о чудесном событии, которое находит себе место не только в сказке, но и в повседневной жизни, в истории. Оно врывается в обыденность и напоминает об извечных законах бытия, о которых люди забывают, нарушая этические нормы. Счастливо разрешаясь в сюжете, конфликт обыденного и чудесного обобщается гармоничным взаимодействием в форме «tale» – жанра, совмещающего, по мысли Готорна, эти противоположности.



Алексей ЕРМОЛАЕВ

(1934 – 2006)

известный удмуртский критик,
литературовед, текстолог,
внесший значительный вклад
в развитие удмуртской
литературы и критики

Эти выборочные заметки писались в 1994 – 2003 годах, когда Алексей Афанасьевич Ермолаев готовил к изданию том Флора Васильева на русском языке «Стихотворения» (2005), книгу на удмуртском и русском «Кытын ке но бордэ тылобурдо» («А где-то плачет птица», 2004) и работал над предисловиями. Но предлагаемые заметки в те предисловия не вошли.
Нина Ермолаева

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК О ФЛОРЕ ВАСИЛЬЕВЕ

Что касается Флора Васильева, поучителен тот мысленный путь, которым он идет к своим образам.

Надо обязательно продумать и изучить темы: 1. Возраст – осень – «Задуматься пришла пора»... 2. Дороги, работа, жизнь.

У Флора это интересно.

Сопоставить стихотворения первые и последние – становится заметным развитие лирики Флора. Если в первых можно отметить остроту зрения поэта, его способность из малых деталей наблюдений сделать неожиданные выводы, то в последних стихах сами наблюдения проникают в глубины жизни – или исторические, или психологические, а нередко и философские. Из глубоких наблюдений над жизнью своего народа делаются и глубокие художественные обобщения.

Но мне никак не удается установить какие-либо границы изменений в творчестве. Эти переходы у него очень тонки и постепенны, без каких-либо резких отрицаний прежних находок.

Отметить преобладание мысли, разговорной, тихой беседной интонации стиха. Да и отказ от патетики отмечен исключительно точно: «открытие будней после

праздников, подробностей жизни, подлинно человеческого мира».

Поэзия мысли и тихих душевных бесед, может быть, – в название статьи.

Написать о том, как шел Флор Васильев от лозунгово-патриотических стихов к душевно-лирическим, к разговорной интонации.

Большой партийный и общественный деятель и довольно интимный поэт. Как это сочеталось в нем? Раздвоение? Единство противоположностей? А, может, все-таки антагонистическое это противоречие раздирало его?

В удмуртской критике сложился довольно-таки устойчивый стереотип насчет генеалогии творчества Флора Васильева, сводящийся к следующему: он учился у старших поэтов своего народа, затем набрался у многонациональных поэтов Союза, а совершенствовать лирику ему помогли русские переводчики. Как к этому отнестись мне? Во всякой схеме, очевидно, присутствует доля правды: что за творческая личность без освоения опыта классики и современных талантов? Такого поэта и представить невозможно, сразу надо помещать в кунсткамеру анахронизмов.

Но, с другой стороны, едва ли серьезно можно объяснить появление таланта только внешними влияниями. Чтобы создать свою, оригинальную поэзию, как минимум, наверное, необходима одаренная личность, способная в то же время впитать в себя опыт поколений и сверстников. Впитать, чтобы преломить этот опыт через свою душу. И, очевидно, только для поэта ищущего, оригинального, талантливое воздействие больших художников плодотворно.

Итак, возникла и держит меня тема: освоение чужого опыта.

Дело вовсе не в подчинении иным культурным традициям, но, напротив, в том, чтобы присвоить (приобрести?) себе мировые культурные ценности, подчинить их своим национальным интересам.

Это приложимо как к первоначальному периоду развития удмуртской лирики (когда делались очень вольные переложения русской классики, стихов поэтов братских республик: Янка Купала – Кузубай Герд), так и к позднейшим освоениям Флора Васильева (Межелайтис, Кулиев, Карим и многие современные русские поэты). Но это разные стадии освоения. Разобраться глубже!

Когда анализируешь творчество поэта, важное значение имеет анализ культурной среды, непосредственно окружавшей поэта.

Надо проследить развитие национального сознания лирического героя Флора Васильева. Это не только использование народных примет, народной мудрости, но нечто большее. Исследовать вот это большее! Осознание себя частицей ограниченной общности (национальной, удмуртской), соотнесение себя со всей полнотой национальной жизни.

Черемуху у дома посади.

Доброе слово три года греет.

Из но му но пилиське но.

Дерево посади, дом построй, сына вырасти.

В то же время осознание себя как частицы общего.

И еще одна ипостась! Часть целого мира, вселенной, эпохи: «Я грузчик твой, эпоха». Космизм, но и «минута», то есть общая мораль.

Возрождение. Национальное и интернациональное. На той стадии развития, которая называется Возрождением, происходит двухсторонний и двуединый процесс: национального самосознания и одновременно приобщения к мировой культуре. Народ – и поэт как его выразитель – может осознать себя как самобытную целостность лишь лицом к многоликости человечества и к его, то есть мировой, культуре. Но освоить многообразие всечеловеческой культуры народ – и его поэт – не сможет, если не

осознает свою собственную неповторимую сущность. Вот это осознал Флор Васильев и своей поэзией вел к этому осознанию свой удмуртский народ. В этом он велик и многозначен.

Видимо, с осознанием своего новаторского (нетрадиционного) творчества и связан у Флора отбор произведений для публикации. Многие стихи, написанные, как и все, на удмуртском языке, публиковались сначала в русском переводе.

Нетрадиционный для удмуртского поэта путь развития – через освоение мирового опыта к родному фольклору, а не наоборот – приводил к весьма сложным взаимоотношениям как с удмуртскими писателями старшего поколения, так и с читателями. Оттого сначала признание получил в Москве, а затем уже в Удмуртии.

Очевидно, что творчество Флора Васильева – предвестие перелома в пути удмуртской поэзии, может быть, и всей литературы: вместе с Красильниковым.

Необходимо прояснить в связи с этим утверждение мифологического мышления (язычник, разговор с деревьями, травами, родниками, оды иронические и так далее).

Тема: за все в ответе. Перед временем, перед родиной, перед деревней, перед матерью...

И примыкающая тема: «Знаю только я» («Чем пахнут васильки в краю родном...»).

Для Флора Васильева деревня Бердыши, речка Моя стали той «маленькой почтовой маркой родной земли», на которой отразились все тревоги и радости бытия всего мира. Поэтому стихи эти наполнились глубоким философским содержанием.

У Флора – ярко выраженный идеал, почти всегда сочетающийся с гармонией природы, доведенной в отдельных картинах до идиллии. Но поэт ясно начинает видеть, что до мечтаемой идиллии и природе далеко. Даже ель, желая оберечь траву и укрывая ее своими густыми ветвями от дождя и солнца, тем ее губит, а затем злится на одиночество, в котором сама виновата («На дороге росла ель»). Возникает проблема дисгармонии и в природе.

Распространенная антитеза: равнодушная природа и враждующий с ней человек. Но Флор Васильев приходит к другой антитезе: не равнодушная природа, а сочувствующая и помогающая человеку; человек же подчас враждебен природе.

Разрыв человека и природы не сводится лишь к вопросу о защите окружающей среды. Высвечивается проблема утраты физической почвы для развития всех аспектов деятельности человека, следовательно, и для создаваемой им литературы. Флор Ва-

силев не боится ставить глобальные вопросы и предлагать свои на них ответы.

Психология творчества Флора Васильева. Творческий акт у него возникал мгновенно и часто неожиданно. Он на лету ловил факты, образы, знаки действительности. И стихи им создавались, как правило, мгновенно. И так не любил он потом исправлять ранее написанное: потому что то вторжение реальности, которое вызвало момент творчества, прошло безвозвратно, а вторгаясь в запечатленное потом без вдохновения, можно испортить слепок действительности. Этот момент творчества сам Флор осознал довольно рано – я сужу по публикации ранних «Стихов о стихах». Обратить внимание читателей: явления действительности сами входят в стихи, создавая лирические строки.

День – ночь. Добро – зло! Белое – черное! Это у Флора интересно. Подумать, подумать и подумать.

Образ времени и образ ветра – часто встречающиеся образы в лирике Флора Васильева. Выбрав главными героями время или ветер, поэт создает стихотворения сюжетные, фабульные – их можно и пересказать – с глубокими лирическими раздумьями о сущности бытия. И драматичное в конце: «Улонлэсь вань гердъёссэ / Сэрттйсь-ко-жигатъсько», что в подстрочном переводе означает: «Все узлы жизни распутываю и снова ту же завязываю». Нет морали, лишь обобщенная, доведенная до философии раздирающая душу ревизия собственной жизни. Стихотворение с открытым финалом, заставляющее задумываться и читателя.

И не зря отсюда само собой напрашивается переход к ряду стихотворений об итогах прожитой жизни.

Времена года – времена жизни у Флора. И обостренное их восприятие в тот период, когда автор начал драматично ощущать быстротечность времени.

«В месяц листопада» называется сборник новых стихов Флора Васильева. «Месяц листопада» по удмуртскому народному календарю – это октябрь, месяц глубокой осени. Пора листопада ассоциируется у поэта с более углубленными размышлениями о смысле жизни. «Уже пора задуматься, теперь не хочется попусту плясать».

Крепко подумать! О личности поэта.

В довасильевской удмуртской лирике личность поэта проступала весьма обобщенно как личность человека, воспевающего новое время, советскую действительность. Она была слабо индивидуализирована (не персонифицирована, что ли). Ни Михаил Петров, ни Игнатий Гаврилов не могли написать, например: «Я

не люблю подстриженных деревьев», «Я родился в месяц волчьих свадеб»... Для них эти формулы – вне пределов лирики их времени. Дело отнюдь не в этих «я», хотя и они служат выражению внутренней сути. Сугубо личное восприятие мира ощущается и в стихах без прямого «я». Хотя бы взять «Сыновьям», «Руки», то есть те произведения, где автор не обязательно соразмеряет свои чувства и мысли с общепринятыми, где выражает явно спорное свое отношение к явлениям и вещам.

Пожалуй, подобную личностность восприятия мира стали проявлять и современники Флора Васильева – Николай Байтеряков и Александр Белоногов. И эту линию продолжили последователи Владимир Романов, Вениамин Ившин, Людмила Кутянова.

Это явление, очевидно, связано с общественными тенденциями: тридцатые-сороковые годы были преимущественно эпическими, а шестидесятые-семидесятые – преимущественно лирическими. Тут немалую роль сыграла еще и фольклорность мышления поэта, не вычлениющая субъект из объекта.

Еще и еще подумать! Выявить суть, глубинность личности великого удмуртского поэта.

Прекрасно проник в глубины и истоки личности великого русского поэта Александра Твардовского его друг Алексей Кондратович. В книге «Александр Твардовский. Поэзия и личность» (Москва: «Художественная литература», 1978. С. 17) он пишет: «В Твардовском до конца дней его оставалось что-то от крестьянского сына, сельского жителя, причем жителя... тихих деревенок и одиноких хуторов. Там издавна сложился особый тип жителя – не бойкого, пожалуй, чуточку скрытного, иногда и застенчивого, привыкшего часто оставаться наедине с самим собой и поэтому любящего поразмышлять, а в небольшой компании и серьезно все обсудить – вплоть до мировых проблем, но без шума и гама».

Пожалуй, эти слова соотносимы с характером Флора Васильева. Но надо искать и искать глубинность затаенную, не осознанную самой личностью.

Я знаю, что в молодости, особенно в студенческие годы, Флор был очень задорным, веселым человеком, отменным плясуном. Тому есть немало достоверных свидетельств. Оспаривать их у меня нет никаких оснований. Ко времени нашего близкого знакомства Флор уже был несколько иным – более сосредоточенным, замкнутым, что ли. Он умел быстро найти контакт чуть ли не с любым человеком, но у него всегда оставалось внутри немало



Флор Васильев и Булат Окуджава. *Ижевск. 1978 год.*

нераскрытого. И это всегда чувствовалось. Мы провели вместе в семейном кругу немало дней, вечеринок по случаю праздников, в том числе дней рождений; да и работали много лет на одном этаже старого Дома печати в Ижевске. Но я помню лишь несколько случаев, когда он плясал, пел – словно в память об ушедшем. Если это случалось, то всегда азартно, вспышками, импульсивно и – кратковременно.

Больше всего на наших встречах было тихой беседы, иногда прослушивания любимых пластинок, магнитофонных записей. Особенно любили песни Булата Окуджавы. Одним словом, наши застолья проходили довольно тихо. Со стороны смотреть – наверно, скучно. Но я не помню, чтобы мы скучали. Вроде бы было обоюдно интересно. Вспыхивали и шутки, не всегда безобидные, но, кажется, мы друг на друга не обижались. По крайней мере, быстро забывали. Потом иногда в шутку нравилось вспомнить какой-то момент, чтобы подтрунить – всегда только с юмором, – что тот-то тогда-то посмел обидеться. Воспоминание о совместном снимало душевное напряжение от уколов действительности.

О развитии личности Флора Васильева, о влиянии на личность и творчество («образ автора») общественной работы и «личных» бесед и раздумий («житейский опыт»).

Глупо было бы считать, что Флор Васильев конца пятидесятых и конца семидесятых годов – это одно и то же лицо. Изменения разительные и в личности, и в творчестве.

Явно усиливается возврат поэта от глобальных мотивов к национальному поэтическому мышлению.

Разобраться надо, еще и еще. Труднее всего, пожалуй, поддается строгому анализу и синтезу лирика. Ведь собрать эти мелкие осколки, хоть и драгоценных камней, хотя бы в мозаичную единую картину – дело архисложное. Поэтом часто движет импульс, подчас неизвестно отчего появившийся. Добро, если этот импульс можно связать с каким-то фактом из жизни поэта. Но это далеко не всегда возможно. Стоит хотя бы взглянуть на даты написания многих стихотворений. Скажем, нетрудно догадаться о мотивах их создания, если, допустим, стихи о вьюге написаны зимой, а о зное – летом. Но не так редко у Флора Васильева «знойные» стихи бывают созданы как раз в период холодных вьюг, и наоборот. Закономерности тут не на поверхности. Их надо искать.

И еще. Когда пишут о поэтах, литературоведы больше всего рассматривают произведения крупных жанров – поэмы. Но Флор Васильев за всю жизнь создал одну поэму и один поэтический репортаж – и больше не стал их писать. Смею думать, – не без моей «помощи». Отзыв о поэме «Яратон» можно найти в журнале «Дружба народов», а о репортаже я высказывался только лично – отнюдь не одобрительно.

Мне Флор Васильев всегда казался «чистым» лириком. Отнюдь не являясь противником эпической поэзии (мне очень даже по душе многие эпические творения мировой, русской, многонациональной поэзии, есть немало таких, без которых жизни не представляю), тем не менее, я всегда утверждал, что истинным, большим поэтом можно быть в любом роде и жанре поэзии.

Для меня не существует никакой иерархии жанров. По моему глубокому убеждению, иное небольшое лирическое стихотворение стоит большого романа. Суть в том, чтобы их создавали талантливо.

И отнюдь не каждый талант должен быть разносторонним. Об этом не раз говорилось в наших многочисленных беседах и спорах с Флором Васильевым. Я всегда подчеркивал лиричность его таланта. Да, я не отрицал, что талант может быть и лирическим, и эпическим, и драматическим одновременно. Тому пример – Пушкин. Но стоит ли насилловать себя, если у тебя хорошо получается лирика, но не созрели драма или эпос?

Вот в чем суть.

Я далек от того, чтобы думать, что я именно сделал Флора Васильева «чистым» лириком. Наверно, он сам все-таки осознал свои возможности. Да и нет никакого ручательства в том, что он бы не писал и в эпосе, и в драме. У него есть опубликованный рассказ (под псевдонимом и на русском языке). Он подумывал и о сценическом произведении (особенно после того, как студенты Шукшинского училища при театре имени Евгения Вахтангова подготовили по его стихам сценическое представление). Но – увы! – это замыслы неосуществленные!

Так больно думать об общеудмуртской и моей личной трагедии. Я все время хожу вокруг образа Флора, как по острой грани, ранящей не только душу, но и ощутимо – ноги, что вместо того, чтобы кричать: «Незабвенный друг мой и единомышленник, сопереживатель и сопричастник!» – я от боли своей даже в этих заметках для себя пишу отстраненно-официально: Флор Васильев, поэт...

И снова возвращаюсь к этому кругу, который заметно прослеживается у Флора Васильева: добро – зло.

Конечно, вроде бы невелико открытие, что добро и зло не живут раздельно, – эка невидаль! Да это же банально. Но в том-то и дело: каждому человеку приходится открывать эту истину в повседневной, обыденной жизни. Каждый раз заново! В каждом конкретном случае. И вроде бы уж и забываешь те общие положения, которые когда-то затвердил, слушая ли наставления старших, штудирова ли учебную программу.

А коли уж до этой банальной истины дошел путем своих ошибок и синяков (добро еще, если они на поверхности, на теле, а чаще эти синяки бывают на душе), то эта истина уже перестает быть банальной, а становится твоим кровным убеждением, которым хочется – ох, как хочется! – поделиться с молодыми. Но все снова повторяется. Твоя кровная истина для неопытного – та же банальность, и она редко доходит

до души. Разве что поэт об этом скажет пронзительно, так, чтобы его слова оставили волнующий след в сердце читателя. Подобно тому, как прививка ослабленной вакциной тоже вызывает болезнь, но в такой степени, чтобы организм сумел выработать иммунитет. Иммунитет же не вырабатывается совсем без своей боли.

Вот с этой вакциной хотелось бы мне сравнить поэтическое слово о зле. Не утверждаю, что так именно думал Флор Васильев, но интуиция поэта подсказывала ему именно этот путь. Пусть только в подсознании.

Итак, добро – зло.

Моцарт – Сальери.

Все говорят: нет правды на земле.

Но правды нет – и выше...

Много раз я пробовал поэзию «разъять как труп, поверить алгеброй гармонию». Не вышло. Не поддается. Решил, ничего из поэзии не умертвив, пытаться объяснить ее. Как изящно это выглядит у самих поэтов:

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.

Анна Ахматова

Заиндевелым белым утром
Манит меня рябины куст.
Беру в рот ягодку, как будто
Я лето пробую на вкус.

Флор Васильев

Итак, две параллельные колеи: Моцарт – моцартианство и Сальери – сальеризм. Ох, как важно в этом разобраться применительно к Флору. Он, без сомнения, Моцарт. А кто выступил по отношению к нему Сальери? Под силу ли мне решить этот вопрос? Как хочется его решить. Индивидуум? Человек? Общество? Система? Государственная машина? Кто?!

Название книги: «Флор Васильев. Штрихи к литературному портрету на фоне удмуртской поэзии».

Объяснить в предисловии необъятность необъятного. Поэтому – «штрихи»...

НОВЫЕ КНИГИ



Сергей Носов. Франсуаза, или Путь к леднику. Москва: Астрель, 2012. Сергей Носов – прозаик и драматург, финалист литературной премии «Большая книга» VII сезона, питерский постмодернист, каждая книга которого в той или иной степени взыскует умного читателя. Его новый роман, по признанию самого автора, – «о странностях жизни, ее внезапностях и причудливости. О неочевидном вреде табакокурения, очевидной пользе пива и чудесах Индии. О том, что очень опасно влюбляться в неантропоморфные объекты, равно как и ненавидеть их, но куда бесполезнее откапывать уже закопанное. О том, что некоторым женам нелегко с мужьями. И о том, что жить, вообще, нелегко... хотя, с другой стороны, – очень даже легко. И если кто-то сам не выбирает дорогу, все равно неизбежно пройдет путь».



Владимир РОГАЧЕВ

доктор филологических наук,
профессор кафедры русской,
зарубежной литературы
и методики преподавания
МГПИ имени М.Е. Евсевьева,
г. Саранск



МОРДОВСКАЯ СВАДЬБА

Мордовская свадьба с ее торжественностью, театрализованным обрядом, элементами народного драматического спектакля, обилием развлекательных, игровых, песенных сцен и эпизодов, красочностью национальных костюмов, глубокой лиричностью песен, сердечностью причитаний во все времена была самым значимым событием в жизни народа. В свадьбе отразились и хозяйственно-экономическая деятельность, и семейно-бытовые отношения, и богатая духовная культура, и историко-этнографические особенности, выразившиеся в языческом мировосприятии, мифопоэтическом осмыслении бытия.

Свадебный обряд жил и функционировал в тесной взаимосвязи с поэзией. Свадебные песни, причитания расцвечивали обряд всеми красками жизни, позволяя участникам действия выразить свои чувства. Они служили своего рода индикатором настроения людей, характеризовали уровень развития народной культуры, превращали обряд в народный карнавал, где царила праздничная атмосфера всеобщего веселья.

Свадебная поэзия по составу песен и настроению соответствовала трем основным этапам обряда у мордвы: предсвадебному, свадебному, послесвадебному. Мордовский традиционный обряд с момента запоя и до свадьбы длился обычно две-три недели, хотя в XVIII – XIX веках он мог продолжаться от нескольких месяцев до года.

К первому, предсвадебному этапу относились сватовство, сговор, смотрины, окончательный сговор, подготовку невесты к свадьбе, назначение дня свадьбы. Во время второго этапа происходили следующие торжества: приезд свадебного поезда в дом невесты, венчание, возвращение свадеб-

ного поезда в дом жениха, свадебный пир, укладывание молодых. Третий этап являлся эпилогом и состоял из обряда отгостков и посвячительных ритуалов. Особенностью его было то, что некоторые из обрядов могли проводиться не сразу, а спустя несколько дней, иногда – недель или даже месяцев.

Структура мордовской свадьбы, число персонажей, участников, характер и особенности песен всецело обуславливались формой заключения брака. В конце XIX – начале XX веков во времена существования традиционной свадьбы основной формой было сватовство невесты родителями жениха. Реже встречались лисезь туема («самокрутка»), когда парень с девушкой сговаривались без ведома родителей девушки, венчались в церкви, после чего брак считался свершившимся. Еще реже встречался брак умыканием, когда мордва добывала жен, похищая их.

Традиционная свадьба начиналась со сватовства – ладямо. После выбора и обсуждения кандидатуры девушки с родственниками родители жениха молились Нишке пазу, вере пазу, просили помощи кудонь кирди, кудо юрт-азоравы, предков покштят-бабат. В ходе моления перед иконами зажигались свечи, на стол ставились каравай хлеба и солонка. После моления, взяв с собой хлеб и соль, отправлялись в дом невесты. Иногда для предварительных переговоров с родителями невесты вначале посылали икеле якиця («вперед идущего»): человека расторопного, способного уговорить выдать дочь замуж.

Родители невесты по обычаю в первое посещение отказывали сватьям, предоставляя таким образом возможность посвататься и другим. После продолжительных пере-

говоров с родными и дочерью отец невесты давал согласие пригласить отца жениха для окончательных переговоров о цене за невесту, времени проведения и расходах на свадьбу, дарах для родственников. При удачном окончании ряды сваты надевали рукавицы и били по рукам или делали это, завернув ладонь в полу шубы.

После застолья, запоя отец жениха с родственниками отправлялся в чулан, где с женой осматривал невесту и ставил на ней свою метку, для чего опускал в стакан водки серебряный рубль или полтинник и подносил его невесте. Монетами меньшего достоинства одаривались и подруги невесты. Свекровь одаривала невесту платком, серьгами, кольцом и браслетом. В ходе церемонии взаимного одаривания невеста передавала дары: жениху – платок, в углы которого по диагонали завязывались серебряная монета и медное или серебряное кольцо, свекру – штаны, свекрови – вышитую рубаху, сестрам и братьям жениха – платки; одаривались и другие родственники.

Окончательно сосватанной невеста считалась после чиямо. Она переставала ходить на посиделки и начинала готовить дары на свадьбу и учиться причитывать. Для одаривания многочисленных родственников требовалось от десяти до двадцати вышитых женских рубах, столько же мужских, значительное количество вышитых полотенец, кокошников, платков и платочков. Дары готовились невестой заранее, постепенно. На помощь ей приходили подруги, с которыми она завершала остальные приготовления к свадьбе.

Немалое место в приготовлениях невесты к свадьбе занимало заучивание свадебных причитаний, которые она начинала исполнять после назначения свадьбы. Самые горестные утренние причитания сменялись вечерними, которые собирали не только родственников, но и соседей, односельчан. Длительность причитаний по дням варьировалась от пяти до пятнадцати дней в зависимости от времени между сватовством и свадьбой.

Тематика мордовских свадебных причитаний обширна. Однако среди ярких эмоционально-образных причитаний невесты можно выделить несколько тематических групп. Наиболее полно освещались темы «невесты и жениха», «невесты и ее родственников», «невесты и ее подруг». Особенно печально звучали темы «уходящей молодости и беззаботной жизни», «чужого дома», «чужой семьи», «чужой стороны».

Имеющийся фольклорный материал позволяет говорить о близкой природе похоронных лайшемат, явсемат и свадебных

аварькшнемат. Такое же сходство в причитаниях можно обнаружить у русских, что объясняется типологическим и генетическим родством свадьбы и похорон.

Приготовления к свадьбе были многоэтапны. В один из базарных дней происходила покупка даров – казнь рамсема. Спустя несколько дней после сватовства случался привоз ниток для вышивания – сурень ускома. Привозились три небольших мотка красного, синего и зеленого цвета, вместе с ними свекровь привозила каравай хлеба, курник, съедобные лепешки, бутылку водки.

Свадьба в доме жениха предварялась печением пирогов – прякань панема чи. Приглашение на печение пирогов – прякань панеме евтнеме – осуществлялось девушками, которых предварительно кормили блинами с яичницей. Затем они брали палки, украшенные лентами и мишурой, и отправлялись по селу приглашать гостей.

С раннего утра в доме жениха шли приготовления к свадьбе, жених мылся в бане, наряжался в лучшую одежду, обуваясь, клал под пятки серебряные монеты, которые затем передавались теще и невесте после первого переобувания. Нарядившись, жених закладывал пару лошадей и отправлялся за свахой. В это время продолжался сбор гостей, которые приходили с лукошком с приношениями, куда клались яйца, масло, курица или кусок свинины, чашка муки, водка. Гости молились за успешную свадьбу, благополучие молодых. Пришедших мужчин угощали вином, девушек и женщин – пивом.

Печение лукшо – пирога – было центральным событием свадьбы в доме жениха, главной поэтической темой свадебных песнопений. Лукшо придавалась особая ритуально-магическая роль на свадьбе, он олицетворял древнюю мордовскую богиню плодородия Норов-аву.

В доме жениха собирался кудань стол – стол для поезжан, которых должно было быть нечетное число: от пяти до семнадцати и более. Они составляли свадебный поезд, отправляющийся за невестой. Родители жениха провожали поезд караваем хлеба, солонкой и зажженными свечами, с молитвой благословляли сына иконой. После отъезда поезда старухи стелили скатерть, расставляли пироги, яйца, блины, вино, пиво и, обратившись на восток, начинали молиться предкам, прося их охранить поезд от порчи, колдунов и ведьм.

Свадьба в доме невесты начиналась кашань ярасмо чистэ – днем каши. В последний день пребывания невесты в родительском доме собирались родственни-

ки, приносившие с собой по горшку каши, которых иногда насчитывалось до сорока штук. Невеста из каждой чашки брала ложку каши и съедала, остальное передавала подругам: до тех пор, пока не прекращалось подношение каши.

Важным ритуалом считалась тейтерьксчинь баня – баня девичества, проводившаяся с особой торжественностью. Баня являлась одним из последних обрядовых действий, где производилось омовение тела, очищение души перед решающим актом. Она проводилась во время четвертого, последнего этапа свадебного церемониала – свадьбась тейтерень кудосо («свадьба в доме невесты»), после которого девушка окончательно расставалась с домом. Обряд девичьей бани разворачивался в значительное действие с участием родни невесты, многочисленных подруг, сопровождающих ее в баню, помогающих мыться и одеваться.

Первый этап свадебной бани начинался с ее топки, которую производили в одних местах подруги невесты, в других – урвала ават («невестки»). В девичью баню невеста у мордвы ходила с непокрытой головой, невзирая на погоду и время года. Ее причеты в это время не прекращались ни на минуту. Вместе с ней причитывали подруги. В некоторых селах в то время, пока топились баня, девушки направлялись в дом жениха за веником и мылом. Здесь их угощали яичницей и вином. Украсив веник разноцветными лентами, с пением и плясками девушки возвращались в дом невесты. К моменту их прихода из гостей баня была истоплена.

Девичья баня имела ключевое значение в свадебном обряде, так как была одним из наиболее важных посвятительных обрядов, после чего процесс развития церемонии невозможно было повернуть вспять. На основе анализа причитаний и особенностей обряда девичьей бани можно сделать вывод о значимости этого ритуала, его основных функциях: «отчуждения», «отлучения» от своего рода, прощания с родным домом, оплакивания прошлой молодой жизни, перехода в иное, новое состояние. После бани невесте заплетали косу – пулонь кодамо.

Следующим эпизодом была укладка сундука – парень вачкамо. Вокруг него разворачивалось целое драматическое действие, в ходе которого исполнялись песни и причеты. Считалось, что невеста вместе с приданым увозит не только память о безбедной жизни в родительском доме, но и свое будущее женское счастье. Становится понятным, почему с такой тщательностью, соблюдением всех магических обрядов складывались вещи невесты. Обычно

это делали в сенях. По поверьям мордвы, в доме можно было собирать только покойников, а живых людей – нельзя, потому что «а улить эрицякс» («не будут жителями»), то есть брак молодых не будет долговечным.

Парь как предмет ритуального предназначения покрывали соответствующими письменами, родовыми знаками, орнаментом, своего рода письменным фольклором, имеющим смысл благопожеланий в предстоящей семейной жизни. На крышке некоторых парей можно увидеть два знака, две линии судьбы – женщины и мужчины – в виде двух прямых параллельных линий, переходящих в зигзаги, имеющие стреловидное окончание.

Парь, будучи хранилищем наиболее ценных с точки зрения сакральности вещей – ритуальной, праздничной одежды, своего рода материальной оболочки, предохраняющей женщину от порчи, предопределяющей ее успех или неудачу в семейной жизни, – имел магико-религиозное предназначение, нес большую ритуальную нагрузку в свадебном обряде. После привоза паря родственницы невесты зажигали свечи, устраивали молян. До укладки женских рубах его очищали от вредоносной магии и нечистой силы «живым огнем»: зажженной лучиной из чистого дерева – липы – водили внутри по кругу, по движению солнца, окуривали травой богородицы, опрыскивали святой водой, освящали иконой.

Первый предмет, клавшийся в эрямо парь, – специально испеченный, намоленный каравай хлеба шумбра кши. Вслед за этим отец невесты клал на дно пять серебряных монет, затем разные пироги по три штуки. После этого на дно опускали три тарелки сдобных лепешек, помещали два аршина ткани, овчины на шубу, сапоги, готовых кренделей по фунту, хмель, ложку, пустое блюдо, одежду. Все это складывалось в шерстяных перчатках. После укладки невеста с отцом и матерью трижды обходила парь. Невеста одаривала помощниц, затем дарила полотенце прадедам и прабабушкам, которое вешала на икону.

Наступал момент ее прощания с улицей: она одаривала парней платками, угощала их вином, приглашала любимую подругу, целовала ее, подносила ей рюмку вина и перстень, остальным девушкам дарила кольца. После прощания с улицей невеста накрывала девичий стол – тейтерень столь, кормила подруг ужином, затем прощалась с ними, одаривая каждую алой лентой в полтора аршина.

На следующий день наступал этап приезда свадебного поезда – кудань валгома – и встречи поезжан – кудань вастома, в ходе

которых невеста садилась в доме на лавку, накрывалась чарчавом («покрывалом») и начинала причитать. В это время на улице родственники требовали у поезжан деньги за въезд в ворота, за вход в дом, девушки требовали выкуп за невесту. На улице звучала песня свахи, укоры подруг в адрес свахи и поезжан. Постепенно тональность и тематика песен менялась, сваху начинали величать, а следом – уредева, покш куда и остальных. В избе складывали привезенные припасы, пироги перекладывались в хозяйское корыто, бочонки с вином и пивом – на переднюю лавку.

Жениха сажали на переднюю лавку в угол, рядом с ним усаживались покш куда и сваха, уредев садился на скамейку напротив жениха. Рядом с пирогами на стол ставились хлеб-соль и горошок каши, и начиналось моление в честь благополучного исхода свадьбы, чтобы бог дал любовь новобрачным и наградил их детьми. После этого ритуала происходил выкуп жениховой шапки – содамонь шапкань идема.

В это время невеста скрывалась в доме дяди – урвалянь кудос туема. Сваха после свадебного застолья требовала пойти на поиски невесты. Сваха, уредев, поезжане с вином, ведром пива, курником и орешками отправлялись за невестой в урвалянь кудов, где все это складывали на стол. На курник клали медное кольцо и серебряный гривенник. По просьбе девушек уредев разрезал курник, передавая верхнюю корку с украшениями девушкам. За возвращение спорины хлеба девушки угощали его водкой. Разрезанный курник, орешки и половину входного пирога уредев клал на переднюю полку хранителю дома.

После этого начинался обряд дарения невесты – одирьвань казема. Сваха надевала на шею невесты гайтан крестом, в уши вдевала серьги, на пальцы – кольцо, на запястья – серебряные браслеты. Все это сопровождалось песнопениями. Возвратившись в родной дом, невеста во дворе расставалась с девичеством – передавала девичий накосник с четырьмя косичками любимой подруге.

Вслед за этим наступал черед одеванию невесты под венец – одирьвань оршавтомо. Перед отъездом невеста прощалась с домом дяди – урвалянь кудо марто простяма, с домашними. Одним из последних актов свадебного обряда было прощание с предками, поминовение усопших, к которым невеста обращалась и у которых просила прощения за свои прегрешения. На месте моления оставлялись кусочки кушаний, вино, холст в дар прадедам и прабабушкам.

Вслед за этим обрядом поезжан кормили

обедом – кудань столь, подавая лапшу, жареного поросенка и кашу. После этого родственники невесты, пока та сидела в чулане и причитала, раздавали поезжанам дары: свахе – полотенце, старшему поезжанину – белый холст, остальным – холщовые платочки с красной каемкой.

Постепенно церемониал в родительском доме подходил к концу. Финальным аккордом становилось благословление невесты родителями, к которым она обращалась с причетами. Во многих селениях невеста из дома отправлялась в кибитке – он аве. Перед отъездом ей передавали кель парго – короб, доверху наполненный медными кольцами и перстеньками. Во время свадьбы в доме жениха она держала коробочку в руках и в ответ на обращения к ней, вопросы и просьбы вынимала кольцо и передавала его собеседнику.

Финальным аккордом свадьбы являлась свадьба в доме жениха после венчания – свадьба цёрань кудосо венчамодо мейле, которая начиналась песней-обращением к хранительнице двора открыть ворота шире, поднять крышу выше и впустить свадебный поезд во двор. Свекор со свекровью встречали невесту с иконой, хлебом и солью, а родственница выходила в вывороченной шубе и шапке со сковородкой с хмелем и потухшими углями. По действиям невесты судили, каков ее характер, сердитой или доброй будет она в семье. Затем молодых вводили в дом, где начиналось традиционное моление и угощение гостей и молодых. Жениху и невесте давали одну ложку на двоих и соленую горбушку хлеба.

К вечеру уставших молодых укладывали в амбаре – одирьвань-содамонь утомс каямо. Хотя это действие являлось логическим концом свадьбы, но и после него совершался ряд ритуалов: свахань морот одирьва мельга якамодо, горноень само, утомсто одирьвань содамонь нолдамо.

Второй день свадьбы также был насыщен важными событиями. Проводилось наречение невесты новым именем, которое она должна была носить в доме мужа до своей смерти. Имен, которые давались молодущкам, у эрзи было всего шесть: Мазава – красивая женщина, Ашава – белая женщина, Паравя – хорошая женщина, Вежава – младшая женщина, Сырнява – золотая женщина и Тетьява (значение забыто).

На следующий же день после венца проводился одирьвань ванькс таркас ливтема – представление молодой умершим предкам в огороде или у передних ворот. Расстилали скатерть, раскладывали яства, начиналось моление, которое завершалось кормлением предков, условной раздачей



Мордовская свадьба Фотограф Михаил Панков.

им платков, штанов и другого. От ворот направлялись на середину двора, где сообщали кардаз сярко о новом члене семьи и просили его полюбить нового человека. По кругу продолжалось знакомство невесты и с другими покровителями: лисьмань кирди – хранительницей колодца, которой невеста дарила кольцо, и другими.

Особое место занимал обряд моления Веды-аве – хранительнице воды. Так, мокшане, к примеру, на второй день свадьбы отводили невесту к реке. Тропинку, ведущую к реке, кропили ритуальным напитком – медовым пуре, с собой несли яства, напитки, дары. У водоема устраивали озкс («молян»), которым руководили пожилые, знающие толк в ритуалах женщины. Во время моления лили в воду пуре, бросали лепешки, кусочки хлеба, мяса, невеста и ее подруги кидали мелкие монетки, дешевые медные перстеньки. Иногда приносили в жертву курицу. Невеста трижды кланялась воде, просила покровительства в деторождении, семейного счастья.

К помощи Веды-авы прибегали не только во время подготовки к свадьбе, но и в случае бесплодия замужней. Тогда женщины в ходе моляна приносили в жертву петуха с перевязанными шелковой лентой ногами,

к которым привешивался пайгоня («колокольчик»). В ходе церемонии невеста одабривала Веды-аву кольцом.

После озкса начиналось игровое действо, в ходе которого молодая черпала воду, но поезжане, веселясь, стремились обрызгать ее, опрокинуть ведра и вылить воду. Это повторялось до трех раз, и лишь затем молодуха, зачерпнув воды, шла домой. Иногда невеста выполняла обряд сама, отправившись с новым полотенцем на родник или речку в сопровождении девочки или родственницы, где умывалась, утиралась и, положив полотенце на родник, оставляла его в подарок Веды-аве.

В числе завершающих обрядов свадьбы были: отгостки – мекев потамо, выливание дрожжей – органь сявордома, баня молодухи – одирвань баня.

Как историко-культурный, фольклорно-этнографический феномен свадьба воплотила в себе существенный пласт духовной культуры, устно-поэтического и музыкального наследия народа, который отражает его древнее мировоззрение, представления о семейной жизни, морально-этические нормы и нравственные принципы. Свадебный обряд – ключ к пониманию многих явлений жизни этноса в прошлом.



Сергей РЕШЕТНИКОВ

доктор химических наук,
профессор Удмуртского
государственного университета,
заслуженный деятель науки
Удмуртской Республики,
г. Ижевск

**ОТЕЦ ВЕЛИКОГО КОМПОЗИТОРА
ИЛЬЯ ПЕТРОВИЧ ЧАЙКОВСКИЙ**

Думаю, всем понятно то чувство гордости, которое испытываем мы, жители Удмуртии, что именно на нашей земле, в поселке Воткинского завода, родился великий русский композитор Петр Ильич Чайковский. Вот уже пятое десятилетие мы являемся свидетелями, участниками крупнейших событий в культурной жизни страны – музыкальных фестивалей на родине Чайковского. Эти фестивали дают нам возможность увидеть и услышать выступления известных во всем мире оркестров, выдающихся оперных и балетных исполнителей. Все это сопровождается выступлениями музыкантов, историков, освещающих жизнь Петра Ильича, всего огромного семейства Чайковских.

Однако мне всегда казалось, что как-то в стороне от интереса многих исследователей остается образ отца великого композитора. Ведь характер Петра Ильича, его музыкальные способности сформировались под влиянием семьи, особенно отца композитора – Ильи Петровича. Будучи руководителем одного из крупнейших в Камско-Вятском крае заводов, он находил время для общения с детьми. А его душевная доброта, любовь к детям не знали границ. Именно в обстановке любви, доброжелательности, творческой атмосферы в «генеральском доме» были заложены те свойства души маленького Пети, которые и позволили в полной мере раскрыться ему как великому композитору. Именно поэтому и возник-

ла необходимость глубже понять характер Ильи Петровича, его роль в становлении всех его многочисленных детей.

Обратимся сначала к сухим фактам родословной семьи Чайковских. Федор Афанасьевич Чайка, казак Миргородского малороссийского полка (1695 – 1767), – прадед композитора. Жена Федора Афанасьевича Анна получила фамилию Чайчиха (1717 – год смерти неизвестен): прабабушка. Их сын Петр Федорович (1745 – 1818) – дед композитора. Родился в селе Николаевка Полтавской губернии, обучался в Киевской академии, затем в Санкт-Петербургском военно-сухопутном госпитале. Петр Федорович по документам уже имел фамилию Чайковский – то есть: сын Чайки.

Петр Федорович вместе с полком Российской армии был переведен в Пермь, где в чине полкового подлекаря (а это офицерское звание) вышел в отставку около 1777 года в возрасте тридцати двух лет как участник Русско-турецкой войны. Таким образом Петр Федорович – дед композитора – оказался в Вятском крае. С 1777 по 1795-й он был городским лекарем в Кунгуре, Слободском и Вятке. Вятка – уже губернская столица, и городской лекарь – аналог нашего заведующего горздравом, а это чин 8-го разряда по петровской 14-разрядной Табели о рангах.

В 1785 году Екатерина II провела полную инвентаризацию всех лиц, имеющих

дворянское звание, и своим указом утвердила новую дворянскую книгу. Согласно этому указу чины, начиная с 8-го класса (это соответствовало тогда рангу подполковника в сухопутных войсках), получали дворянское звание и заносились в соответствующую книгу по Вятской губернии (правда, по другим сведениям, это была книга Казанской губернии).

В 1795 году в возрасте пятидесяти лет Петр Федорович Чайковский получает назначение на должность городничего, то есть градоначальника города Слободского. Город был уездным, однако это уже 6-й разряд по Табели о рангах, равный генерал-майору (по другим сведениям – полковнику военной службы). А это уже – потомственное дворянство, которое передавалось только наследникам мужского пола: сыновьям.

Женой Петра Федоровича была Анастасия Степановна Посохова (в некоторых документах ее записывали как Настасью Стефановну) – дочь подпоручика, погибшего при противоборстве с отрядами Емельяна Пугачева. В городе Слободском 20 июля 1795 года в семье Чайковских родился сын Илья – отец композитора. В этом же году Петра Федоровича назначили на должность градоначальника Глазова, который получил статус города еще в 1780 году.

Имеются документы, согласно которым при городничем Петре Федоровиче Чайковском в Глазове произошли заметные перемены: были построены ратуша и больница, разработан план развития города вплоть до планировки улиц и площадей, в том числе – и центральной площади, имеющей форму глаза. Умер Петр Федорович в Глазове в 1818 году, не оставив наследникам капиталов и должностей.

Самым младшим из детей был Илья – восьмой ребенок в семье. Он окончил Вятское училище, в возрасте тринадцати лет был отдан на обучение в Ижевский завод, где над ним взял шефство начальник Гороблагодатских и Камских заводов Андрей Федорович Дерябин. В 1810 году отец будущего композитора переехал в Воткинский завод, а в 1811-м был направлен на учебу в Горный кадетский корпус.

В своих записках Илья Петрович отмечает, что четверо его братьев были определены кто на военную службу, кто на государственную. Сестрам были определены женихи. «Но я, – пишет с некоторой степенью иронии Илья Петрович, – бедный мальчишка, едва окончив курсы в Вятском народном училище, в 1808 году матушкой был отвезен в Ижевский завод...» (главный из двух Камских заводов – *С.Р.*). Здесь тринадцатилетний мальчик попал под опеку Андрея Фе-



Семья Чайковских в 1848 году. Крайний слева – Петр Чайковский. Сидят слева направо: мать композитора Александра Андреевна Чайковская, сестра Александра, брат Ипполит, отец Илья Петрович Чайковский, стоят сестра Зинаида и брат Николай.

доровича Дерябина. Это был выдающийся организатор горного и металлургического производства. Дерябин много лет учился в разных странах Европы, владел многими языками. Но самое главное – он имел необыкновенный талант инженера. Он обратил внимание на пытливого, добросовестного, исполнительного мальчика, который всю жизнь считал его своим кумиром, образцом для подражания.

Брат Петра Ильича Модест Ильич Чайковский оставил после себя небольшую книгу «Жизнь Петра Ильича Чайковского». Текст ее полностью воспроизведен в издании «П.И. Чайковский. Годы детства: материалы к биографии. Ижевск: «Удмуртия», 1983». В этих записках Модест Ильич свидетельствует, что и его отец, и его брат с юмором относились к своему дворянскому статусу. Ведь Илья Петрович практически не имел никакого движимого и недвижимого имущества в личной собственности. А принадлежащие ему четыре души крепостных – семья повара – воспринимались скорее как члены семьи.

Некоторые современники искали польские корни в фамилии «Чайковский». Окончание «-ский» в русской транскрипции действительно характерно для поляков по национальности. Однако эти домыслы крайне раздражали как композитора, так и его отца. Они оба подчеркивали свое русское, российское происхождение. Как



Родители Петра Чайковского
Александра Андреевна Ассиер
и Илья Петрович Чайковский.

уже упоминалось, родоначальником рода Чайковских, о котором имеются достоверные архивные записи, можно считать прадеда композитора – казака Миргородского Малороссийского полка по имени Федор Петров сын Чайки.

Юг России, включая нынешний юго-восток Украины, был местом проживания казачества – особой социальной группы, присягнувшей на верность царю и по сути охранявшей рубежи империи. В этой социальной группе часто в качестве фамилий были, с точки зрения великоросса, клички или прозвища, например, Чайка, Сокол, Окунь. При паспортизации они получали похожие на польские фамилии: Петр Федоров сын Чайковский, Соколовский, Окуневский и так далее. От казака Чайки и произошла фамилия Чайковский. Далее вся жизнь Чайковских была связана с Россией – Вяткой, Пермью, Уралом.

В возрасте семнадцати лет Илья Петрович волей Дерябина, как уже отмечалось выше, был направлен на учебу в Горный кадетский корпус. Полное содержание кадета Ильи Чайковского и некоторых других юношей было отнесено распоряжением Дерябина на расходы горного округа, которым он командовал. При этом, естественно, по окончании учебы эти юноши должны были уже в качестве специалистов вернуться в распоряжение горного округа. Это, пользуясь современной терминологией, была целевая подготовка для обеспечения кадрами соответствующего предприятия.

Отметим, что по другим сведениям Илья Чайковский и еще восемь детей работников Гороблагодатских и Воткинских заводов направлялись на обучение в Санкт-Петербург предписанием управляющего этими заводами Иваном Валентином. В предписании было прямо указано на отнесение расходов на проезд и обучение на расходы заводской

конторы и на возвращение их с учебы в распоряжение горного округа.

Несмотря на несколько неопределенное название, Горный кадетский корпус был полноценным высшим учебным заведением, дающим диплом, соответствующий в наше время квалификации «инженер». Для получения диплома Горного кадетского корпуса необходимо было учиться шесть лет (напомню, что в Советском Союзе вплоть до 1957 года студенты горных и металлургических специальностей учились в соответствующих профильных вузах шесть лет: чем не нынешний магистр?).

Получив диплом с отличием, Илья Петрович был направлен в Пермское горное правление. Но уже через три года был отозван в Петербург для службы в Департаменте горных и соляных дел.

По свидетельству современников, Илья Петрович был эрудированным, общительным, умеющим поддерживать хорошие отношения с коллегами специалистом. Именно поэтому он стал членом ученого совета Департамента, ему доверили преподавать ряд дисциплин в Горном кадетском корпусе.

Студенты горных и металлургических специальностей еще с екатерининских времен имели ряд преимуществ перед всеми остальными учащимися. У горняков была особая, очень красивая как повседневная, так и парадная форма с погонами. Им присваивались классные чины. Учитывая особое значение горно-металлургической отрасли для обороноспособности Российской империи, в начале XIX века все работники были произведены в соответствующие военные чины.

Конечно, в то время Илья Петрович был в когорте младших офицеров. Однако учитывая его добросовестность, общий высокий культурный уровень и профессионализм, к 30-м годам XIX столетия он уже считался крупным специалистом и, получив чин подполковника, в 1837 году был направлен горным начальником Камско-Воткинского завода.

К этому времени Илья Петрович был женат на Марии Карловне Кайзер. От этого брака родилась дочь Зинаида. К сожалению, через некоторое время Илья Петрович овдовел. Далее состоялось знакомство Ильи Петровича с девицей Александрой Андреевной Ассиер, имеющей французские корни, но подданной Российской империи. Александра Андреевна была на восемнадцать лет моложе Ильи Петровича и ко времени вступления в брак в возрасте двадцати лет была воспитанницей Училища женских сирот. Подобные училища, предшественники высших женских курсов, прививали вы-

сокую культуру общения, давали хорошее гуманитарное, музыкальное образование, а при наличии у слушательниц природных данных их обучали и вокалу. Александра Андреевна Чайковская получила великолепное образование, направленное не на профессиональную деятельность, а исключительно на воспитание детей.

За одиннадцатилетний период службы в Воткинском заводе Илья Петрович Чайковский достиг звания генерал-майора и остался в памяти сослуживцев-современников как очень грамотный, оригинально мыслящий инженер-новатор и грамотный администратор (топ-менеджер, сказали бы мы теперь).

Характеризуя профессиональную деятельность Ильи Петровича, его младший сын Модест в своих записках высказал некоторые не совсем бесспорные моменты. Так, оценивая достаточно высокий уровень образования и культуры отца, он отмечал, что тот ничем, в общем-то, не выделялся из когорты специалистов горно-металлургического профиля тех лет. Все, чего достиг Илья Петрович, он получил благодаря усердию, аккуратности, добропорядочности, самодисциплине и доброму отношению ко всем окружающим, в том числе – и подчиненным ему по службе. Модест Ильич пишет, что карьера отца развивалась медленно и не очень успешно.

Действительно, начав свою трудовую деятельность в Департаменте горных и соляных дел, он получил должность почти самого низшего разряда – 13-го. Работа в Департаменте не была кабинетной. Илье Петровичу приходилось инспектировать предприятия, и поэтому все технологии горных работ он знал не понаслышке. Его добросовестность и знание производства, умение видеть «узкие» места в технологиях и находить пути их устранения явились причиной того, что в тридцатилетнем возрасте он стал членом ученого комитета горного Департамента. Одновременно он преподавал горную статистику и горное право в том самом Горном кадетском корпусе, который в 1817 году сам закончил с отличием. К этому времени он уже имел 8-й разряд, не пропустив ни одной ступеньки.

В 1831 году его направили на самостоятельную работу – руководителем Онежского соляного правления. Здесь за шесть лет он дослужился до 6-го разряда, равного чину подполковника, был замечен начальством и назначен горным начальником Камско-Воткинского завода. За двадцать лет достигнуть чина 6-го разряда – действительно не очень стремительная карьера. Однако назначение начальником Кам-

ско-Воткинского завода говорит само за себя. Это была генеральская должность, а завод – один из крупнейших.

Серьезным испытанием деловых качеств организаторского таланта Ильи Петровича в том же году явился визит на Воткинский завод наследника престола цесаревича Александра Николаевича. Его сопровождала огромная свита чиновников высокого ранга, придворных, обслуги и так далее. Достаточно сказать, что в составе свиты был великий поэт Василий Андреевич Жуковский. Именно его короткие дневниковые записи и позволили воспроизвести события тех дней: Илья Петрович Чайковский лично знакомил наследника престола и великого поэта с заводом, технологиями, работниками разных рангов. Жуковский в своих записях отметил высокий уровень организации приема, огромную эрудицию и высокий уровень культуры горного начальника Чайковского. Но это совсем не значило, что его тут же произведут в полковники. Этот чин он получил спустя пять лет. За это время благодаря стараниям и упорству Ильи Петровича была внедрена более прогрессивная по тем временам пудлинго-сварочная технология производства железа.

Хорошо зная технологии на других заводах Уральского округа, Илья Петрович Чайковский поднимает вопрос об освоении не только металлургического производства, но и машиностроения. Эта инициатива нашла поддержку в Департаменте.

Надо отметить, что, окончив горно-металлургическое учебное заведение и проработав несколько лет в Горно-солевом правлении, Илья Петрович смело взялся за совершенствование металлургических технологий. Это говорит о глубине и широте его знаний, полученных в Горном корпусе. Далее он иницирует производство речных судов из стального листа: это качественный скачок в производстве. Чайковский ясно понимал, что, имея только металлургическое производство, завод будет оставаться на вторых ролях, являясь поставщиком металла другим заводам.

Новые производства, новые технологии, новая продукция Воткинского завода – все эти достижения связаны с одиннадцатилетней деятельностью Ильи Петровича. Будучи человеком добросовестным и тщательным в работе, он путем самообразования изучил новые для себя машиностроительные технологии. Достаточно посмотреть ту техническую литературу, которая была в его распоряжении и которая хранится в его кабинете в Доме-усадебке.

Уместно отметить, что в первый год своей

работы горным начальником Илья Петрович своим приказом создал (или воссоздал) Ученый совет Камско-Воткинского завода. В его состав вошли не только специалисты-технологи, но и представители, как мы сейчас сказали бы, гуманитарных и экономических направлений. Совет эффективно работал не только по совершенствованию и внедрению технологий, но и давал горному начальнику рекомендации по решению социальных вопросов.

Наверное, можно согласиться с мнением Модеста Ильича, что его отец не был гениальным или выдающимся инженером. Но ведь не одни гении двигают науку и технологии вперед. Необходимы творчески мыслящие, добросовестные, старательные специалисты, работающие ежедневно, ежедневно. Именно таким специалистом и был Илья Петрович. Так, он добился разрешения на постройку новой школы. В архиве имеется предписание Ильи Петровича лесничему об отпуске леса для постройки домов крестьянам и непременно (постоянным) работникам. По примеру северной столицы, где функционировали женские учебные заведения, Чайковский распорядился об открытии училища для девочек.

Интересно, что многие рабочие завода имели родственников, занятых крестьянским трудом, что обеспечивало завод продовольствием. Но в лето 1840-го случилась гроза с градом. Были выбиты посевы озимых и яровых зерновых культур. Илья Петрович обращается в вышестоящие инстанции с просьбой оказать помощь крестьянам. Далее забота о продовольственном обеспечении работников завода нашла свое отражение в создании сельскохозяйственных ферм для постоянных работников.

Личность Ильи Петровича как человека, семьянина, любящего отца и мужа характеризуют еще несколько черт, отмеченных в записках Модеста Чайковского. Так окружающие отмечали импозантность, мужскую привлекательность в годы молодости и зрелости «этого интересного блондина с голубыми глазами», как сам себя с юмором характеризовал Илья Петрович. В общем, пишет Модест Ильич, это был жизнерадостный, прямодушный, добрый человек. Его доверчивость часто использовалась недобросовестными людьми, но это не меняло его характера.

В Воткинске семья Чайковских занимала достаточно просторный дом с приусадебными постройками для прислуги. Но даже в этом громадном доме бывало тесно. Помимо многочисленных членов семьи в доме проживали и находились на иждивении Ильи Петровича многочисленные дальние

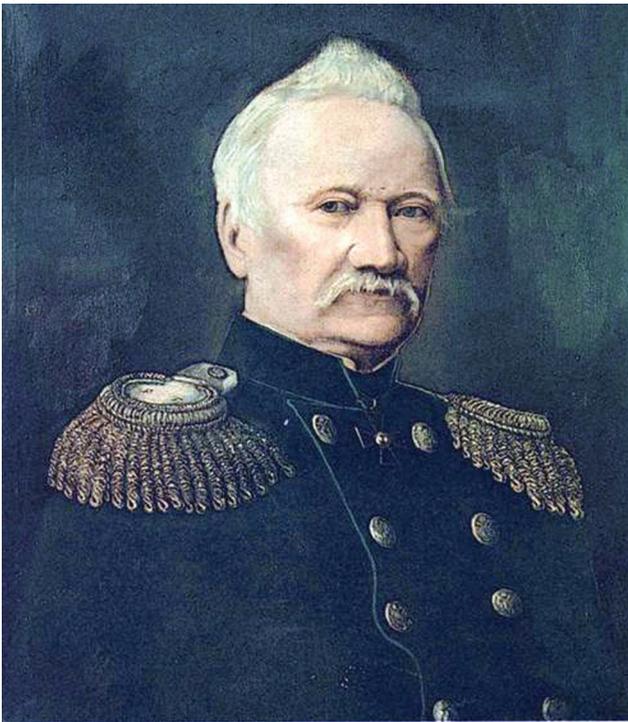
и ближние родственники, благо большого жалованья горного начальника хватало на безбедное существование.

В доме Чайковских бывали и многочисленные гости. Часто вечерами случались импровизированные концерты, в которых принимала участие мать будущего композитора Александра Андреевна. Она получила начальное музыкальное образование, неплохо пела, аккомпанируя себе на фортепьяно. В общем, дом Чайковских был неким центром «светской жизни» заводского округа. В такой доброжелательной, творческой обстановке проходило раннее детство будущего композитора.

Положение начальника большого завода можно было бы охарактеризовать таким шутивным выражением: он и царь, и судья, и воинский начальник. По состоянию на 1838 год в поселке завода проживало 4718 жителей мужского пола, 5152 – женского, было 1818 обывательских домов, 40 улиц. Поскольку населенный пункт, где проживали работники завода, а также вся территория этого округа не были статуйрованы ни как город, ни как поселок, то по сути Илья Петрович Чайковский выполнял функции градоначальника этого поселения. По некоторым данным, на территории, подчиненной горному начальнику, проживало около пятидесяти тысяч человек (сравните с Глазовом, давно имеющим статус города, где к концу XVIII века проживало не более одной тысячи человек). Интересно, что все, кто жил и работал на Камско-Воткинском заводе, на вопрос «где вы живете?» отвечали: «В заводе».

Во времена, когда руководителем завода был Илья Петрович, как уже отмечалось, в поселении шла достаточно активная «светская жизнь». В управлении заводом и его производствами принимали участие десятки специалистов с блестящим столичным образованием. По разным сведениям, среди них до сорока человек имели дворянское звание. Жены специалистов тогда не работали, а занимались воспитанием детей, организацией светских мероприятий. Модест Ильич отмечает, что все это делало обстановку в заводском поселении похожей на столичную. Во всяком случае, никто не ощущал периферийность своего существования и близость Азии. Центром многих мероприятий был обширный дом Чайковских. Александра Андреевна поощряла занятия детей музыкой, пением. Ставили даже пьесы, в том числе – самодельных авторов.

Современники отмечают: насколько Илья Петрович был вежливо-требовательным руководителем завода, настолько душевным, ласковым и добрым он был



Илья Петрович Чайковский.

в семье. Модест Ильич, характеризуя мать всего семейства Чайковских Александру Андреевну, говорит о том, что она в какой-то степени была противовесом всепоглощающей любви и всепрощенчества со стороны супруга, выступала в роли «строгой мамы».

Если многочисленные обязанности Ильи Петровича спроецировать на наше время, то можно сказать, что он был руководителем градообразующего предприятия, которое обеспечивало всем не только работников, но и все остальное население. Достаточно вспомнить, что ему подчинялись лесники, пожарные, полиция, судьи и так далее. Но никому он не давал даже малейшего повода говорить о чрезмерном увлечении администрированием, превышением своих полномочий, деятельностью не во благо подчиненных ему людей. Именно такие особенности личности Ильи Петровича и формировали характер его детей, в том числе – будущего композитора.

Думаю, что вершиной производственной деятельности Ильи Петровича Чайковского была должность горного начальника Камско-Воткинских заводов. В 1848 году в возрасте пятидесяти трех лет он ушел в отставку и на некоторое время вместе со всей большой семьей поселился в Санкт-Петербурге. В некоторых публикациях отмечалось, что Чайковский ушел в отставку по болезни. Однако с этим трудно согласиться. Опубликованные штатные послужные формуляры не содержат сведений о длительной болезни Ильи Петровича, отсутствия его по этой причине на исполняемой должности.

Думается, что кадровая политика Департамента горных дел была такова: систематически обновлять руководителей подведомственных заводов, горных округов, возложив при этом на действующего начальника обязанность готовить себе смену. Если посмотреть на сроки работы руководителей Камско-Воткинского завода, например, начиная с начала XIX века, то есть с назначения на эту должность Андрея Федоровича Дерябина, то можно видеть, что средний стаж работы в этой должности – и до назначения Чайковского, и после ухода его в отставку – составлял от семи до одиннадцати лет. Именно столько лет и проработал в должности горного начальника Илья Петрович. При нем в качестве управителя или, как мы бы сказали сегодня, технического директора служил Василий Ипатьевич Романов, который к 1845 году получил чин подполковника, прошел стажировку в Англии и ряде других стран. Это был квалифицированный инженер, внесший большой вклад в организацию судостроения на Воткинском заводе. Вызывает интерес подробнейший план стажировки Романова в Англии, собственноручно составленный Ильей Петровичем. По сути дела, это технологическая карта производства речных судов. Так что к 1848 году – сроку окончания службы генерал-майора Чайковского на Воткинском заводе – им был подготовлен преемник, а сам он уходил в отставку не с государственной службы, а лишь с поста руководителя завода.

Как следует из записок Модеста Ильича Чайковского, отец его вел переговоры о своем переводе на довольно высокую генеральскую должность в аппарате управления Департамента. Однако приятель, имя которого не называется, «подсидел» его, сам заняв предполагаемую должность, так что Илья Петрович на определенный период времени оказался не у дел.

Он не получил в Воткинске причитающееся ему выходное пособие, полагая, что получит его в Санкт-Петербурге, вступив в новую должность. Именно в это время семья Чайковских стала испытывать материальные затруднения. Ведь Илья Петрович не «сколотил» сколько-нибудь значимого капитала.

Он вынужден был уйти на генеральскую пенсию и принять предложение взять на себя управление Алапаевским, Унинским, Невьянским заводами, находящимися в частной собственности. Эта работа продолжалась три года и, судя по всему, расценивалась как нечто временное. За это время многочисленная семья Ильи Петровича так и не собралась вся вместе в Алапаевске.



Петр Ильич Чайковский.

В 1852 году Чайковский покидает должность руководителя упомянутых горнодобывающих заводов, и вся семья поселяется в Санкт-Петербурге.

В июне 1854 года скончалась супруга Ильи Петровича Александра Андреевна. Это сильно повлияло на его самочувствие, настроение. В течение почти четырех лет он вел жизнь типичного отставника. В 1858-м Чайковский получает предложение занять должность директора Санкт-Петербургского технологического института. Горный кадетский корпус, который в 1817 году с серебряной медалью окончил Илья Петрович, был в результате ряда реформ преобразован именно в это высшее учебное заведение. В 1863 году с этой должности, получив орден Владимира III степени, Чайковский окончательно покинул государственную службу и ушел на пенсию. В 1865 году Илья Петрович женился на Елизавете Михайловне Липорт.

Как отмечает Модест Ильич, после ухода на полный пенсион его отец стал настоящим театралом. Он не пропускал ни одной сколько-нибудь значительной премьеры в театрах столицы, с умилением и восторгом делился с домашними своими впечатлениями. Особую гордость у него вызывали, конечно, оперные и балетные спектакли на

музыку Петра Ильича Чайковского.

Скончался Илья Петрович от тифа в 1880 году в Санкт-Петербурге в возрасте восьмидесяти пяти лет.

Таким обыкновенным и в то же время необыкновенным человеком был отец великого композитора.

Можно согласиться с мнением многих историков и музыковедов, что способности, свойства характера Петра Ильича, которые бы обусловили его становление как гениального композитора, генетически вряд ли могли быть заложены. Ведь ни до, ни после рождения Пети в роду Чайковских ни по отцовской, ни по материнской линии не было профессиональных музыкантов. В то же время очевидно, что задатки великого музыканта могли развиваться только в условиях семьи, наполненной добротой и бесконечной любовью к детям. Великолепный образец любви и преданности являли также отношения Ильи Петровича и Александры Андреевны Чайковских.

Здесь еще раз будет уместно процитировать записки Модеста Ильича: «Ни тяжелая школа жизни, ни горькие разочарования, ни седина не убили в нем способность видеть в каждом человеке, с которым он сталкивался, воплощение всех добродетелей и достоинств... Редко можно найти человека, который имел в своей жизни так много преданных друзей, которого столь многие любили за неизменную ласку и приветливость в обращении, за постоянную готовность и умение войти в положение другого...».

Данные заметки не могли бы быть подготовлены без использования следующих книг и материалов: «П.И. Чайковский и Удмуртия. К родословной: Сборник документов. Составители Н.Г. Пушкарева и Г.И. Самарцева. Ижевск: «Удмуртия», 2001; «П.И. Чайковский. Годы детства: Материалы к биографии. Составители Б.Я. Аншаков и П.Е. Вайдман. Ижевск: «Удмуртия», 1983; «Воткинские были. Исторические очерки 1759-1959. Ижевск: «Удмуртское книжное издательство», 1959; «Воткинск. Летопись событий и фактов. Устинов: «Удмуртия», 1985; «Воткинский завод. Вчера, сегодня, завтра. Ижевск: «Издательство УдГУ», 1988; «Е.Ф. Шумилов. Для пользы ближних... Андрей Федорович Дерябин. Очерк жизни гениального человека пушкинской эпохи. Ижевск: «Издательский дом «Удмуртский университет», 2004».



ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Наталия ЗАКИРОВА-ГУЩИНА

кандидат филологических наук,
профессор Глазовского
государственного педагогического
института имени В.Г. Короленко,
заслуженный деятель науки
Удмуртской Республики,
г. Глазов



«Я ОСТАЮСЬ НАВЕК С ТОБОЙ, РОДИВШАЯ МЕНЯ ЭПОХА!..» АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ

В октябре 2012 года исполнилось 90 лет со дня рождения выдающегося русского ученого, мыслителя, советского и российского писателя Александра Александровича Зиновьева, сказавшего как-то: «Я вижу единственную надежду для человечества в том, что появится новый человек. Я надеюсь на чудо рождения этого нового человека. Ведь все эти годы шла непримиримая борьба людей практичных, деловых, расчетливых, жестоких, эгоистичных против всего доброго и гуманного, что есть в нас с вами. Я очень хочу, чтобы новый человек выжил, это моя самая заветная мечта».

Добрые отношения сложились у меня с Ольгой Мироновой Зиновьевой – спутницей жизни и продолжательницей дела видного деятеля культуры и науки современности Александра Зиновьева. Мы переписываемся, поддерживаем друг друга, стали настоящими единомышленницами.

А все началось с творческого вечера «Открой для себя имя» в нашей «Короленковке».

«Зиновьев Александр Александрович (родился 29 октября 1922 года, деревня Пахтино Чухломского района Костромской области) – всемирно признанный писатель, социолог, философ, логик, художник, поэт. Его фундаментальные научные исследования («Философские основы многозначной логики», 1960; «Комплексная логика», 1970; «Посткоммунистическая Россия: Публи-

цистика. 1991-1995»; «Русская трагедия», 2005) и художественные произведения («Зияющие высоты», 1976; «Светлое будущее», 1978; «Катастрожка», 1990; «Глобальный человек», 1997) переведены более чем на двадцать языков мира...».

Подобным образом должна была бы начинаться статья в наших энциклопедиях и справочниках об этой личности, этой грандиозной и парадоксальной персоне, не вписывающейся ни в какие рамки, разрушающей всякие стереотипы. Но... Получивший всемирную известность ученый и писатель, чье творчество по праву входит в золотой фонд нашей науки и культуры, в свое время оказался за ее бортом, стал «persona non grata», был подвергнут в своем отечестве травле, преследованиям, изгнанию, выма-

* Статья публикуется в соответствии с планом выполнения гранта РГНФ. Номер проекта 10-04-80406 а/У.

ран из справочных источников, а его книги были изъяты из библиотек и даже уничтожены сожжением.

Все это в прошлом. Сегодня имя Зиновьева и его творения, не знакомые целым поколениям россиян, к счастью, возвращаются к нам!

Настоящим открытием стало для меня и многих моих филологов-коллег из провинциального российского вуза знакомство с феноменом Зиновьева (не к стыду нашему, а к тому, что «за державу обидно!») только несколько лет назад. И только теперь, изучая со студентами литературное краеведение, я со знанием дела рассказываю им об этом открытии.

Судьба Александра Александровича уникальна, и в то же самое время она отражает историю страны во всех ее перипетиях, взлетах и катастрофах. Успешная учеба в школе, поступление в Московский институт истории, философии и литературы. Именно эти отрасли знаний и виды искусства да еще живопись станут ведущими в круге его безбрежных интересов.

А потом – исключение из института, из комсомола, арест за антисталинские выступления. Чтобы избежать преследований, он уходит добровольцем в Красную армию, во время Великой Отечественной служит в авиационном полку, его награждают орденом Красной Звезды.

После войны Александр Александрович оканчивает Московский государственный университет имени Ломоносова, защищает кандидатскую и докторскую диссертации по философии, создает новое направление в области методологии науки и логики.

За публикацию социологического романа «Зияющие высоты» в 1978 году его лишают всех наград, степеней, званий и гражданства и высылают с семьей из СССР на целых двадцать лет.

Но он не мог не вернуться, болея за Родину душой и сердцем, ни на миг не покидая ее в научных изысканиях и творческих раздумьях. В 1999 году он возвращается из Германии вместе с семьей в Москву. За бесчинства властей СССР перед ученым и его семьей извиняется... ректор МГУ Виктор Антонович Садовничий.

Знакомиться с Александром Зиновьевым приезжает вдова Осипа Мандельштама Надежда Яковлевна и, рассмотрев за его спиной жену, все понимает с порога: «Я так и думала, что за вами стоит женщина!».

К Зиновьеву приходят многие научные и литературные премии, его восстанавливают в гражданстве, которого он, по существу, никогда не терял. Он руководит исследо-



Александр Александрович Зиновьев.

вательским центром Московского гуманитарного университета, работает главным научным сотрудником Института философии и Института социально-политических исследований Российской академии наук, является профессором Московского государственного университета имени Ломоносова и Литературного института имени Горького.

В 2006 году в Ижевске вышла монография «Формула жизни: очерки социальной философии А.А. Зиновьева». Ее автор – наша землячка Елена Валерьевна Катышевцева. Кандидат исторических наук, доцент Глазовского инженерно-экономического института, автор более сорока научных работ, она познакомилась с Александром Зиновьевым лично. Книге «Формула жизни» суждено было увидеть свет еще при жизни ученого: обсудить предстоящую публикацию, согласовать эпиграф к книге из любимого Есенина.

28 апреля 2008 года. Вечер. Глазовская интеллигенция разных поколений, студенчество – на презентации книги Елены Валерьевны Катышевцевой в Публичной научной библиотеке имени Короленко. Выставка книг Зиновьева. Сегодня она значительно пополнится дарами. У нас в гостях – вечная спутница Александра Алексан-

дровича Ольга Мироновна Зиновьева.

На экране сменяются фото – мальчик, студент, солдат, ученый, муж и отец, обложки книг и иллюстрации к ним. Звучат веские слова нашего современника, ученого и мыслителя, донесенные в удмуртский край, в Глазов – традиционное место ссылки «политически неблагонадежных». С болью, а подчас и с иронией звучат юные голоса студентов инженерно-экономического института, вчитывающихся и постигающих вместе со своим педагогом суть учения подвижника свободы.

Кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории С.Л. Логинов, приверженец учения А.А. Зиновьева, делится с собравшимися собственным опытом приобщения к наследию ученого студентов Глазовского пединститута. Много вопросов к Ольге Мироновне. Их наперебой задают, приветствуя гостью из Москвы, доценты кафедры литературы пединститута В.В. Захаров, С.Я. Пашкова, Н.Н. Гущина...

Презентация книги «Формула жизни» была приурочена к скорбной годовщине смерти Александра Александровича Зиновьева, умершего 10 мая 2006 года и похороненного на Новодевичьем кладбище.

Пусть будет бесконечный бой!

Пусть будет бесконечно плохо...

Я остаюсь навек с тобой,

Родившая меня эпоха!

Слово великого жизнелюба и созидателя, мыслителя и художника Александра Зиновьева расслышали и поняли в российской провинции.

О «моцартианском абсолютном слухе нравственности», свойственном русскому классику Владимиру Галактионовичу Короленко, мне довелось рассуждать на пленарном заседании международной конференции «Культура провинции: история и современность» в сентябре 2008 года. В докладе была подчеркнута преемственная связь создателя символических категорий человеконика и Ибанска с концептом провинции, созданным Короленко в глазов-

ском цикле о «ненастоящем городе». (Н.Н. Закирова. Полифонизм «Глуши» В. Короленко // Культура провинции: история и современность. Восьмые Короленковские чтения. Материалы международной научно-практической конференции. Глазов, 2008. С. 15-21).

На краеведческой секции юбилейной международной конференции, посвященной 75-летию удмуртского поэта Флора Васильева, состоялось знакомство участников Флоровских чтений с основными вехами судьбы Зиновьева в региональном аспекте. (Н.Н. Закирова. Открытие А.А. Зиновьева. Из культурной жизни современного Глазова // Третьи Флоровские чтения. Материалы международной научно-практической конференции: 18-19 февраля 2009 года. Глазов, 2009. С. 220-222).

Студент филологического факультета Глазовского пединститута А. Евзельман защитил выпускную квалификационную работу по антиутопиям в литературе. Одна из глав дипломного сочинения – о «Зияющих высотах» А.А. Зиновьева. В ходе защиты диплома использовались наша переписка с Ольгой Мироновной, буклет, подготовленный Публичной научной библиотекой Глазова, выставка книг писателя с автографами, мультимедийная презентация о жизни и творчестве нашего замечательно современника.

11 марта 2010 года Елена Валерьевна Катышевцева участвовала в дискуссии «Мечта о Новом человеке» и премьерном показе телевизионного фильма «Александр Зиновьев: «Зияющие высоты», состоявшихся в Санкт-Петербурге. Глазовчане с интересом восприняли этот проект.

Наряду с работами о великих гражданах России – ученых, писателях, поэтах, педагогах – в 2010 году глазовские студенты подготовили на всероссийский конкурс работу и об Александре Зиновьеве.

Освоение нашего культурного достояния – учения и творчества человека Вселенной Александра Александровича Зиновьева – в удмуртской глубинке продолжается.

«Готовься к смерти, и потому живи полноценной жизнью. Жизнь есть миг, и потому живи с установкой на вечность. Будь готов умереть в любую минуту, и потому считай, что никакая минута жизни не есть последняя. Будь терпим, потому сопротивляйся всякому насилию. Если видишь, что борьба бесполезна, сражайся с удвоенной силой. Иди к людям, и потому будь один. Если ты человек, ты всегда одинок, а одиночество есть твое отношение к окружающим людям. Имей все, и потому отдай все. Смирись, бунтуй. Бунтуй, смиряясь. Короче говоря, на каждый принцип есть противоречащий ему, через который и только через который он и осуществляется».

Александр Зиновьев



Нина ЕРМОЛАЕВА

журналист,
переводчик,
г. Ижевск

ЛАРЕЦ С ДРАГОЦЕННОСТЯМИ
ТАТЬЯНА ЗАЙЦЕВА

Давно я хожу вокруг образа Татьяны Ивановны Зайцевой, как вокруг ларца с драгоценностями, к которому еще не подошла ключик.

Она – доктор филологических наук, член Союза писателей, заведующая кафедрой удмуртской литературы и литератур народов России Удмуртского государственного университета, автор прекрасных, своеобразных, глубинных книг об удмуртской литературе, о творчестве удмуртских писателей. У нее свой взгляд на литературный процесс, свое видение задач и перспектив, своя убедительная оценка пройденного удмуртской литературой пути. Она откровенна всегда и во всем: в оценках произведений, в отношениях с людьми, в высказываниях о людях, близких и далеких.

Может быть, в силу этих свойств, мне очень симпатичных – быть всегда и во всем независимой, откровенной – Татьяна Ивановна Зайцева после потери мной Алексея Ермолаева, с которым мы всегда смотрели правде в лицо, считая свою позицию коренным началом человеческого достоинства, – она как-то незаметно, но естественно восполнила образовавшийся пробел. Мне стали необходимыми поздневечерние пере-

званивания с ней. После них оставалось ощущение, что я узнала что-то новое, что давно бы следовало узнать, стала яснее смотреть на вещи.

Около семи лет я тесно контактирую с Татьяной Ивановной, бываю на руководимой ею кафедре, хожу на встречи со студентами, которые она организует то в университете, то в библиотеке имени Азина, то в музее-квартире Геннадия Красильникова. Наблюдаю, как она общается с молодежью, анализирует научные работы, подсказывает неожиданные решения – учит будущих специалистов мыслить масштабно и образно. Она буквально вытягивает юных, начинающих самостоятельную жизнь на столбовую дорогу, подстилая им под ноги не ковры, как мечталось Максиму Горькому, а твердую реальность, чтобы они шли по ней в полном вооружении: знаниями, достоинством, честью.

«Нелегко служить своему делу, соблюдая нравственные правила сейчас, – признается Татьяна Ивановна, – когда перевернуто истинное представление о предназначении человека, о его природе, когда трудно выстоять, не продавая себя, не предавая выработанный за века наро-

дом нравственный кодекс».

И, однако, она выстаивает – на высокой планке удмуртской народной интеллигентности, деликатности, самоотверженности.

Отмечу две стороны ее натуры: мягкость, уступчивость к тем, кто в ней нуждается, – и резкость, принципиальная твердость оценок, отношений, оппозиционность. Казалось бы, стороны противостоящие, несовместимые, как высокий правый и низинный левый берега реки. Но они в ней гармонично совмещаются, создавая цельный и неповторимый образ. Река, текущая меж двумя такими разными берегами, объединяет их в оригинальный ландшафт. Татьяна Ивановна – и чуткий, заботливый воспитатель молодежи, и непреклонный оппонент нерадивым, равнодушным к родной культуре, к духовным чаяниям простых людей. Она готова оказать любую посильную помощь из своих небольших денежных средств. Но она негодуяще относится к тем, кого заботит лишь собственная выгода. Да что я мудрствую? Именно такой человек в его неповторимой двусторонней цельности и мог стать моим духовным лидером. Точно знаю, что Татьяна Зайцева не предаст, не унижит человека, не сделает в его сторону лихую и пренебрежительную отмашку рукой: «Э-э!», как это делает тот, кого она назвала «духовным лидером удмуртского народа». И это мой единственный ей упрек – сотворение кумира из человека, охваченного непомерной гордыней.

Запоминаю, словно в тот самый заветный ларчик кладу, некоторые факты.

Вот на кафедру приходит седовласый мужчина. Оказывается, родственник тракториста Алексея Складина из деревни Селянур Граховского района – героя рассказа Романа Валишина «Сталь и жемчуг», опубликованного некогда в республиканской газете на удмуртском языке. Посетителю хочется, чтобы рассказ перевели на русский язык. Татьяна Ивановна не может остаться равнодушной к этой просьбе, как и ко многим другим. Где нынче найти переводчика? Просит меня, а сама делает подстрочник – это доктор-то филологических наук! Я перестала заниматься переводами полвека назад. Сделала исключение по настоянию Татьяны Ивановны лишь для удмуртского эпоса «Тангыра», составленного Михаилом Атамановым, которого уважала за подвижническую деятельность. Но и Татьяна Зайцева – не меньший подвижник в удмуртской литературе. Да что я говорю – гораздо больший! И я не могу ей отказать. Делаю литературную обработку на русском языке рассказа Валишина (конечно, еще и потому, что этого человека тоже глубоко

уважаю). Журнал «Инвожо» печатает рассказ в четвертом и пятом номерах за этот год. Это – в подарок родственнику героя Романа Валишина от Татьяны Зайцевой и меня...

– Нина Георгиевна, – звонит мне Татьяна Ивановна, – сможете вы принять моих знакомых из Игры? Это трогательная семейная пара. Прочитали ваши книги и стали мечтать о встрече с вами. В такой же любви живут: муж нежно ухаживает за больной женой уже много лет. Им кажется, что в общении с вами они обретут новые силы для борьбы с болезнью.

Супруги приезжают в сопровождении Татьяны Ивановны. Общение наше длится целый вечер и радует всех нас незримой духовной общностью. Мне кажется, что среди нас – Богородица. Она непременно присутствует рядом с теми, кто берегает в душе живое тепло, надежду, веру и любовь...

Лаборантка кафедры Мария работает над кандидатской диссертацией. Зайцева ей помогает, вкладывая в эту работу всю душу, все силы. Вместе с Марией сидит на кафедре едва ли не до полуночи день за днем, утрудившись, казалось бы, до предела бесконечными университетскими делами...

Она выкраивает время, чтобы организовать в стенах университета юбилейный вечер памяти писателя Петра Чернова: с привлечением деятелей культуры, студентов, преподавателей. Как всегда, блестяще анализирует творчество писателя, будто новым взглядом успев вчитаться в его произведения и заставив в новом свете засиять его талант перед слушателями...

И никаких дополнительных выплат, гонораров, премий за непомерную нагрузку, добровольно взятую на себя.

Из интервью с Татьяной Ивановной, которые я записала – об этнографе Михаиле Атаманове, историке Никифоре Павлове, литературоведе Алексее Ермолаеве и других, – можно было бы составить книгу, если бы кто-то оплатил ее издание. Но деньги мы просить не умеем: ни она, ни я. Умеем только трудиться – с виду даже кажется, что без усталости.

Несомненно, все мы вышли из детства. И там, в нем надо искать истоки реки – чистой и полноводной или мелкой и заиленной, может быть, топкого болота или грязной лужи, которыми мы плывем или топчемся по жизни. Я еду с Татьяной Ивановной в деревню Новая Бия Вавожского района, где она родилась и провела детство. За рулем машины – известный в Удмуртии ученый, врач Лев Леонидович Шубин. Сегодня 21 сентября 2012 года – день рождества Богородицы и канун пятидесятилетнего юби-

лея Льва Леонидовича, уроженца того же Вавожского района. Он и его супруга Зинаида Валентиновна, тоже врач и ученый, прониклись желанием Татьяны Ивановны поехать со мной на свою малую родину – выйти в широкое поле, в зеленый простор под голубым небом, вспомнить незабываемое детство, вдохнуть бескрайность жизни.

Шубины сделали для уважаемой землячки и для меня больше, чем мы ожидали: привезли в чудесную часовню на окраине села Валодор, построенную ими. Часовня оказалась действующим чудом, прибавила нам душевных сил. Неравнодушные люди всегда поймут и поддержат других неравнодушных людей.

Постояли мы и на проселочной дороге, по которой Таня Зайцева с подружками ходила ежедневно по семь километров до Водзимоньской средней школы. Эта дорога научила Таню упорству, выдержке, терпению, умению преодолевать себя, свои слабости.

Главное проявилось при встрече с отцом и матерью Татьяны.

Отец Татьяны Ивановны Иван Петрович Зайцев – механизатор, потом главный инженер колхоза. Про него рассказывали: отремонтировав с другими механизаторами старую технику, прятал ее в логу от глаз наезжавших инспекторов, запрещавших работать на отслуживших срок тракторах: Ивана Петровича никто не выдал. Любивший во всем порядок и дисциплину, он неукоснительно требовал того же от подчиненных. Эти качества он привил и дочери.

Галина Семеновна Зайцева, мама Татьяны Ивановны, проработала двадцать лет директором Новобиинской школы. Большинство учителей сегодняшней школы и ведущих специалистов производства сельхозпродукции – ее выпускники. Ее бывшие ученики рассказали, как она, молодая учительница, встречая их мокрыми и озябшими от непогоды, приводила к себе домой, чтобы отогреть, посушить одежду, накормить супом, напоить горячим чаем. Преподаватель географии, она вела краеведческий кружок, о чем мне с удовольствием рассказали его бывшие участники, создала при школе краеведческий музей. А теперь экскурсии можно проводить и в доме Зайцевых: Галина Семеновна вместе с дочерью большую летнюю комнату оформила словно музей старинного быта, где можно увидеть столы и стулья ручной работы, вышивку, плетение – несказанной теплоты изделия прошлых лет. Тут можно посмотреть и картины живущих в Новой Бие самодельных художников.

По заведенному для себя обычаю я привезла церковные свечи. Галина Семеновна пове-

ла меня в дальнюю комнату, где расположен киот с иконами и подсвечниками. Право же, я ощутила особый душевный дар, врожденный такт этой женщины – моей ровесницы.

...Мы вышли в памятное Татьяне Ивановне широкое поле, под не потерявшим голубизну сентябрьским небом, все еще теплым солнцем. Прошлись вдоль лугов, куда школьницей Татьяну вместе с односельчанами возили косить траву, побывали на помелевшем, но не утратившем красоты озере, на удивительной реке Вале в зеленых излучинах с соснами, елями, березами и рябинами на высоком правом берегу. Удмуртский край прекрасен в любое время года, потому и рождаются здесь время от времени прекрасные люди.

Выбираю в памяти один день из проведенных с Татьяной Ивановной на кафедре. Мне нравится заинтересованность преподавателей кафедры в развитии удмуртской и финно-угорской литературы, в поисках методов воспитания студентов, в стремлении сделать выпускников университета проводниками культуры в школах и училищах, где им предстоит работать.

Ноябрьский день 2011 года. Кафедра проводит семинар-совещание директоров школ, преподавателей и студентов, пригласив вести его Надежду Геннадьевну Девятову, тогдашнего директора музея-квартиры писателя Геннадия Красильникова. Идея семинара – способствовать развитию библиотечной и музейной сети. Открывать новые библиотеки, а, тем более, сохранять старые – святое дело всех. Надо хранить некогда созданные музеи и создавать новые, обновлять экспозиции, потому что обновляется жизнь.

Т.И. Зайцева: Во многих школах самостоятельно создаются литературные и краеведческие музеи, – видимо, это потребность времени, желание глубже окунуться в духовную жизнь народа, в его культуру и историю. Вот несколько таких школ, создавших музеи, где директорами являются наши выпускники: Новобиинская Вавожского района, Исаковская Балезинского района, Безменшурская Кизнерского района, средняя школа села Каменное Завьяловского района, школа в Малых Лыжах Балтасинского района и Староучинская Кукморского района Татарии. Перечень их можно продолжить. И в сельских библиотеках создаются музеи удмуртских писателей. Таково веяние современной жизни. Хочется верить, что мы будем больше внимания уделять в учебных планах именно музейной деятельности.

Н.Г. Ермолаева: Может быть, назрели какие-то новые формы?



Татьяна Ивановна Зайцева.

Т.И. Зайцева: Именно – и новые. Наша выпускница преподаватель школы Ирина Евдокимова создала виртуальный музей поэта Владимира Романова. И у него есть «посетители». Для музеев этот путь имеет много преимуществ: быстрая смена экспозиции, включение дополнительных материалов, широкая аудитория, воспроизводство многих копий. В селе Каменное есть музей, основанный на фотографиях и посвященный Эрику Батуеву.

Н.Г. Ермолаева: Безусловное преимущество таких экспозиций – доступность любому, имеющему компьютер. Но, так скажем, в «натуральном» музее можно воочию увидеть рабочий стол писателя, его пишущую машинку, его кресло, его портрет в живых масляных красках, написанный живой душой и рукой художника, ощутить атмосферу быта и творчества человека, сопричастность с ним. Никакие прекрасные альбомы не могут заменить мне путешествие по Третьяковской галерее, Эрмитажу, Русскому музею, музею имени А.С. Пушкина.

Т.И. Зайцева: Конечно, изобретая новые формы, нельзя отказываться от старых. Нужно и то и другое. Вторая задача нашего семинара – показать роль самообразования, самоподготовки в педагогической деятельности. Студенты задавали вопросы: с какими трудностями они сразу встретятся, на что обратить особое внимание, как преодо-

леть барьеры, на что настроиться молодому специалисту. Директоры школ говорили, что преподаватель сегодня должен быть многосторонней личностью, средоточием разных знаний и умений. Таких специалистов мы, преподаватели вуза, должны выпускать. Возникает проблема введения в учебный план новых программ и практик, в частности, на базе библиотек и музеев.

Меня поражают размышления Татьяны Ивановны Зайцевой о том, что такое сегодня малочисленная сельская школа. Это – как прежнее дворянское гнездо, воспитывавшее высокоинтеллектуальных, высокообразованных людей, взращивавшее гениев. Надо развивать сегодня сельскую школу, а не глобализировать, не сосредотачивать детей в одной на весь район. Надо отстаивать сельские малокомплектные школы, и они взрастят настоящие личности, считает Т.И. Зайцева: неожиданное, точное, убедительное и вместе с тем простое сравнение.

Проблемы, проблемы, задачи, задачи... Еще и такая как повышение квалификации специалистов сразу по окончании учебного заведения. Сегодня надо выстраивать цепочку послевузовского образования с точной определенностью для молодых специалистов: чего от них ждут, скажем, на селе, какими они будут востребованы.

И еще одну проблему обозначило это совещание: магистратура. Хотелось бы, чтобы в нее приходили выпускники, уже вкусившие, что такое работа в школе. И они не оторвутся от школы, вернуться в нее вместе с полученным научным багажом.

Кроме голоса университетского коллектива, надо слышать голоса работодателей. Значит, и тут требуется разработать программу отношений с разными ведомствами, найти контакты с ними. Только так может установиться баланс между вузовскими и государственными интересами...

Много места я посвятила одному ноябрьскому дню. Но ведь не зря. Он высветил цели и способы их достижения моей героиней. Надеюсь, читатели вместе со мной ощутили масштабность личности Татьяны Ивановны Зайцевой – представительницы национальной и интернациональной культуры. Конкретно увиделся человек, не просто плывущий по бурному течению жизни, а пытающийся укрепить берега реки, поставить, где надо, дамбы, плотины, перекинуть мосты, чтобы соединить настоящее с прошлым и будущим, чтобы сохранить и приумножить интеллектуальный багаж, накопленный человечеством.

Моей героине под силу глобальные задачи. Помечтаем, чтобы таких общественно

активных и лично одаренных людей стало вокруг нас больше. А их непременно будет становиться все больше: из тех, кого выведет на свою дорогу Татьяна Ивановна Зайцева.

А теперь о ее собственной дороге в литературу, в науку о литературе – дороге, которая не была для нее простой и легкой. Пробовала после школы поступить в Ижевский механический институт: подала документы, закончила подготовительные курсы. В общежитии, где ее с подружкой разместили вместе со студентами, столько рассказней наслушалась про то, как тяжело всю жизнь работать с железками, что засомневалась в своем выборе. Принять окончательное решение помог случай.

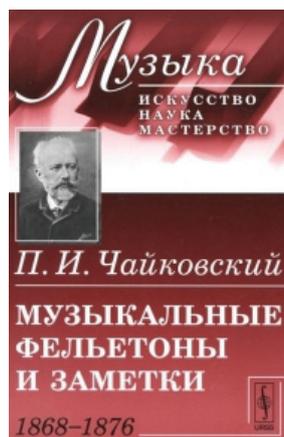
Поехали они с подругой в деревню перед экзаменами. В заранее оговоренный день и час на берегу Валы их должен был ждать лодочник, чтобы переправить на родной берег. А его все нет и нет. Сидят девчонки у реки в холодный предосенний день, замерзли. Что делать? А Вала, перекатывая серые волны, словно говорит им: не в ту сторону собираетесь, ищите свой, свой путь... Лодочника в конце концов нашли, но этот случай Татьяна истолковала как предупреждение и забрала документы из института.

И все же долгими были поиски «свое-

го» пути: подала документы на экономический факультет Удмуртского государственного университета, чтобы вскоре уйти; поступила с блеском в индустриальный техникум, чтобы проучиться несколько месяцев. Наконец, устроилась курьером в газету «Комсомолец Удмуртии», вскоре стала корректором, но при этом училась писать заметки, находить интересных людей и брать у них интервью. Много читала, и ее тянуло рассуждать о прочитанном, обстоятельно писать, в чем-то споря с рецензентами и авторами предисловий.

Пришло осознание: ее путь напрямую связан с литературой. И тогда она поступила на филологический факультет УдГУ, чтобы по окончании продолжить учебу в аспирантуре, защитить кандидатскую и докторскую диссертации, стать заведующей кафедрой, написать несколько прекрасных книг, выразив в них свое представление о прозе последнего двадцатилетия: оригинальное, точное, обоснованное.

Дар Татьяны Ивановны писать ярко и образно при простоте и ясности стиля завораживает читающих. Я слышала такие отзывы от многих, и сама ощутила очарование ее книг, к которым и золотой ключик не нужно искать: открываются простым – интересом к литературе.



НОВЫЕ КНИГИ

П.И. Чайковский. Музыкальные фельетоны и заметки. Москва: Либроком, 2012. Впервые в роли музыкального критика великий русский композитор Петр Ильич Чайковский выступил в 1868 году, ознакомившись с членами петербургской «Могучей кучки». Спустя четыре года в качестве музыкального критика он уже печатался в либеральных «Русских ведомостях». Сфера интересов композитора была чрезвычайно велика. Вот только несколько названий его работ из сборника: «По поводу «Сербской фантазии» г. Римского-Корсакова»; «Бенефис г-жи Патти»; «Некролог. Иван Осипович Шрамек»; «Русская и итальянская оперы»; «Вагнер и его музыка»; «Третья неделя концертного сезона». Книга адресована не только искусствоведам, но и всем поклонникам Петра Ильича.



РЕЦЕНЗИИ

Наталья СУРНИНА

ветеран труда России,
г. Ижевск



«В КРУГУ ВРЕМЕН» О СБОРНИКЕ НИКОЛАЯ МАЛЫШЕВА

Бывает так, что вышла в свет книга и сразу привлекла внимание читателей и критики, вызвала полемику в среде любителей литературы. Бывает и иначе: книга проходит незамеченной, отзывается в сердцах небольшого числа ценителей и людей, пристально следящих за литературными событиями. Иногда у тебя в руках оказывается сборник стихов, изданный несколько лет назад. Ты прочтешь его и захочешь поделиться своими мыслями и наблюдениями.

Я получила в подарок от Николая Евгеньевича Малышева сборник стихов «В кругу времен», изданный в 2010 году, и заинтересовалась им. Приятно взять в руки хорошо изданную книгу: белая, красивая бумага, отчетливый, крупный, интересный шрифт. Без ненужной экономии и с уважением к емкому тексту для каждого стихотворения нашлась отдельная страница. Задерживают внимание иллюстрации художника Михаила Вахрина (правда, иногда для того, чтобы их расшифровывать как ребус).

Название сборника останавливает внимательного к слову человека: «в кругу» или «в круге»? Словари дают пояснения: «в кругу» – на круглой площадке («молодежь танцует на кругу»). «В круге» – значит, должен подразумеваться предмет в форме окружности («спасательный круг»). Современный язык допускает синонимическое употребление «в круге» и «в кругу» в значении «замкнутая область, сфера чего-нибудь».

Задумавшись о языковом смысле названия, невольно отмечаешь иногда и языковую небрежность: «И по миру тихо пошли старики». «Идти по миру» в русском языке означает «нищенствовать», а по

смыслу стихотворения – покинуть деревню постепенно, один за другим, быть может, умереть... К языковой небрежности я бы отнесла и строку «Солнце наметилось вброд скользить по березам». «Вброд» – это по чистому мелкому месту, по воде. Воздух, конечно, близок воде, но могут ли березы создавать брод? Много вопросов к самым разным людям было у меня по поводу использования выражения «душистое жнивье». Жнивье – это остатки стеблей, солома, оставшаяся на корню после жатвы. Почему они «душисты», особенно утром? Быть может, весь воздух в деревне, на природе, в котором смешались запахи цветов и травы, душистый?..

Как сформирован сборник? В нем пять разделов. Трудно уловить причину таких обозначений: «К перемене погоды», «На помин веснь». Мне представляется, что есть смысловой повтор, а именно: «Пятый сезон» (очевидно, по Пастернаку: любовь – пятое время года). Но сезон не всегда время года, а раздел о любви обозначен «От любви до любви». Сразу несколько разделов, словно перед нами метеопрогноз, возвращаются во круг смены сезонов: «На помин веснь», «Пятый сезон», «К перемене погоды».

О чем же сборник, возникает мысль у читателя, взявшего в руки книгу стихов и, как водится, от заглавия обратившегося к оглавлению? Первая часть названа «Частный знаменатель» (каждый ли из нас может легко вспомнить из школьных уроков, что знаменатель – число в дроби, показывающее, на сколько частей разделена единица; общий знаменатель применяется для того, чтобы уравнивать числа, сделать сходными). Держа в руках сборник стихов, читатель готов к метафорам, фигурам речи, готов не терминологически

Автор сборника погружается не во время, а в мгновение, отсюда трепет жизни в стихе, сиюминутность истины, полнота переживания: «холодная, страшно пустая кровать».

Весь вечер мы нежно любили друг друга
И счастливы были, как в море волна...
Весь вечер любили друг друга мы юно,
Светло и легко, как цветы на лугу.

Но отсюда же – и ограниченность взглядов, робость выводов, обилие вопросов, дезориентированность.

Главное, чтобы жива была мать,
Но никто тебя другим
уже не вылепит...

Трудно угадывать сущность людей, отношений, событий. Все зыбко, мгновенно. Жизнь для героя сборника не калейдоскоп, когда из множества разноцветных кусочков складываются необыкновенной красоты узоры, а винегрет, когда все на мелкие кусочки порезано и перемешано – ни красоты, ни смысла. В отличие от лирического героя в реальной жизни автор сборника скорее резонер, руководствующийся взвешенными аргументами, всегда поясняющий свою позицию подробно и здраво.

Прочитав сборник, отчетливо представляешь себе, что герой стихов ценит и что отрицает.

Вам, кто с ходу и напроць не верит,
Что порой посещает любовь,
Перед вами закрыл бы я двери –
Окна вдребезги, реки слов.

Не приемлются ложь, суэта, заумные мысли, тупики. Высоко ценится человек, в душе которого нет зла и фальши, а есть природа, Родина, труд, перемены, жизнь с ее ощущением бытия, движения, перемены, свобода, дружба.

И вижу я, чем взгляд уходит дальше,
Тем дальше мысль в глубины бытия,
И если нет в душе ни зла, ни фальши,
Жить хорошо – и это знаю я.

Стремясь передать живое чувство, герой не только остро переживает события, но и часто впадает в отчаяние от несбывшегося: снова не состоялось, не случилось, обманулся. Жажда вечного, надежного, постоянное ожидание ответа, преданности, верности легко подводят к пропасти отчаяния.

Но коня не поверну –
Жалкое достоинство.
Порознь в одну сторону
Все равно мы скроемся.
Получается, вдвоем –
Хочется не хочется –
Эту общую мы пьем
Чашу одиночества...
Невлюбила. Очень просто –
Я не херувим.

Не отчаивайся взросло,
Повезет с другим.

Каждая встреча и событие воспринимаются как грань. Что ожидается от встречи с женщиной, от той любви, которая никак не складывается? Преданность? Длительность отношений? Обретение родной души, понимание? Разрыв кольца одиночества? Герой мечтает вырваться из условий бытия в иной мир, вдохнуть иной воздух, слить чувства и мысль, жизнь и мир в одном. Происходит обретение только обманно, недолго, под винными парами, на одну ночь. Жажда любви не утолена, может быть, потому, что она ненасытима? Возникает впечатление безнадежной, роковой неудовлетворенности. Может быть, герою только такое экстатическое соединение с другим дает ощущение жизни? Отдавать себя всю часто или постоянно душа не может. В этом – фатальная невозможность осуществления поиска. Слишком много надежд на встречу, на союз, на любовь. Душа героя спит, пока его не любят. Любить без ответа для него все равно что не любить.

И как же теперь мне с тобою совпасть?
Словно что-то к тебе не пускает.
Что ни сделаю – все не в масть,
Шаг шагну – и плутаю.

Многих гармонизирует природа. Автор сборника пишет в одном из стихотворений: «Просторные лежат снега в отчизне». В этих словах – и любовь к России (снега красивы не какие-то иные, альпийские, например, а родные, российские), и сыновнее любование (снега «просторные»). Отличный эпитет, пополняющий словарь русской пейзажной лирики, словарь очень богатый, пополнить который вовсе нелегко. Особенную любовь к жизни герой стихов чувствует именно в деревне. Об этом говорит эпитет «спокойные» (душевное равновесие, отсутствие суеты, умиротворенность) – «Спокойные в полях мерцают дали». Тонко отражена особенность русского пейзажа, причем именно зимнего: он всегда печален. И сколько вчувствования в эту его особенность в строках:

И этот вид, как должно, чуть печален,
Но только чуть, а вовсе не до слез.

Герой стихов Николая Малышева видит красоту, наблюдает ее в деревне (не в городе, там невозможно для него, ему нужно удалиться), но на природе он переживает только покой, отсутствие суеты, а не самое стихию воздуха, воды, земли.

Но разве природа только в деревне? Расхожее общеизвестное наблюдение своей тривиальностью вызывает желание оспорить. А человек, городской житель? Разве он не создание природы и не часть ее, на

восемьдесят процентов биологическое существо? Часто, говоря «поехать на природу», мы подразумеваем пикник на траве, речной пляж. Конечно, эта картина противостоит железу, бетону, асфальту, окружающим нас в городе, но так ли уж полярны город и иная среда – лес, поле, речка? В городе белой метелью метет тополь, благоухают сирень и черемуха, румяными яблоками красуются на заснеженных ветках снегири. Городская среда наполнена тысячами живых существ. Осознавая умиротворяющее действие природы, человек и в прошлые века, конечно, чувствовал прилив сил, жизнелюбия в лесу, у моря, в горах. Но и свою, обустроенную среду (обилие больших зданий из определенных материалов) любил, поэтически осмысливал, а, главное, – оживлял, населяя, например, домовыми.

Автора волнует, что у молодого поколения иные ценности:

Они прилипли к мониторам
В кирпичных камерах квартир.
На кой им шут полей просторы,
И прочий вздор, и прочий мир?

Автор сборника использует псевдоним и сам же его раскрывает, причем букву «Н» в нем предлагает расшифровывать как «некто». По толковому словарю «некто» – «некий человек, кто-то», а также в сочетании с именем или фамилией – «мало кому известный человек». Публикуя фотографию, сопровождая псевдоним пояснениями, Николай Малышев исключает значения «мало кому известный» и «кто-то». В чем смысл псевдонима и смысл его раскрытия?

Все это не избавляет героя стихов от дисгармонии, он не знает, кто он в этом мире, его мучает вина перед забытой деревней, перед могилами близких, одолевают праздность и лень.

И неважно, кто кем был,
Важно, с чем пришел к финалу
И насколько кто любил
То, чего извечно мало.

В сборнике много стихов о творчестве, его проявлениях, свойствах этого состояния. Творчество позволяет взойти на вершину и видеть дальше других. Не писать нельзя, стихи неизбежны. Это «находит» на тебя, владеет тобой.

Когда в седле, и бег кобылы плотен,
И чуден миг, и строчки понеслись,
И кисть блуждает в простынях полотен,
И за собою поднимает ввысь...

Но не так оно выходит,
Все выходит. Да не так.

В голове сумбурный бродит
Образ – предвкушенья знак...

Кто – по миру, кто-то по миру,

С думой: как бы набить кошельки.
Рядом бездарь насилует лиру,
И художник ваяет горшки...

Вот уже и двух слов не связать,
Все одно – лабуда да напраслина.

Потому и уместно сказать:

Листья тополя падают с ясеня...

Но как же быть с бумагой на столе?

С неуправляемым инстинктом этим?..

Автор не изображает идеал, найденный заранее, мыслью, он ищет его душой, чувством, пишет об этом, а не «подгоняет» стихи под разум. Он скорее часто дезориентирован, растерян, чем имеет концепцию, теорию, иногда это состояние поиска культивирует.

Куда мне идти, ну куда идти?

И кто поможет, хотя бы заочно?

Кто сигаретой угостит в пути?

И мудрым словом встретит досрочно?

Разгадывая смысл современности, отражения страстей и идеалов, герой и себя постоянно спрашивает: вобрал ли он в свою личность время или чувствует себя отставшим?

Кто я есть? И сам не знаю,

А узнаю – ошибусь.

Всех бессмертье принимает,

Воплотившись в слово Русь.

Я актер. Я только Гамлет.

Сцена, рухнув, поплыла.

На плащах вперед ногами

Уберут с нее тела.

Стихотворение «Наследство» является важным по выражению мироотношения героя стихов. Самое важное, дорогое перечислено и пояснено: природа, быт без заморочек (домик в одно окошко, крылечко), общение с другом (мужчина? женщина?), доверительные разговоры за вечерним чаем, пенье птиц, детские руки, звезды, простор полей. Смешанный этот состав отобран не мной, где и Родина, и звезды, и разговор за чаем – в одной категории.

Если ж в сумерки, подло шурша,

Подползает хандрою забота

Или праздника просит душа,

Для друзей отворите ворота.

Герой стихов лишен корысти, не стремится к материальному благополучию.

Подрачься бы, но не дерусь

За место теплое и сытое...

Кто нашей глупости будет лишен,

Тот будет с хлебом.

Стихотворение «В провинции» также отображает представление автора об идеале: это те, кто трудится на земле. Труд, правда, святость не связываются в понимании героя стихов с городскими жителями. Идеал, как всегда, видится в природе: родные просторы, поля под луной, деревня с ее святыми жителями. Критерий определен:

нет в душе зла и фальши. Оптимизм – основа восприятия жизни: «Жить хорошо».

Вон там огни далекого селенья,
Где жители в своих делах мудры.
Они не знают праздности и лени,
Не грезят про заумные миры...

Просторные лежат снега в отчизне.
Среди лесов – широкие поля.
И думается: нет предела жизни,
Жить хорошо – и это знаю я.

Стихотворение «Творчество» можно условно разделить на две части. Первая повествует о писательском труде. Следуя заветам Пушкина, автор утверждает свое право писать, не оглядываясь на оценку современников: неизвестно, что вырастет из ребенка; неизвестно, что суждено стихам. Главное, что рождаются стихи трудно: «все подчинено стремленью», «поет сердце», поэт жаждет «искупленья». Это не баловство, а акт, подобный рождению человека.

Во второй части автор раскрывает сложный и противоречивый внутренний мир современного поэта: «измотало меня, заморочило». В нем под сомнение поставлено главное: любовь, совесть, творчество. Неслучайно и в обращении к читателю автор предлагает расшифровать инициал в псевдониме Н. Сомов не как «мирское» имя Николай, а как «некто». Одной из первых жизненных ценностей названа любовь, и не будут ни друзьями, ни знакомыми те, кто в нее не верит: «Перед вами закрыл бы я двери».

Внутренний мир героя лишен гармонии, покоя, совесть у него «утлая», рассказ о жизни назван «вранливой повестью», сердце его мытарствуется. Страшен образ шеи, подвешенной на трапециях тишины (тема ухода из жизни? единственный способ обрести тишину, то есть внутренний покой, – выключиться из окружающего мира?). Друзья и знакомые таковы же: «Почему все вокруг куролесят?». Утратив в этом мире душевный покой, автор и сам себя терзает: «Сам к своим придираюсь словам». Судя по расположению их в сборнике, и сам автор придает стихотворениям «Творчество», «Наследство», «В провинции» важное значение.

В стихах гражданского звучания нет ясности мысли, вопросы для героя важнее ответов, они содержат набор шаблонов о бедном народе и прочее. Много общих мест, нет обобщений, простора мыслей.

Нам любую вдолбят ахинею,
Может, и оденут – лет на сто –
В яркий шарфик (петелькой на шею)
И в смиренное модное пальто.

Какое же время в стихах Некто Со-

мова? Это время политическое, без имен и лидеров, без народных заступников, время нищего народа, казнокрадов и рвачей. Никто из пестрого спектра политических деятелей, которые прошли перед современниками и оставили спорные мнения, не упомянут, не охарактеризован, не вызвал определенного отношения. Значит, круг времен всегда один, при царе или президенте – всегда чума или волки, подробности неинтересны.

Время литературы имеет более четкие контуры хотя бы потому, что обозначено именами. Названы Пушкин, Ахматова, Ду Фу, Ли Бо, Блок, Высоцкий. Нетрудно заметить, что ориентиры неравнозначные. В этом литературном времени Сомова не живут Пастернак (даже известный роман вошел во внутренний мир фильмом по нему!), Платонов, Набоков, Цветаева. Зато густо населен хорошо знакомыми пишущими людьми: Шура Ходыкин, Володька Кузьмин, Витя Федотов, Володя Скворцов, Саша Нелюбин, А.Б. Торгушин. Обозначение своего литературного круга, фиксация своего литературного времени для автора важнее, она удалась.

Не судьба по трафарету.

Всюду вывих да излом...

Нас признание сторонится,

Мы стоим себе в тени.

Есть время философское. Автор демонстрирует эрудицию: Ницше, Фрейд. Судя по содержанию стихотворений, он много думал и внутренне освоил восточную мудрость (Конфуций, дао, дзен). Все это не помогло ему обрести свой путь и остаться знанием, а не жизненной практикой. Постоянно что-то мешает герою стихов остановиться в поиске истины, воскликнув «Эврика!».

Никто природы не обманет,

И ей начхать, что вы круты.

Как ни крути, а солнце встанет,

И это вовсе не понты.

У меня возникло впечатление при чтении стихов, что культивация внутреннего разлада становится источником вдохновения, и расстаться с этим нельзя. Для героя стихов важен не поиск пути и строительство себя, а возможность писать стихи.

Я снова проснусь в начале начал,

Не зная, кто я и откуда...

Запутаюсь и заплутаю опять,

Измотанный к вечеру в лоскут.

В сборнике мир предстает как закрытая книга. Покой обретен в природе и общении с детьми. Если говорить о времени, то это бег по кругу.



РЕЦЕНЗИИ



Татьяна ДУШЕНКОВА

старший научный сотрудник
отдела филологических исследований
УИИЯЛ УрО РАН,
г. Ижевск

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО НАШЕГО СОВРЕМЕННОКА

Михаил Гаврилович Атаманов – ученый, проповедник, писатель: Библиографический справочник. Составитель Е.А. Булычева. Ижевск, 2012.

Кто из нас не задавался вопросом о феномене творчества, а особенно научного? Человек, который сумел воплотить в себе такие разносторонние таланты как исследовательский дар, научную интуицию, служение Богу и мастерство писателя – Михаил Гаврилович Атаманов. Много ли найдется таких ярких личностей в российской и мировой науке? Для меня это, в первую очередь, М.В. Ломоносов и Д.С. Лихачев, среди удмуртов – В.Г. Верещагин и К. Герд.

Харизма личности о. Михаила – в миру М.Г. Атаманова – неоспорима. В удмуртском языке для него подошло бы определение Дунне Адыми. В данное понятие входят такие качества как ощущение себя частицей Вселенной, способность брать на себя ответственность за все, что творится в мире. Это и универсальные способности, навыки, умения как в материальной, так и в духовной сфере.

Необычное исследование Елены Александровны Булычевой посвящено жизнеописанию и творчеству нашего современника, что само по себе является очень сложной задачей. Такое огромное сплетение материала кажется невозможным. Но книга действительно получилась на удивление удачной. Для меня она стала полным откровением. Многие открыла для себя и в себе.

Легко потерять нить повествования в таком огромном потоке информации, но Елена Александровна умело лавирует между первоисточниками, складывает их в удивительную мозаику. Благодаря ее мастер-

скому владению материалом работа читается как единый текст, а образ Михаила Гавриловича Атаманова предстает перед читателем как монолитная фигура, как огранный природой алмаз, иногда поворачиваясь теми гранями, которые в жизни остаются в тени. Это уже, несомненно, талант Е.А. Булычевой, решившейся на этот огромный и кропотливый труд. Она бережно собрала все материалы о М.Г. Атаманове, скомпоновала их, разложила по разделам и параграфам. Спасибо ей!

Библиографический справочник удачно объединяет разные жанры: интервью, отзывы, рецензии, эссе, выдержки из статей разных авторов, воспоминания детства и юности самого Михаила Гавриловича, его рассуждения и многое другое. Такая широкая многоголосая палитра лишь усиливает общее звучание симфонии жизни и творчества выдающегося ученого, писателя – автора эпоса «Тангыра», религиозного деятеля – переводчика Библии на удмуртский язык.

В последние пять-семь лет удмуртский читатель часто знакомился с литературой такого рода как воспоминания, мемуарная литература благодаря З.А. Богомоловой, Е.Е. Загребину и другим нашим авторам. Художественной литературы, особенно прозы, практически не выходило. Новая работа о М.Г. Атаманове, я надеюсь, станет открытием на фоне скудного однообразия книжного прилавка Удмуртии.

Возможно, книга, получившаяся увлекательной, интересной и, главное, стоящей, многих повергнет в шок, другие, как я, найдут для себя откровения, третьи просто насладятся чтением или удовлетворят свое любопытство. Но равнодушными она не оставит никого.



ФОТОИСКУССТВО

Роман РЯБОВ

аспирант ИжГСХА,
г. Ижевск

«СВЕТОПИСАНИЕ»

Утро открывает новую жизнь, она течет беспрестанно, переливаясь яркими цветными бусинками. Эмоции прожитых моментов – самое дорогое, что приобретает человек за всю жизнь, только они рождаются, остаются и умирают с нами, никогда не покидая свое место на полках нашей памяти. Все мы индивидуальности, и все мы видим мир по-своему, но некоторые из нас могут разглядеть «изюминку» в обыденной повседневности. Это главное отличие фоторабот Романа Рябова, превращающего видимые картины реального мира в вечные образы мира чувств. Светлые, искренние, живые образы его работ всегда находят отклик у зрителя. Роман не отдает предпочтение какому-либо жанру, в его альбоме – репортажи, портреты, студийные фото, хроника, пейзажи, свадебные, туристические, уличные и социальные фотографии. Роман полностью поглощен «светописанием». Несмотря на то, что он аспирант и серьезно занимается наукой, объектив его камеры ловит сверкающие эмоции происходящих ситуаций, навечно сохраняя жизненные картины в мире, который мы называем искусством.

Елена Новикова, заведующая галереи «Арфа» Камского института.



Дворик. Из цикла «Грузия». Фоторабота Романа Рябова.



Женщина. Из цикла «Грузия». Фоторабота Романа Рябова.



Книгочей. Фоторабота Романа Рябова.



ДЕБЮТ

ПЕРВАЯ ПУБЛИЧНАЯ ЧИТКА ЖУРНАЛА «ИТАЛМАС»

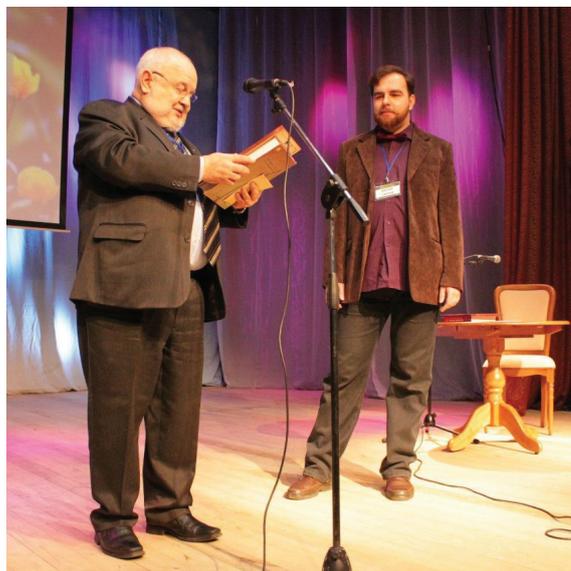


12 декабря 2012 года в большом зале Удмуртской Государственной Филармонии прошла первая Публичная читка журнала «Италмас». Это была художественная презентация 16-го выпуска журнала, состоящего из произведений только молодых авторов: прозаиков, поэтов, журналистов, художников, фотографов, дизайнеров со всей России. Они сами представили себя и свое творчество со сцены. Наряду с «живым» исполнением, зрителям показали видео-приветы молодых поэтов Петербурга. Это были не просто чтения, но своеобразные перформансы. Можно назвать имена Степана Ломаева, Александра Митрякова, Станислава Тарасова, Егора Завгороднего, Анны Бубновой. Главный редактор журнала академик В.А. Никулин вручил премии года авторам лучших публикаций этого года. Ими стали Елизавета Мезрина, Денис Кожев и ваш покорный слуга. Для нашего журнала это был первый опыт. По имеющимся в интернете отзывам, он был неплох. Надеюсь, что ежегодные читки своих произведений молодыми авторами нашего «Италмаса» станут традиционными. Талантам ведь надо помогать :)

Дмитрий Стрелков



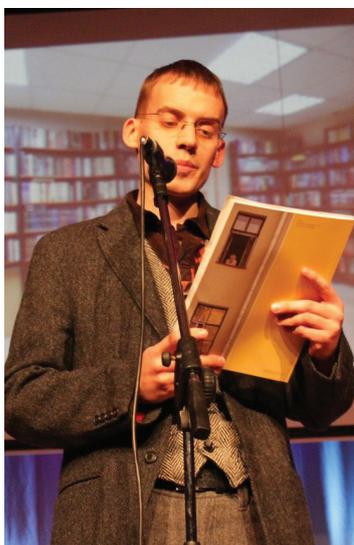
Прозаик Анна Бубнова – лауреат литературной премии имени писателя Михаила Петрова.



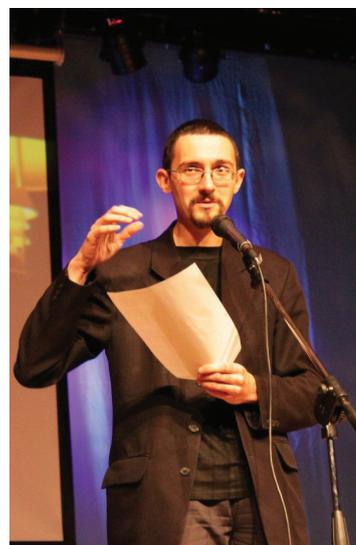
Главный редактор журнала «Италмас» В.А. Никулин вручает премию Дмитрию Стрелкову.



Прозаик Степан Ломаев.



Прозаик Денис Кожев.



Поэт Александр Митряков.



Пианист Яков Иютин.



Публицист и литературный обозреватель Станислав Тарасов.



Поэт и музыкант Михаил Берзин.



Девушка и рэп. Александра Наганова.



Ансамбль скрипачей «Violini Felici» ССМШ при Республиканском музыкальном колледже.



На прогулку. Оргалит, масло. 2009 год. Художник Алексей Ильин.



*Солнце. Красная глина, глазури.
Керамист Любовь Грачева.*